

Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?

Сборник научных статей и докладов

Орёл–Кишинёв,
2018

Российский Центр науки и культуры в Кишиневе
Представительство Россотрудничества в
Республике Молдова
Институт русского зарубежья
Орловский государственный университет имени
И.С. Тургенева
Сектор этнологии русского населения в Республике
Молдова
Института культурного наследия АН Молдовы

Сборник научных статей и докладов по материалам
научно-практической конференции «Провинциализм: сохранение
самобытности или самоизоляции?»

Орёл–Кишинёв,

2018

УДК 323.1+930.85+130.2
ББК 66.3(0)+63.3(29=)+87.6

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
Протокол № 9 от 21.06.2018 года.

Научное издание

Научно-практическая конференция «Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?». Сборник научных статей / под общ. ред. проф. В.П. Степанова, С.М. Губаненковой. – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2018. - 301 с.

ISBN: 978-5-9929-0623-3

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?» знакомит читателя с современными взглядами и подходами специалистов различных научных направлений на феномен провинциализма как особой духовно-нравственной категории в условиях меняющегося мира. Особое внимание уделяется провинциализации сознания населения Пруто-Днестровских земель и Левобережного Поднестровья, составляющих сегодня территории современной Республики Молдова и самопровозглашенного Приднестровья.

В сборник включены доклады участников научно-практической конференции, проходившей на базе Российского центра науки и культуры в Кишинёве.

Сборник предназначен широкому кругу читателей: историкам, политологам, философам, учёным, политикам, журналистам, студентам, всем интересующимся современными этническими, этнополитическими, общественно-политическими процессами.

УДК 323.1+930.85+130.2
ББК 66.3(0)+63.3(29=)+87.6

ISBN: 978-5-9929-0623-3

© Коллектив авторов
© Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Содержание

	Стр.
Марьяш И. Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?: обзор выступлений (материалы газеты «Русское слово» Посольства РФ в Молдове).....	6
Пантелеев С.Ю. Русская провинция в глобальном мире: метрополия и окраины.....	16
Серёгина Т.В. Провинциальная культура и русская провинция.....	24
Мапельман В.М. Нравственные перспективы провинциализма и их взаимосвязь со столичностью.....	35
Губаненкова С.М. Провинция в условиях глобализации.....	47
Мосионжик Л.А. Провинциальное общество Бессарабской губернии: формирование и особенности.....	57
Блажко В. Роль элиты в местном самоуправлении: особенности и тенденции	70
Рабинович Р.А. На пограничье культурных провинций: Пруто-Днестровский регион в эпоху раннего Средневековья.....	76
Старостенко К.В., Чекулаев А.А. Федерализация как механизм предупреждения и урегулирования политических конфликтов на постсоветском пространстве.....	89
Бабилунга Н.В. Интеграция новых провинций Бессарабии и Левобережного Приднестровья в общественно-политическую жизнь России в XIX в.....	104
Чернышенко В.В. Специфические особенности современных провинциальных молодежных субкультур постсоветского пространства.....	113
Пашалы П. Провинциализм, регионализм и автономизация: что важнее для самосохранения и развития малочисленного народа Гагаузии?	120
Грек И.Ф. Самобытность и самоизоляция в контексте этнического самосохранения: размышления на тему.....	125
Стати В.Н. Глоттонимия и политика. Молдавский и румынский языки: общее и особенное.....	128
Шорников П.М. Бессарабский регионализм. 1918-1940 гг.....	152
Гарусова О.А. Образ Бессарабии в эмигрантской литературе 1920-1930-х гг.....	170
Кауненко И.И. Восприятие времени этническими меньшинствами Республики Молдова в период трансформации общества.....	182
Рябцева С.С. «Племенные» или «территориальные» уборы? К	

вопросу о ювелирных «провинциях» Древней Руси.....	190
Романова С.Я. Провинциализм как один из факторов сохранения самобытности гагаузов.....	199
Зайковская Т.В. Некоторые особенности бытования песенного фольклора в русских селах романо-славянского пограничья.....	211
Рябцев И.А. «Другие русские»: старообрядцы и сектанты Бессарабии.....	237
Букарский В.В. Молдавия как перекрёстное геополитическое поле: исторический и цивилизационный аспекты.....	249
Сузанская Т.Н. «Молдавский текст» в новейшей русской литературе: тенденции провинциальной уникальности.....	257
Поздняков А.В., Минаков И.Н. Проблема возникновения и эволюции религиозной нетерпимости в контексте исторических форм идентичности.....	270
Степанов В.П. Есть ли будущее у провинции?.....	283

И. Марьяш,
Русское слово» - газета Посольства РФ в Молдове
I. Mariash,
"Russian word" - newspaper of the Embassy of the Russian Federation in
Moldova

**ПРОВИНЦИАЛИЗМ: СОХРАНЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ ИЛИ
САМОИЗОЛЯЦИОНИЗМ?: ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ (материалы
газеты «Русское слово» Посольства РФ в Молдове)**

Аннотация. Обзор докладов участников международной научно-практической конференции, которая прошла в Российском центре науки и культуры в г. Кишинёв. Тематический охват почти трёх десятков выступлений весьма широк. От экскурсов в «преданья старины глубокой» до трактовок геополитических изменений после развала СССР.

Ключевые слова: провинция, периферия, столица, геополитика, румынизация, национальная безопасность.

**PROVINCIALISM: STORAGE OF SELF-EMPHASIS OR SELF-
ISOLATIONISM?: REVIEW OF THE SPEECHES**

Annotation. Review of reports of the participants of the international scientific and practical conference, which was held at the Russian Center for Science and Culture in Chisinau. The thematic coverage of almost three dozen performances is very wide. From the excursions to the "old times profound devotions" to interpretations of geopolitical changes after the collapse of the USSR.

Key words: province, periphery, capital, geopolitics, romanization, national security.

Такова тема двухдневной международной научно-практической конференции, которая прошла в Российском центре науки и культуры. Её открыл глава представительства Россотрудничества в РМ Михаил Давыдов. Организаторами форума выступили РЦНК, Институт русского зарубежья РФ, Орловский госуниверситет им. И.С. Тургенева, сектор этнологии русского населения в Молдове Института культурного наследия АНМ. Мало сказать, что тематический охват почти трёх десятков выступлений был весьма широк. От экскурсов в «преданья старины глубокой» до трактовок

геополитических изменений после развала СССР. От «жертвенности в русской провинции», которую анализировала московский эксперт Надежда Бабурова, до проблемы подготовки современных кадров в России и Молдове. Любопытно, что и то и другое вызвало живой обмен мнениями. Вполне логичным было и то, что разные докладчики так или иначе (вне зависимости от темы своего выступления) пытались дать определение «провинциальности» и «столичности».

Путешествие из периферии в столицу. Термин

«провинция», появившись давным-давно,

довольно быстро дополнился откровенно выраженными нелестными оттенками. Его первоначальная смысловая лояльность ограничивалась

ссылками на различную степень несамостоятельности этих административных единиц государства и вторичность их уровня управления. Однако затем трактовка понятия «провинция», как местности, находящейся в отдалении от столицы или крупных культурных центров, наложила свой жёсткий отпечаток и на смысл термина «провинциальный». И хотя впоследствии его использовали историки,

писатели, этнографы, стремясь отметить позитивные особенности народной жизни и периферийного быта, всё равно перебить эту тенденцию не удалось. До настоящего времени провинциализм связывают с консерватизмом привычек и манер поведения, приверженностью к местным порядкам и сложившимся традициям, погрешностями в речи и спецификой её интонаций.

Но неоспоримым является и то, что провинция оказалась способной многократно продемонстрировать своё умение выступать мощной духовной (и не только) основой нации. Столичность в этическом отношении всегда была оплотом моральности, а провинциализм оказался способным к воплощению основных ценностей нравственности. Именно эту тему для своего выступления выбрала доктор философских наук, профессор Московского городского педагогического университета Валентина

Мапельман.

Анализ особенностей деятельности нескольких социальных групп она начала с чиновничества. Его негативный провинциализм (социальная неотёсанность) проявляется, кроме прочего, в безразличии к культуре, самобытности и достоинству государства, которое оборачивается реальной угрозой его национальной безопасности. Принцип: «Всё на продажу!» оказался чрезвычайно близок чиновникам-бюрократам. Под угрозой оказались исторические памятники, национальные богатства, художественные и природные ценности, государственные тайны, престиж страны, памятные достопримечательности. Заключаются сделки по поводу музейных экспонатов, архитектурных объектов, культурных уникамов, заповедных зон. Социологические наблюдения московского учёного вызвали живой отклик российских и молдавских коллег. Из их реплик, вопросов и дополнений было ясно, что столичных и провинциальных чиновников и молодых карьеристов исследователи видят отнюдь не через розовые очки. Докладчик проанализировал также поведение ещё двух социальных групп, оказавшихся способными к реализации худших проявлений провинциализма при стремлении быть носителем столичности, – интеллигенции и молодёжи. Кстати, доцент философского факультета Орловского госуниверситета им. И.С.Тургенева Василий Чернышенко

посвятил своё выступление специфическим особенностям современных провинциальных молодежных субкультур постсоветского пространства.

После развала – там, где был Советский Союз. Директор Института русского зарубежья РФ Сергей Пантелеев обрисовал современное положение метрополии и окраин русской провинции в

глобальном мире. Он отметил серьёзные геополитические изменения, которые произошли после развала СССР. Распавшейся сверхдержаве Запад и США стали навязывать роль мировой провинции. Такое отношение испытала на себе не только Россия. Например, страны Балтии, которые прежде считались западной витриной Советского Союза, превратились в задворки Европы.

Председатель национального совета по аккредитации и аттестации РМ профессор Александр Буриан отметил в своём выступлении, что у нас принято во всех бедах и неудачах винить геополитику. Отрицать этот фактор влияния трудно, но, запугивая население русскими танками, власть позволяет себе делать всё, что хочет. В условиях, когда полмиллиона граждан республики трудятся в странах Евросоюза и столько же в России, измученному населению навязываются дискуссии о названии языка, выборе между Западом и Востоком.

Экс-депутат парламента Молдовы, доцент кафедры отечественной истории

Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко Пётр Шорников подверг критике устойчивое классическое словосочетание «тюрьма народов»: Российская империя никогда ею не была! В своём выступлении он остановился и на идеологических битвах 90-х годов между молдовенистами и унионистами: «Гражданское общество Молдовы оказало сопротивление политике реформирования массового исторического сознания. Вернуть в учреждения образования курс истории Молдавии мы не смогли. Однако молдавские историки-традиционалисты внесли решающий вклад в обновление исторической памяти народа и создали исторический дискурс, противостоящий официальному курсу «Истории румын».

Движению «Единство» удалось замедлить разрушение существующей системы образования и отстоять вертикаль воспитания и образования, функционирующую на русском языке. Мы способствовали сохранению молдавской исторической школы. «История румын» преподаётся в учебных заведениях Молдовы как обязательный курс, но общественность сознаёт его научную несостоятельность. Начатая в конце 80-х годов прошлого века борьба за правдивое отображение прошлого продолжается и поныне».

Профессор Василий Стати напомнил о том, как политические перемены вызвали агрессивное наступление на язык коренного населения, которое пытаются лишить национального самосознания. Если нет молдавского языка, то, получается, нет и молдавского народа, самих молдаван? – такой риторический вопрос задал аудитории докладчик. А историк Иван Грек выбрал тему «Самобытность и самоизоляция в контексте этнического самосохранения».

Исполнительный директор Изборского клуба в Молдове Владимир Букарский отметил, что правящий класс в нашей республике настроен ныне на Запад и являет собой передовой отряд западной колонизации страны. Но, согласно всем опросам, большинство простого народа ориентировано на Россию. Это показал и результат президентских выборов 2016 года. Присутствует у нас и территориальный раскол: Приднестровье чётко

определилось со своим геополитическим выбором в сторону Русского мира. Властям Кишинёва, если они всерьёз рассчитывают интегрировать Приднестровье, придётся учитывать этот цивилизационный фактор.

Сегодня Молдова поделена между сторонниками двух полярных геополитических проектов: западного, или евро- атлантического, и славяно- православного, или евразийского. Сегодня есть два пути: либо сторонники разных векторов найдут способ сосуществования и взаимодействия, либо геополитический разрыв приведёт к дезинтеграции страны и самоликвидации самобытного молдавского проекта, считает докладчик.

С анализом поведения местных молдавских элит, пришедших к власти, выступил доктор социологии Владимир Блажко. Его тема – «Особенности социального взаимодействия центра и провинции в Молдове». В частности, сославшись на проводившиеся опросы, он отметил: до 87% сотрудников примэрий считают, что их права и возможности ограничены, и лишь треть полагает, что обладает какой-то самостоятельностью.

Уроки прошлого ради настоящего и будущего. Доктор наук Роман Рабинович напомнил историю Пруто-Днестровского региона в X - XI веках и проанализировал специфику этого «пограничья культурных провинций». Его коллега Леонид Мосионжник, ответственный секретарь научного антропологического журнала *Stratum plus* посвятил своё выступление формированию и особенностям провинциального общества Бессарабской губернии. Он считает, что статус провинции во многом был удобен нашему краю и при царизме, и при советской власти.

На интеграции новых провинций Бессарабии и левобережного Приднестровья в общественно-политическую жизнь России в XIX веке остановился профессор Николай Бабилунга, зав. кафедрой отечественной истории Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко. Он привёл примеры того, как многонациональное местное население по обе стороны Днестра вполне комфортно сосуществовало в рамках Российской империи. Не пыталось «освободиться», не ощущало себя «оккупированным», ему были

чужды сепаратистские стремления. Жители края считали себя россиянами! Несмотря на отдаленность от Санкт-Петербурга, Москвы и других политических и культурных центров империи, обе провинции с момента своего вхождения в Россию жили общими со всей страной проблемами, интересами, заботами.

Социально-политическая, культурная и духовная интеграция населения обеих провинций в общерусский конгломерат народов произошла на редкость безболезненно и естественно. Конечно, ныне можно пытаться изменить менталитет проживающих здесь народов, навязать им чуждую этническую самоидентификацию. Но с исторической точки зрения это не представляется ни перспективным, ни оправданным.

Сотрудник Российского университета дружбы народов Александр Макухин, проанализировал в своём докладе специфику местного самоуправления, начиная с декабря 1994 года, когда парламент страны принял первый закон об административно-территориальном устройстве нашей республики. Через семь лет вступила в силу уже третья версия аналогичного закона, и молдавские политики не собираются на этом останавливаться, намереваясь и дальше перекраивать эту систему под конъюнктуру текущего момента.

Для сравнения молодой учёный привёл в пример реформу административно-территориального деления в Польше, направленную на децентрализацию. Она была проведена сразу после того, как эта страна перестала быть частью восточного блока. В течение 180 дней её новое руководство начало первый этап децентрализации. Несмотря на то что население Польши превышает молдавское в десять раз, местных структур управления у них всего втрое больше. (Сравнительные аспекты были рассмотрены специалистами на молдо-польском форуме в 2016 году.) Большинство привлеченных экспертов из стран ЕС считают, что для осуществления реальной реформы в Молдове на данный момент нет решения, основанного на политической воле. Во многом эта проблема

связана с тем фактом, что любая централизация – очень хороший инструмент влияния. А в нестабильной политической и электоральной системе Молдовы это важнейший способ мобилизации электората.

Отдать такой инструмент не выгодно для многих политических сил. На примере польской системы местного самоуправления можно заметить, что в ней фактически исключен принцип «политического финансирования» регионов из центра, поскольку большая часть собранных налогов не отправляется в центральный распределительный орган (в Молдове это Министерство финансов), а осваивается в рамках компетенции местных властей. Во избежание непрозрачных и неэффективных трат и возрастания коррупции среди локальной администрации закон о местном самоуправлении чётко прописывает исключительную компетенцию местных властей. Туда входят вопросы инфраструктуры, первичного уровня здравоохранения и образования (медицинские пункты и поликлиники, детские сады и начальные школы), вопросы обеспечения необходимых коммуникаций (связь, электричество, вода), а также состояния экологии (куда входят и вопросы ликвидации мусора и прочих отходов). Представители местной власти там вольны сами, без согласования и прочих разрешительных процедур со стороны более высокого уровня управления, решать все эти проблемы.

Если в Польше местные органы власти осваивают порядка 75% направляемых европейских средств для регионального развития и партийно-политический расклад в стране не влияет на распределение денег, то у нас 90% помощи Евросоюза достаются тем, кого контролируют правящий альянс и демпартия. Представители оппозиционных политических сил, победившие на выборах в местные органы власти, отмечают, что в последние пять лет им отказывают в получении любого внешнего финансирования со стороны фондов ЕС. За это распределение отвечает центральная власть в лице минфина и министерства строительства и регионального развития Молдовы.

Без России история Украины и Молдовы обеднела. Инициатор нынешней конференции, зав. кафедрой социальной антропологии и

этнонациональных процессов Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева Вячеслав Степанов – наш земляк. Вот что он, в частности, сказал на состоявшемся в Кишинёве форуме российских и молдавских учёных: - Я уже неоднократно обращал внимание на близость исторических судеб Молдовы и Украины, которые, несмотря на разницу в размерах, отличались порой общими процессами, переживаемыми их населением. Обе страны на протяжении веков находились в раскроманном положении и под контролем внешних сил. Интересно, что свои государственные устои эти исторические территории обрели в немалой степени при участии России.

Но в последние годы отношения с ней не романтизируются, наоборот, наблюдается постоянная тенденция отмежеваться. Реалии современности, продемонстрировали наличие несоответствия идеализируемого и реального. Практически все национальные герои, представленные в центральном парке Кишинёва, являются собой персоналии, напечатанные на денежных знаках Румынии и входящие в хрестоматии по истории и языку соседнего государства. В историческом процессе сложились определенные этно-политические мифы: о Великой Румынии и национальной исключительности и превосходстве румын как наследников двух великих народов древности – римлян и даков. Молдова, обладая собственной древней историей, одновременно столкнулась с ее дефицитом. Молдове, как и Украине, явно недостает самостоятельной истории без участия России. Одновременно, в силу внутренних и внешних процессов, сложившихся в годы постсоветского развития, подчеркивать связь с Россией в официальной историографии этих государств оказалось непрестижным. Это привело к формированию новых исторических мифов. На Украине это идеализация дореволюционной борьбы за украинскую идею, в XX в. – бандеровщина и голодомор. В Молдове учебным заведениям навязан курс «история румын», в котором сама РМ рассматривается как историческая румынская земля.

Молдавская идентичность, кириллическая графика и даже этноним «молдаване» и глоттоним «молдавский язык», а также самоуправляемая Молдавская церковь, как часть Русской православной церкви, в немалой степени оберегались русским влиянием на подконтрольных России территориях на обоих берегах Днестра с конца XVIII века до распада советской державы.

...Число вопросов в теме обсуждения не уменьшилось. Сколько времени потребуется Республике Молдова для того, чтобы выйти из привычного провинциального состояния? Какой видит Россия будущее молдавской государственности? Насколько она готова идти в этом направлении? Кто хочет, чтобы молдавское государство стало самодостаточным и динамично развивающимся? Прежде всего, насколько к этому готов сам народ Молдовы, привыкший больше выступать в качестве

статиста?

**О чём ещё
говорили на
конференции?**

Насыщенный, интересный обзор «Там, где была Россия. Образ Бессарабии в эмигрантской литературе 1920-1930-х годов» предложила вниманию участников конференции научный сотрудник АНМ Ольга Гарусова. Она отметила, что нынешние исследователи включают «русскую Бессарабию» в более сложный контекст культурного пространства русского Зарубежья.

С анализом современных литературных произведений, написанных в Молдове на русском, выступила доктор филологии из Бельцкого госуниверситета Татьяна Сузанская. Она говорила о своеобразии талантливой прозы Михаила Поторака, поэзии Сергея Пагына и Юрия Гудумака, других ярких «провинциальных» авторов.

Представители научно- исследовательского центра им. М.В. Маруневич Григорий Радов и Светлана Романова посвятили свои выступления происхождению, истории и культуре гагаузов. И в частности – развитию и внедрению изучения родного языка в учебных заведениях автономии как главной основы сохранения этого этноса. Об исторической идентичности гагаузов на примерах из художественной литературы говорила и Диана Никогло (Институт культурного наследия АНМ).

Ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АНМ Ирина Кауненко рассказала о ещё незаконченном исследовании по восприятию времени представителями разных этнических групп – молдаванами, русскими, болгарами, украинцами, гагаузами. По её словам, уже выявлено, что в целом они воспринимают нынешнее время положительно. Большинство респондентов характеризует его как стремительное, открытое, важное, но и вместе с тем как тяжёлое и холодное. Автор считает, что исследование отношения наших современников ко времени даёт возможность понимания настоящего и коллективного будущего.

С.Ю. Пантелеев

Директор Института Русского зарубежья,
Россия, Москва

S.Yu. Panteleev

Director of the Institute of Russian Abroad,
Russia, Moscow

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МЕТРОПОЛИЯ И ОКРАИНЫ

Аннотация. В современном мире локальное выступает концентрированным выражением глобальных процессов. В статье рассматриваются вопросы роли России в мире после распада СССР, где Российская Федерация на долгие годы оказалась глубокой провинцией мирового сообщества. Акцентируется внимание на проекте «Русский мир», формирующимся как инструмент вписывания России в процессы глобализации, а также обретения новой идентичности в глобальном мире.

Ключевые слова: глобализация, провинция, Россия, глобальный однополюсный мир, Русский мир.

RUSSIAN PROVINCE IN THE GLOBAL WORLD: METROPOLIYA AND CURTAINS

Annotation. In today's world, local acts as a concentrated expression of global processes. The article examines the role of Russia in the world after the collapse of the USSR, where the Russian Federation for many years turned out to be a deep province of the world community. The focus is on the "Russkiy Mir" project, which is emerging as an instrument for inscribing Russia into the processes of globalization, as well as gaining a new identity in the global world.

Key words: globalization, province, Russia, global unipolar world, Russian world.

Вынесенный в название нашей конференции вопрос «Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?» только на первый взгляд касается локальных проблем и локальных сообществ. В современном глобализирующемся, а вернее – уже глобальном мире, локальное зачастую выступает концентрированным выражением глобальных процессов и глобальных проблем.

Накануне мы отметили 100-летие Октябрьской революции – глобального мирового события, без всякого сомнения, ключевого события XX века, изменившего не только Россию и весь мир. При этом великая русская социальная революция базировалась на интернациональной основе, ее методология была вненациональна, если не сказать – антинациональна. Не случайно до сих пор в русском обществе существуют полярные оценки тех событий, и одним из убедительных аргументов сторонников негативистских оценок Революции является колоссальная цена, которую России пришлось заплатить за советскую модернизацию и реализацию на практике марксистской утопической теории. Бесспорно одной из жертв советского эксперимента стала «русская провинция» в широком смысле этого слова как хранительница национальной традиции и национальной памяти.

Безвозвратно уничтоженное русское крестьянство, составлявшее демографическую основу Российской империи, разоренные и умершие русские деревни, получившие в хрущевские годы позорное клеймо «неперспективные», деградирующие малые исторические города – колыбель Русской цивилизации, с разрушенными или разрушающимися православными храмами и памятниками национальной истории – тому было зримое подтверждение.

Но это – одна сторона медали. На другой стороне – проведенная в предельно сжатые сроки индустриализация, позволившая победить в Великой Отечественной войне, статус второй великой державы, прорыв в космос, великие достижения в науке и технике, создание мировой социалистической системы – глобального советского проекта.

Рассуждения о причинах краха этого проекта увели бы меня далеко за пределы тематики нашей конференции. Но об одной причине, и, на мой взгляд – ключевой, я все же скажу. Точнее, вначале я приведу цитату из знаменитого выступления великого русского писателя В.Г. Распутина на Первом съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 г. Тогда, в ответ на все нарастающие обвинения националистически настроенных депутатов из союзных республик, он сказал: «А может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы, природные и человеческие, у нас ещё остались, руки не отсохли...».(Распутин 1989)

Позже В.Г.Распутина за эти слова обвинят чуть ли не в том, что он тем самым призвал Россию выйти из Союза и несет ответственность за распад СССР. Это, конечно, глупость. Дело в другом – это был крик коренной России, русской провинции, за счет которой во многом и создавался советский глобальный проект. Не случайно знаменитый писатель-деревенщик тогда еще добавил: «Не Россия виновата в ваших бедах, а тот

общий гнет административно-промышленной машины, который оказался для всех для нас пострашней монгольского ига и который и Россию тоже унизил и разграбил так, что она едва дышит». (Распутин 1989)

Вот именно это противоречие между советской, выражаясь словами Распутина, «административно-промышленной машиной» и русской коренной Россией, русской провинцией, ярким представителем которой был он сам, и стало одной из причин краха СССР. Потому что если бы не было острых внутренних проблем, никакие внешние противники, естественно стремившиеся уничтожить глобального конкурента, не смогли бы снести этого колосса.

Для русского народа, горячим защитником которого всегда был В.Г. Распутин, распад СССР стал настоящей геополитической катастрофой – за границами Российской Федерации оказалось 25 миллионов русских, ставших одновременно, по словам В.В. Путина, «одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире...». (Путин 2014)

С самой же Россией произошла поразительная вещь – отказываясь от советского проекта под лозунгами «вхождения в мировое сообщество», Российская Федерация на долгие годы вдруг оказалась глубокой провинцией этого самого сообщества, растратившей территории, людей, экономику, социальные завоевания, да и просто такую немаловажную для великой державы штуку как международный авторитет и влияние. Но это касалось не только России, но и всех без исключения бывших советских республик.

Не случайно З. Бжезинский писал, что «распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию “черной дыры” в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли». (Бжезинский 1998: 48)

Еще вчера будучи вторым полюсом мира, мы вдруг стали провинцией глобального однополюсного мира. Это, помимо прочего, означало, что,

будучи провинцией, мы получаем из единственного центра мира – Запада в лице его гегемона США социально-политическую методологию (либеральную демократию в англосаксонских трактовках), ставшей основной в том числе и нашей политической науки, воплощенной в учебниках политологии, например, отсюда же мы получаем экономические правила игры, превращающие нас в лузера-провинциала, сидящего на кредитах МВФ, отсюда же мы получаем стандарты массовой культуры – с тотальным доминированием голливудского ширпотреба, отсюда же – и это самое страшное, мы получаем матрицу человеческих отношений, вместо привычного коллективизма и взаимоподдержки – примат товарно-денежных отношений, атомизацию общества и разрушение и так традиционно слабых у нас горизонтальных связей. И я здесь говорю не только о России, но и о всех бывших союзных республиках. Даже о тех, кто был в первых рядах интеграции в «евроатлантическое сообщество».

Тут в качестве примера «провинциализации» вполне можно привести, конечно, Прибалтику, которая во времена СССР была «европейским фасадом» Союза, а в ЕС стала глубокой европейской провинцией, со стремительно сокращающимся населением и почти полностью уничтоженной экономикой. Кстати, у европейских, преимущественно британских, туристов в Риге есть странная традиция – гадить у памятника Свободе – одном из главных символов Латвии.(Латковскис 2012) Это у них что-то вроде флеш-моба. Очень символично.

Что же касается самой России. Каждый, кто знаком с концепцией «Русский мир» не по западным пропагандистским штампам, знает, что она формировалась как гуманитарный инструмент вписывания России в процессы глобализации. На сайте Фонда «Русский мир» читаем: «Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития».(Информационный портал Фонда «Русский мир»)

И все бы было хорошо, если бы процессы глобализации не проходили по правилам однополярного мира. Мира, который, как сказал Президент России в знаменитой «Мюнхенской речи» 2007 г. «означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена».

И потому нет ничего удивительного в том, что гуманитарная концепция «Русский мир» вскоре на Западе стала трактоваться вовсе не как мир Толстого и Достоевского, а как некая концепция нового русского империализма, возрождая застарелую западную русофобию времен «Большой игры» XIX века и «холодной войны» XX века.

Причем негативная трансформация восприятия на Западе этой концепции произошла вовсе не после начала трагических событий на Украине, когда против России развернулась настоящая информационная война, не после событий 08.08.2008 в Грузии, когда мы впервые увидели, как эффективно может использоваться информационная ложь в целях дискредитации геополитического конкурента. Точкой отчета здесь служит именно 10 февраля 2007 г. – «Мюнхенская речь» В.В. Путина, на которой впервые четко было заявлено, что Россия не согласна быть провинцией глобального мира, у нее есть свои национальные интересы и они связаны в том числе – с интеграцией нашего континентального пространства и с созданием Евразийского союза.

Что же касается зарубежного Русского мира, то и здесь так же остро стоит вопрос – каким образом будет проходить интеграция в глобальные структуры? На правах восприятия ценностей принимающего сообщества с отказом от собственной традиции, языка и культуры? В виде сегрегации - создании закрытых русских общин, озабоченных лишь собственными интересами и не принимающими участия в жизни гражданского общества страны проживания? Очевидно, мы видим сегодня преимущественно именно эти два подхода, оба из которых – негативны и провинциальны в негативном смысле слова. Первый предполагает полный отказ от самих себя, второй, хотя

и выглядящий как путь самосохранения, в действительности является обратной стороной первого – такого рода закрытые общества не имеют будущего.

Очевидно, что интеграция Русского мира и России в глобальные структуры в рамках навязанной однополярной модели заведомо означает безальтернативность этих двух вариантов. Русский мир обречен быть окраиной глобального мира, выстроенного по англо-саксонским лекалам.

Отказ от этой модели предполагает полноценное обретение Россией своей субъектности как одного из центров многополюсного мира и центра Русского мира. Выстраивание отношений России с зарубежным Русским миром при таком подходе осуществляется на партнерской основе, с отказом как от патернализма по отношению к зарубежным соотечественникам, так и от игнорирования их проблем, чего зачастую требуют от России под предлогом «невмешательства во внутренние дела». Такой вариант означает, что русские и люди русской культуры, живущие в других государствах – полноценные члены гражданского общества стран их проживания, со всеми правами и обязанностями, но цивилизационно, духовно, культурно связанные с Россией как исторической родиной. И в этом плане выступающие естественным «мостом» для сотрудничества между Россией и государством своего проживания. Это путь «позитивной интеграции» в «принимающее сообщество» с сохранением собственной идентичности и сотрудничества по линии «общественной дипломатии» с Россией как метрополией. Это путь развития горизонтальных связей на уровне гражданских структур, как между русскими, живущими в различных странах, так и между гражданскими структурами стран их проживания и Россией.

Это, кстати, путь настоящей, а не «привнесенной» демократии, реальных, а не «виртуальных» общественных связей. Проблема в том, что те, кто больше всего твердит о демократических ценностях, как раз не желают именно такого пути, видя в «демократическом движении» прежде всего

инструмент для удержания потенциальных геополитических конкурентов в положении провинциалов глобального мира.

Развитие горизонтальных связей – это и рецепт для русской провинции в позитивном смысле слова. Провинции как хранительницы традиций, как исторической и культурной основы народа, как «малой родины», как пространства родной природы. Возрождение русской деревни, развитие малых и средних городов России, их инфраструктуры, транспортных коммуникаций, туристических маршрутов, региональной специализации и межрегионального сотрудничества. Возрождение русской провинции как места отдохновения от безумного темпа урбанизированных и оглобализированных столиц, как настоящего лица страны и народа.

Как это ни парадоксально, но возрождение русской провинции в России и выход из навязанного русским положением провинциалов глобального мира – вещи взаимосвязанные. Без корней не может быть роста, без традиций не может быть будущего. Открытость миру, устремленность в будущее, основанное на великих достижениях прошлого и прочном фундаменте традиций – вот формула нашего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бен Латковскис. Рига: почему-то на памятник Свободы писают британцы, а не русские, 2012 // <https://rus.postimees.ee/920998/riga-pochemu-to-na-pamyatnik-svobody-pisayut-britancy-a-ne-russkie>
2. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1998. - с. 112.
3. Информационный портал Фонда «Русский мир» // <https://ruskiymir.ru/fund/>
4. Президент России. Обращение Президента Российской Федерации, 2014 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
5. Распутин В.Г. Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 года // <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst14.htm>

REFERENCES

1. Ben Latkovskis. Riga: pochemu-to na pamyatnik Svobody pisayut britancy, a ne russkie, 2012 // <https://rus.postimees.ee/920998/riga-pochemu-to-na-pamyatnik-svobody-pisayut-britancy-a-ne-russkie>
2. Bzhezinskij Zbignej. Velikaya shahmatnaya doska. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1998. - s. 112.
3. Informacionnyj portal Fonda «Russkij mir» // <https://ruskiymir.ru/fund/>
4. Prezident Rossii. Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii, 2014 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
5. Rasputin V.G. Vystuplenie na Pervom s"ezde narodnyh deputatov SSSR 1 iyunya 1989 goda // <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst14.htm>

Т.В. Серегина,

к.филос.н., доцент, профессор кафедры логики, философии и методологии науки, декан философского факультета Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Россия, Орёл

T.V. Seregina,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Chair of the Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Dean of the Faculty of Philosophy, Orel State University. Turgenev, Russia, Orel

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы специфики русской провинции, поднимаемые отечественными мыслителями и учёными – Н. Бердяевым, Н. Данилевским, Вл. Соловьёвым, В. Розановым и др., в центре размышления которых находились проблемы русской духовной жизни в контексте категорий «центр-периферия», «столица-провинция». Акцентируется внимание на русской провинции как культурном феномене включающем в себя ряд парадоксов, в которых интегрированы философские (мировоззренческие, трансцендентные) составляющие.

Ключевые слова: провинция, столица, центр, периферия, европейничанье, провинциальная скука, русская провинция, русская духовная жизнь.

PROVINCIAL CULTURE AND RUSSIAN PROVINCE

Annotation. The article deals with the specifics of the Russian province, raised by domestic thinkers and scientists - N. Berdyaev, N. Danilevsky, Vl. Solovyov, V. Rozanov, and others, in the center of their thinking there were problems of Russian spiritual life in the context of the categories "center-

periphery", "capital-province". Attention is focused on the Russian province as a cultural phenomenon that includes a number of paradoxes in which philosophical (worldview, transcendental) components are integrated.

Key words: province, capital, center, periphery, Europeanism, provincial boredom, Russian province, Russian spiritual life.

Провинциальная культура, пожалуй, одно из главных достояний России. Русская провинциальная культура, в отличие от столичной, ближе к народному укладу жизни, что позволяло ее представителям отражать в своем творчестве сложившуюся столетиями цельность всего национального бытия. Предлагая свой проект обустройства России, А.И. Солженицын, обращал внимание на духовной потенциал русской провинции, от которого во многом зависит наша национальная культура, наш исторический путь. Однако исследование данных проблем невозможно без рассмотрения таких понятий, как «провинция», «провинциальный», «провинциал». Например, по мнению Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова, «провинция» - местность - территория страны в отличие от столиц (Волин, Ушаков 1939: 902). По сути дела вся громадная территория России - это провинция. Уже к концу XIX в., когда были получены данные первой всеобщей переписи населения России, стало очевидно, что провинциалов в пятьдесят с лишним раз больше, чем столичных жителей, поэтому в понимании большинства жителей Российской империи провинция и Россия стали синонимами. Это нашло свое выражение в известных высказываниях Н. Карамзина о России, сильной своей провинцией, или В. Ключевского о смещении в России центра на периферию, и способствовало переходу представления о провинции в разряд широко распространенных метафор, многообразно используемых, скажем, при сравнении особенностей культуры столицы и провинциальной культуры (Злотникова 2014).

В.И. Даль, исследуя понятие «провинциал» пишет, что это «живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья» (Даль 2003: 384). Он же, раскрывая сущность понятия «захолустье», подчеркивает, что: «захолустье,

глухое место, закоулок или малолюдная часть в городе, отдаленное или малонаселенное, малопроезжее место, затишье» (Даль 2003: 384). Здесь он впервые отмечает не только отрицательное в понятиях «провинция», «захолустье», но и выделяет положительную сторону мест, отдаленных от «столиц»: тишину и покой, присущий им.

Представления о русской провинции включают в себя философские обобщения, осуществляемые как профессиональными философами, так и философствующими писателями, художниками, музыкантами, актерами. Так уж сложилось, что духовная жизнь русской провинции более всего известна теми сферами национального культурного достояния, которые находили свое отражение в литературном, театральном, музыкальном и других видах духовного творчества. Обособленно в этой плеяде творческой интеллигенции стоят представители философской мысли, одним из которых был Н. Бердяев, видевший проблему русской духовной жизни в факте существования «центра» и «периферии». Столичная образованная элита срастается с центральной властью, считал он, и, как следствие, возникает духовный бюрократизм, губительный для всходов национальных ценностей. С другой стороны, провинциальный духовный плебс возводит свою серость и невежество в некую «народническую» оппозицию нормам высокой культуры. Это опасно для единства страны, считал он.

Категориями «центр» и «провинция», по Н. Бердяеву, обременена национальная культура, нераскрывшаяся еще, не равная самой себе. Правда, в России это свидетельство не столько незрелости, сколько трудностей реализации необъятного духовного потенциала. Великие испытания, выпавшие на долю народа, затронули в нем глубоко лежащие пласты духа. Поднявшиеся из глубины вихри энергии проникли в поле предметной культурной деятельности. Пробудившаяся активность народа не находит себе адекватной для данной области формы. Отчасти это происходит потому, что в России почти нет среднего общественного слоя, который повсюду организует общественную жизнь, а также и потому, что даже его навыки не вполне

пригодны для цивилизования нашего духовного содержания (Бердяев 1990). Западные технологии рассчитаны на материал, который уже сам по себе тяготеет к «середине», не уходит ни «вглубь», ни на плоскую «поверхность». Россия же - страна крайностей, контрастов. Однако, ни счастливые озарения, ни роковые заблуждения народного духа не находят прочного воплощения, и все, что остается в мире культуры от этих волнений - лишь некий призрачный фон, на котором все реальные произведения материального и духовного труда выглядят неудавшимися, неудовлетворительными, разочаровывающими. Понятно, что от такой "критической" интенции духа - прямая дорога к разрушительному нигилизму, бунтарскому или же смиренно-пассивному, квиетистскому. Поэтому задача приобретения скрепляющей формы, которая могла бы придать определенность хотя бы только наружную беспокойному содержанию, - одна из первейших для русской культуры. С практикой произвольного наложения внешней формы на русскую духовную жизнь Н. Бердяев и связывает процесс "централизации", который протекает не без помощи властей, однако подлинным его субъектом является интеллигенция. Культурная форма заимствуется у Запада (даже в случае славянофилов). Н. Бердяев не относит это заимствование к роду ученического подражания. Он отдает справедливость талантливости интеллигенции. Принимая западную философию творческой деятельности, русские создают все же в этой манере произведения новаторские, как бы забегают вперед самого прогресса европейского. Русский образованный класс смело обращается с западными нормами. Только благодаря тому, что они несут следы свободы, творческой независимости, новаторства, интеллигентские идеи способны на короткий срок удовлетворить и повести за собой «скептический» дух народа. Однако вполне национальной особенностью у всех отрядов интеллигенции может считаться только горькое чувство «отщепенства» от народа. Но как бы этим ни терзалась интеллигенция, она давно уже оставила «хождение в народ», инстинктивно сбивается в столичные «центры», боясь «потонуть во тьме глухих провинций».

Н. Бердяев говорит о необходимости «децентрализации», имея в виду изживание Россией как «центров», так и «провинции». «Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть в тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это – болезненное и угрожающее. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм, и ложное народничество, духовный провинциализм» (Бердяев 1990: 64).

Провинцию в России можно понимать как состояние души человека. Провинциализм есть другая метафизика жизни, считал Н. Бердяев и другие русские мыслители. Провинции свойственны такие характеристики, как замкнутость, ведущая к ограничению духовных интересов и проявлений, но одновременно и широта, включающая в себя микрокосм личности и макрокосм мира, в том числе – мировой культуры.

Известная удаленность от центра способна обеспечить концептуальную свободу теоретических построений в рамках провинциальной культуры. Эта свобода обеспечивает прирост эвристических и смысловых ресурсов, расширяющих пространство возможностей мировоззренческого развития. Особенно продуктивным обращение к этим ресурсам становится во время кризисов, сопровождающихся разрушением господствующих ранее идеологии, мировоззрения, ценностей. В такие периоды усиливается внимание к наработкам провинциальной культуры и философии. Достаточно вспомнить славянофилов, под влиянием которых в XIX веке обостряется интерес к идейно-духовным ресурсам русской провинции.

Провинциальное происхождение имеют очень важные для русской философии и культуры в целом смысловые образования, такие как «соборность», «всеединство» и другие. Эти смысловые образования,

получившие свое концептуальное оформление в работах конкретных мыслителей, наметили нетривиальные пути решения общецивилизационных проблем. Например, Н.Я. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов доказывает возможность и необходимость самобытного пути развития для всего славянского мира и, в частности, для России, историческая миссия которой в соответствии с его философско-исторической концепцией состоит в том, чтобы играть ключевую роль при формировании и развитии славянского культурно-исторического типа.

Н.Я. Данилевский высказал немало идей, ценность которых ощутимо возросла в настоящее время. Одна из них – это его предостережение об опасности денационализации культуры. Установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, по его мнению, было бы губительным для человечества. Господство одной цивилизации, одной культуры лишило бы человеческий род необходимого условия совершенствования – элемента разнообразия. Н.Я. Данилевский считал, что самое большое зло – это потеря «нравственной народной самобытности», и решительно осуждал Запад за навязывание им своей культуры всему остальному миру. Он гораздо более отчетливо, чем другие видел опасность отрыва от национальных истоков. Раньше большинства своих современников он понял, что ради того, чтобы «культурородная сила» не иссякла в человечестве вообще, необходимо противостоять власти одного культурно-исторического типа, необходимо «переменить направление» культурного развития.

В свете происходящих сегодня в России процессов навязывания сверху стереотипов экономической и духовной жизни Запада особенно актуальны предостережения Н.Я. Данилевского об опасности «европейничанья». «Европейничанье» – это безумное заимствование и пересадка на русскую почву «европействующими демократами» чуждых русскому народному духу европейских учреждений. Иссущая «самобытный родник народного духа», лишая его внутреннего содержания, они «препятствуют осуществлению великих судеб русского народа» (Данилевский 1991: 290, 299).

Н.Я. Данилевскому нельзя отказать в его прозорливости, а его оптимизм в отношении будущего России вселяет надежду на реализацию своего исторического предназначения. Место России в мировой цивилизации зависит прежде всего от того, насколько быстро приходит осознание собственного пути развития, основанного на самобытных российских традициях и ценностях.

Следует отметить, что Н.Я. Данилевский – уроженец Орловщины. Как провинция, находящаяся в самом центре России, Орловщина дала миру целую плеяду выдающихся мыслителей, чье идейное наследие во многом сформировало и определило духовный потенциал России в целом. Помимо Н.Я. Данилевского, это и Т.Н. Грановский – представитель западничества, русский историк и философ; Д.И. Писарев – литературный критик, публицист, философ-нигилист; о. С. Булгаков – религиозный философ, богослов, экономист, общественный деятель; М.М. Бахтин – культуролог, литературовед, философ, отразивший в своем творчестве тенденции современной западной философии, и многие другие.

В конце XX – начале XXI вв. в России вновь актуализировалась ситуация поиска нетривиальных смысловых ресурсов. Потребность заполнения концептуального и идеологического вакуума, образовавшегося после разрушения Советского Союза, ощущалась достаточно остро, особенно в 90-е годы XX столетия. В такой ситуации возникает необходимость обращения к концептуальным наработкам провинциальной культуры, эвристику которой не стоит недооценивать.

Русская провинция – явление специфическое, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории. Это и пространство, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и время, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и настроение, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди

полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов (Злотникова 2014). Хронотоп русской провинции можно определить таким понятием, как «азиатчина». Внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего (Соловьев 1988: 304), то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев» (Розанов 1990: 339). Русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. относилась к России как к Востоку, производя «излюбленное противопоставление «азиатского» начала «европейскому» как «низшего высшему» и, требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России, с напряженным чувством к родине и национальной гордости» (Франк: 453, 454, 459).

Русская провинция как культурный феномен включает в себя ряд парадоксов, в которых интегрированы философские (мировоззренческие, трансцендентные) составляющие. Одним из таких парадоксов является соотношение провинциальности и скуки.

Провинциальная скука – неотъемлемое и существенное явление русской жизни. Философский контекст скуки достаточно своеобразен и разнообразен. У Вл. Соловьева скука является следствием «тяжелого труда» и антитезой «исчезающих иллюзий», выражением неосознанности жизненной цели (Соловьев 1988: 140). Для Н. Бердяева скука делается «диавольским состоянием, состоянием абсолютного небытия»; ей противопоставляется тоска, выходом из нее становится страдание, достигаемое через выбор, с нею соседствует исходящий опасностью из низшего мира страх (Бердяев 1990: 45, 49, 56).

Одна из причин российской скуки – величина географических пространств. Как писал Д.С. Лихачев, «мы часто забываем в последнее время о географическом факторе в человеческой истории. Но он существует, и никто никогда его не отрицал» (Лихачев 1981: 19). Вторая, не менее значимая причина скуки определяется протяженностью времени с его дурной погодой, вялым настроением. Третья причина, органично сочетаемая с обеими, уже названными, – одиночество (Злотникова 2014).

К концу XIX в., когда понятие русского интеллигента обретает законченные очертания, особенно остро воспринимается вопрос о соотношении интеллигентности и провинциальности.

Особый смысл в психологическом портрете русского провинциала приобретают его взаимоотношения с европейцами. Представитель русской провинции традиционно возмущается упорядоченностью, «нормальностью» европейской жизни, а европейцы оказываются перед неразрешимой «загадкой русской души» или «русских пространств», обнаруживая в своем непонимании странную провинциальность духа рядом с неясным мерцанием и парением чувств русских провинциалов.

Для русской интеллигенции характерно особое отношение к драматическому положению России между Востоком и Западом, между темным прошлым и туманным будущим. Она испытывает презрение или нелюбовь к западной цивилизации за то, чем не владеет русский, но что – обладай этим русский – уравнило бы русскую «азиатчину». Однако русские и за границей – в Ницце, Монте-Карло, Берлине, Париже, Нью-Йорке – создают свою «провинцию» как локальное духовное и даже бытовое пространство (Злотникова 2014).

«Для русского западника-азиата, – иронизировал познавший прелести западной культуры Н. Бердяев, – Запад – Земля обетованная, манящий образ совершенной жизни» (Бердяев 1990: 60). Позднее он подчеркивал: «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна» (Бердяев 1990: 127) – то есть самодовольна. Ограниченна интеллектуально и нравственно,

замкнута на собственных интересах, лишена широты и тонкости миропонимания. Из отдельных, то едких, то мрачных замечаний и горестных суждений выстраивается ощущение уже не провинциальности как таковой, но специфичности русского бытия в сравнении с европейским.

Таким образом, слово «провинция» имеет смысл в сопоставлении со словом «столица», с которым связывается представление о некоем духовном и политическом центре, источающем жизнь и движение. Провинциальность означает обычно мерность, неторопливость. В ней – символ приверженности изначальным традициям и идеалам. Провинцию следует соотносить не с культурными центрами или университетскими городами, а со столицей, которая, являясь центром культуры и образования, в первую очередь выступает центром управления жизнью страны. Русская провинция, взятая в ценностном аспекте, наверное, ничем не отличается от провинции Франции или любой другой европейской страны. Но у русской провинции имеются свои особенности, определенные отечественной историей и географическим положением России. Огромность территорий России, разнородность состава страны, разделенного нравами, обычаями, верованиями приводит к тому, что столица и русская провинция оказываются на разных полюсах культурно-исторического развития. При всех достоинствах столичной культуры, охваченной пафосом «всемирности» и европеизма, она никогда не была свободна от влияния провинции, и прежде всего средневропейской, православной. Многие наши философы, писатели, поэты и художники обязаны своей творческой широтой и ясностью духа именно русской провинции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Самопознание.- М., 1990.
2. Бердяев, Н.А. Судьба России. - М., 1990.
3. Волин, Б.М., Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. III. – М.: Гос. Изд-во иностранных и русских словарей, 1939.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. III. – М.: АЛМА-ПРЕСС, 2003.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – для страницы 4
6. Злотникова, Т.С. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры / Т.С.Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.Н.Летина, Л.П. Киященко // Вопросы философии. - 2014. - № 11. - С. 126-136.
7. Лихачев Д.С. Заметки о русском. – М.: Советская Россия, 1981.
8. Розанов, В.В. Ломоносов // Опыты: литературно-философский ежегодник. - М., 1990.
9. Соловьев, Вл. Сочинение. В 2 т. – Т. 1. - М., 1988.
10. Соловьев, Вл. Сочинение. В 2 т. – Т. 2. - М., 1988.
11. Франк, С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой / Пушкин в русской философской критике. - М., 1990.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. Samopoznanie.- М., 1990.
2. Berdyaev, N.A. Sud'ba Rossii. - М., 1990.
3. Volin, B.M., Ushakov, D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. T. III. – М.: Gos. Izd-vo inostrannyh i russkih slovarej, 1939.
4. Dal', V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazykav 4-h tomah. T. III. – М.: ALMA-PRESS, 2003.
5. Danilevskij N.YA. Rossiya i Evropa. – М.: Книга, 1991. – dlya stranicy 4
6. Zlotnikova, T.S. Russkaya provinciya v filosofskom diskurse: konceptualizaciya metafory / T.S.Zlotnikova, T.I. Erohina, N.N.Letina, L.P. Kiyashchenko // Voprosy filosofii. - 2014. - № 11. - S. 126-136.
7. Lihachev D.S. Zametki o russkom. – М.: Sovetskaya Rossii, 1981.
8. Rozanov, V.V. Lomonosov // Opyty: literaturno-filosofskij ezhegodnik. - М., 1990.
9. Solov'ev, Vl. Sochinenie. V 2 t. – Т. 1. - М., 1988.
10. Solov'ev, Vl. Sochinenie. V 2 t. – Т. 2. - М., 1988.
11. Frank, S.L. Pushkin ob otnosheniyah mezhdru Rossiej i Evropoj / Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. - М., 1990.

В.М. Мапельман,
д.филос.н., профессор кафедры безопасности жизнедеятельности
Государственного автономного образовательного учреждения г. Москвы
«Московский городской педагогический университета, Москва, Россия

V.M. Mapelman
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Life Safety
State Autonomous Educational Institution of Moscow "Moscow City Pedagogical
University, Moscow, Russia

НРАВСТВЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВИНЦИАЛИЗМА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СТОЛИЧНОСТЬЮ

Аннотация: В материале даётся современная трактовка феноменов провинциализма и столичности; представлен процесс взаимодействия и взаимопроникновения их основных проявления.

Ключевые слова: провинциализм, столичность, мораль, нравственность, национальная культура, миграция населения.

MORAL PERSPECTIVES OF PROVINCIALISM AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE METROPOLITAN AREA

Annotation: The material gives the present state of the phenomena of provincialism and metropolitanity; the process of interaction and interpenetration of their main manifestations is presented.

Keywords: provincialism, metropolitanity, morality, national culture, population migration.

Термин «провинция», появившись давным-давно, довольно быстро дополнился откровенно выраженными нелестными оттенками. Его первоначальная смысловая лояльность ограничивалась ссылками на различную степень несамостоятельности этих административных единиц государства и вторичность их уровня управления. Однако затем трактовка понятия «провинция», как местности находящейся в отдалении от столицы или крупных культурных центров (Ушаков 2008: 808), наложила свой жёсткий отпечаток и на смысл термина «провинциальный». И хотя в последствие его использовали историки, писатели, этнографы, стремясь отметить позитивные особенности народной жизни и периферийного быта,

все равно перебить эту тенденцию не удалось. До настоящего времени провинциализм связывают с консерватизмом привычек и манер поведения, приверженностью к местным порядкам и сложившимся традициям, погрешностями в речи и спецификой её интонаций, употреблением слов и выражений, отклоняющихся от норм, лежащих в основе литературного языка.

При этом неоспоримым является и то, что провинция оказалась способной многократно продемонстрировать своё умение выступать мощной духовной (и не только) основой нации, содействующей зарождению, становлению, развитию, совершенствованию, очистительному возрождению жизненных и творческих задатков отдельных личностей и целых народов. Особо необходимо сказать о нравственной составляющей провинциального воспитания и существования, ведь именно моральный стержень поведения и поступков во много становился тем краеугольным камнем, который позволял выделить оценочные ориентиры для квалификации того или иного явления, события, процесса.

Прежде чем мы предпримем попытку рассмотрения особенностей современных проявлений провинциализма и их соотношений со столичностью, необходимо сделать несколько предварительных замечаний общетеоретического характера.

Во-первых, в этнологии (этнографии) превалирует подход, в соответствии с которым стремление к объективному и полному описанию происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений различных народов сопровождается выделением наиболее ценных, привлекательных, позитивных, полезных, желанных составляющих этих процессов (Бромлей 2009; Этнология 2006). При этом негативные, отрицательные, нежелательные, неприглядные, спорные составляющие этих же явлений либо не становятся объектами изучения, либо представляются как исключения или случайности. Однако практически всё происходящее в социальной среде является много- и разнонаправленным, а потому однозначной оценке не поддается. Для того, чтобы просчитать тенденцию

развития того или иного процесса или явления, необходимо учитывать не только предпочтительные отношения, но и все потенциально возможные проявления, в том числе и негативные.

Во-вторых, надлежит заметить, что как в этнографии, так и в философии прогресс определяется как направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее сложного к более сложному, от менее совершенного к более совершенному, как поступательное движение вперед к лучшему. Однако все эти параметры представляют собой сравнительные характеристики без указания критериев их различения. Вперёд – это куда? От возникновения к исчезновению? Как и какой мерой оценивается лучшее? Не случайно всё большее распространение получает мнение, что прогресс возможен только в материальной сфере, в технике и технологии, где допустимы жесткие количественные оценки. При этом такие из них, как «масштабнее», «быстрее», «сильнее» почему-то оцениваются как «лучше». Не менее сложная судьба у термина «регресс». Его дежурно определяют как противоположный прогрессу тип общественного развития, переход от более высоких форм к более низким, как падение уровня организации, изменение к худшему, движение вспять. Но ведь историческое время не позволяет вернуться вспять, а хвалы или порицания, имеющие чрезвычайно высокий уровень субъективности, в науке должны использоваться с большой осторожностью.

Бесспорно одно: и прогресс, и регресс – это движение в одном направлении, а потому различие между ними едва ли можно ограничить лишь количественными показателями.

В третьих, термин «консерватизм», обычно трактуемый как рутинный (реакционный, закоснелый, затхлый), происходит от латинского понятия, которое означает «охрана», «сохранность», «защита от разрушения». Подобный его смысл в языке тоже довольно широко распространен (например, «консервирование»). Однако в отношении провинциализма, как

правило, данная смысловая нагрузка обычно отходит на второй план и привлекается явно недостаточно (Элез 2001).

В-четвертых, практически во всех исследованиях и учебных материалах по этнологии термины «этика», «мораль» и «нравственность» используются в качестве крайне близких понятий, а нередко и синонимов. Однако мораль представляет собой исторически обусловленные системы рекомендуемых норм, принципов и оценок поведения людей. Это идеальные образцы одобряемых поступков, ориентиры поведения. Нравственность же представляет собой способность человека в условиях выбора поступка (между двумя или несколькими ценными и одновременно нереализуемыми рекомендациями) руководствоваться «меньшим злом» и нести ответственность за результаты данного выбора. По сути дела в моральном отношении человек может быть либо сторонником блага, либо сторонником зла, которое лично он таковым не считает. А в нравственном отношении – он всегда виновен и ответственен за свою вину. Одним словом, люди могут быть одновременно моральными и безнравственными, а так же аморальными и нравственными. Ну а этика представляет собой науку, изучающую закономерности процессов в морали и нравственности. Столичность в этическом отношении всегда была оплотом моральности, а провинциализм оказался способным к воплощению основных ценностей нравственности.

Вернемся к нашей теме. Провинциализм и столичность – два взаимосвязанных состояния. Они являются не просто фоном друг для друга, они сосуществуют вместе. История предоставляет нам значительное число доказательств их плодотворного взаимообогащения (Гачев 2007). Например, культурно-просветительская миссия декабристов во время их сибирской ссылки; умение поддерживать необходимый морально-нравственный климат в условиях длительных военных походов, научно-исследовательских экспедиций, строительства изолированных индустриальных объектов (дорог, мостов, сооружений). Не так далеко ушло то время когда в любом, в том числе и отдаленном месте нашего государства учитель, медик, библиотекарь,

инженер (техник) были не только представителями столичности, но и ее носителями. Проявлялось это не только в том, что они были обладателями специального образования, но и в манерах поведения, организации и ведении быта, преимущественных видах досуга и отдыха, предпочтительном круге общения. Авторитет этих людей был не просто моральным (интеллектуальным), но и нравственным (поведенческим), а образ жизни демонстрировал культурную плодотворность сосуществования столичности и провинциальности. В настоящее время подобное сочетание стало быстрее исключением, чем правилом, а «разделительные линии» между ними оказались чрезвычайно размытыми.

Хотелось бы напомнить, что столичность и провинциализм – это термины с двойным ценностно-противоположным содержанием. И если ранее позитивная составляющая столичности рельефно демонстрировала себя на фоне уязвимых проявлений провинциализма, то в настоящее время ущербные особенности первого отчетливо видны на фоне плодотворного своеобразия второго. Более того, столичность в наши дни нередко вырождается в худшие изъявления провинциализма.

Наиболее отчетливо это прослеживается в образе жизни и особенностях деятельности трех социальных групп.

Первая из них чиновничество. Как показывает статистика, большинство провалов, катастроф, кризисных ситуаций и бедствий в жизни современного общества явились результатом непрофессионального, эгоистического управления. Неизбежное вмешательство чиновника-бюрократа в функционирование социального организма, даже самого небольшого, не так часто базируется на знаниях о закономерностях его развития и редко связано с умением их учитывать. Современные чиновники готовы руководить любым делом и любым коллективом. Основные ориентиры их манеры управления разнообразными общественными процессами сводятся либо к политической целесообразности, либо к экономической эффективности.

По сути дела они являются бюджетниками, которые, однако, имеют возможность влиять на установление условий своего существования. Они сами себе обеспечивают максимально стабильное положение, высокую степень социальной защищённости, благоприятные условия работы и отдыха, повышенное и динамично растущие денежное содержание (по сравнению с обычным бюджетником), достойную пенсию, значительное число льгот, уверенность в максимальной лояльности закона по отношению к собственному поведению. При этом они окружают себя близкими (по родству, происхождению, месту жительства, национальной принадлежности, взглядам, интересам) и зависимыми людьми, обеспечивая им соответствующие должности. При малейшей угрозе своему положению чиновник-бюрократ весьма успешно успевает переместиться из одного кресла в другое.

В ряды подобных должностных лиц стремятся попасть многие, особенно молодые люди. Начав строить карьеру, как правило, во время учёбы, они по её завершении не рвутся к работе по специальности и не стремятся вернуться туда, откуда приехали для учёбы. В чиновники они идут охотно. Специальность свою они не скрывают, но полное отсутствие профессионального опыта не афишируют. Чтобы от них освободиться, им надо предложить новый привлекательный, в статусном и финансовом отношениях, пост.

Стремление значительного числа государственных служащих укрепить свои позиции на занимаемых должностях довольно часто сопровождается приобретением высокого научного статуса. Как показывает статистика, значительное число чиновников лишь, приступив к исполнению своих чрезвычайно трудоёмких, объёмных и ответственных обязанностей, начинают параллельно энергично приобретать второе (и третье) высшее образование. А затем умудряются в течение 3–4 лет подготовить и защитить не только кандидатские, но и докторские диссертации.

Современные чиновники мало заинтересованы в развитии и поддержке отечественной инновационной (оригинальной, творческой) деятельности. Дорожа собственным местом, они не хотят им рисковать, предпочитая роль исполнителей чужой воли или чужих образцов. В связи с этим у значительного числа предлагаемых ими «новаций» торчат «ослиные уши» заимствований, как правило, зарубежных. Своих оригинальных предложений у них практически не бывает.

Значительное число управленцев (их советников и помощников) практически не умеют даже в постановочном варианте просчитывать социальные последствия принимаемых ими административных и даже государственных решений, нанося тем самым значительный ущерб национальному престижу, как в международном, так внутригосударственном плане.

Их глубокий негативный провинциализм (социальная неотёсанность) проявляется, кроме того, в безразличии к культуре, самобытности и достоинству государства, которое оборачивается реальной угрозой его национальной безопасности. Принцип «Все на продажу!» оказался чрезвычайно близок чиновникам-бюрократам. Под угрозой оказались исторические памятники, национальные богатства, художественные и природные ценности, государственные тайны, престиж страны, памятные достопримечательности. Заключаются сделки по поводу музейных экспонатов, архитектурных объектов, культурных уникамов, заповедных зон, различных раритетов.

Ощутимый удар национальной культуре наносится отношением чиновников к родному языку и традициям. В частности, сложно переоценить те негативные последствия, которые порождены настойчивым (если не сказать насильственным) внедрением в наш лексикон огромного числа англоязычных терминов-дублеров или их неуклюжих переводов. Фактически принудительное распространение английского языка и англоязычной терминологии наносят невосполнимый ущерб значительному объёму

информации в научном, культурном и содержательном плане. Это проявляется в использовании неадекватных аналогов, игнорировании или невозможности отразить нюансы, наделении несуществующими свойствами, в изъятии из интеллектуального оборота понятий, не имеющих параллелей в английском языке, и тем самым приводит к искажению смыслов.

Вторая социальная группа, оказавшаяся способной к реализации худших проявлений провинциализма при стремлении быть носителем столичности, это интеллигенция. При этом надо заметить, что данный творческий слой общества, тяготеющий не только к максимальному самовыражению, но и нуждающийся в интеллектуально-эмоциональном восприятии своей деятельности другими, всегда балансирует на грани провинциализма и столичности. Для его представителей чрезвычайно важно сочетание самочувствия личной самобытности (в том числе и национальной) с признанием общекультурной ценности их творчества.

Однако в наши дни в условиях крайней политизации всех социальных процессов, можно наблюдать тенденции, которые квалифицировать как культурные весьма проблематично. Речь идёт о вызывающей эпатажности, скандальности, агрессивности многих вариантов художественного творчества, нетерпимости к иному мнению и вкусам, навязывании зрителю образцов и оценок. Иначе как провинциализмом (в уязвимом смысле этого слова) с претензией на столичность, нельзя назвать стремление к накопительству художественных ценностей как способу вложения капитала; участие в незаконном бизнесе в отношении произведений искусства, исторических и национальных раритетов; провокацию скандалов, связанных с наследованием имущества и произведений близких; эксплуатацию имён выдающихся родственников и многое другое.

Научную интеллигенцию подобные процессы тоже затронули. Иначе, чем болезненным провинциализмом, нельзя назвать такие нередкие в ней явления, как вступление в соавторство в отношении трудов, к которым не имеешь отношение; погоню за приоритетностью открытий в ущерб качеству

проводимых исследований; безапелляционную демонстрацию уверенности в абсолютной приоритетности западной науки. Нередко это осуществляется методами, требующими не столько научных, сколько нравственных оценок. Практически только с помощью них можно выявить причины периодически возникающих конфликтов по поводу присуждения Нобелевских (и иных) премий, установление фактов научных заимствований, вмешательство в исследовательские процессы непрофессионалов (в том числе и остепененных), стремление к пересмотру научных выводов в угоду политической конъюнктуре.

Третья социальная группа, которую необходимо выделить особо, это молодежь. Её положение в современном мире довольно сложное. С одной стороны, оправданное стремление подняться над обыденностью и по максимуму реализоваться как личности. С другой стороны, решиться для достижения этого результата на нравственный выбор, который отражается в вопросах: «Чем я должен для этого пожертвовать? Что нарушить? Через что переступить? Кого и что предать?».

У молодежи чувство самоудовлетворения, как правило, географично. Любовь к «малой родине» и ее нравам может сочетаться с неприятием недостаточности предоставляемых ею возможностей для самореализации. А столичность воспринимается как характеристика, приобретаемая со сменой места пребывания. Город, тем более крупный или столичный, по её мнению, не только обеспечивает широкие возможности, но и освобождает как от нравственного контроля поступков, так и от угрызений совести по поводу их возможной аморальности. В современной молодежной среде нередко отождествляются личность и потребитель, культура и обладание, смысл жизни и максимальное господство.

В целом перечисленные выше тенденции среди разных слоев населения воплотились в нарастании напряженности в крайней форме её реализации – агрессивности. Проявляется она, *во-первых*, в тяге к преобразованиям далеко не всегда обусловленным внутренними причинами или преждевременными

по своей сути; в попытках скомпрометировать все виды здорового консерватизма, обеспечивающего устойчивость, стабильность и преемственность социального опыта. *Во-вторых*, в стремлении к формальным обновлениям (модификациям, вариантам, версиям и тому подобное), серьёзно нарушающим ритм и порядок существования, которые нередко являются исключительно разновидностями саморекламы. *В-третьих*, в признании в качестве нормы поведения устойчивого стрессового состояния, нервного и психического напряжения, в популяризации в качестве образцов поведения на работе, отдыхе, в быту их экстремальных и эпатажных модификаций, опасных для жизни и благополучия конкретного человека и окружающих. *В-четвёртых*, в выработке, закреплении и распространении в духовной жизни (в искусстве, архитектуре, дизайне и так далее), прежде всего, модернистских моделей. Именно они представляются максимально «прогрессивными», противопоставляются предшествующим нравственным и эстетическим ценностям, и в качестве которых нередко выступают научность, рациональность, образованность, воспитанность, вкус. *В-пятых*, в резком росте безнравственности, квалифицируемой (иногда и юридически) в качестве нового этапа развития морали. *В-шестых*, во всплеске клерикализма, вплоть до религиозного экстремизма. *В-седьмых*, в распространении на все сферы жизнедеятельности постоянно обновляющегося деструктивного поведения, в том числе и терроризма.

Необходимо отметить, что провинциализм это не чувства самодостаточности и самодовольства, а искреннее восприятие ценности именно данного уголка для целого мира. Это своего рода естественная скромность, сочетающаяся с гордостью и чувством собственного достоинства. При этом подобное состояние многие его сторонники готовы защищать крайне резко. Однако в наши дни кодексы моральных ориентиров и принципы нравственных оценок поведения подвергли серьёзной разрушительной атаке глобализационные процессы, напористо внедряя идеологию потребления с характерными для него качеством и объемом.

Столичность уже не связывается с уровнем культуры и развитым чувством совести, а ассоциирует с избранностью, элитарностью, властной безнаказанностью и практически бессмысленным количеством присвоенных богатств. Нехитрый идеал потребительства с активной помощью новейших средств массовой информации постепенно внедряется в общественное сознание как общечеловеческий идеал. Современная столичность слилась с худшими проявления провинциализма в одинаковости примитивных потребностей, в самодовольстве, в уровне посредственности, в подмене духовности массовой культурой (ширпотребом).

Как сказал прекрасный российский философ А.А. Зиновьев, отчетливо представлявший себе общие тенденции развития социума в мире: «Сегодняшний мир управляется физически сильным, но интеллектуально убогим насильником, эгоистичным, расчетливым, жестоким дикарем, обвешанным высокотехнологичными приспособлениями». И надо заметить, что данный образ не вызывает у молодежи отторжения.

Столичность в наши дни, как правило, связывается с нахождением в том или ином городе властных структур государства и его главы. Стоит им переехать, как с ними «перемещается» признак столичность (например, Бонн и Берлин, Алма-Ата и Астана, и даже Москва и Санкт-Петербург). Стремление поделиться столичностью именно такого рода сквозит в предложениях перенести место расположения того или иного принципиального департамента (законодательного, исполнительного, судебного) в другой город. Однако, как показывает практика, за подобными процессами стоит не столько стремление к укреплению и культурному развитию государства и его населения, сколько борьба политических и экономических кланов (элит) за влияние. По сути дела это опять же проявление не самых здоровых элементов провинциализма.

Возвращаясь к нашей общей проблеме, является ли провинциализм способом сохранения самобытности или проявлением самоизоляции, хотелось бы отметить следующее. Провинциализм не существует без

столичности. И если первое позволяет не утратить плодотворное разнообразие самобытности народов, то второе гарантирует их не менее плодотворную включенность в общекультурные процессы. Однако стоит нам начать выбирать между ними предпочтительное направление, как мы тут же получаем негативный результат в крайних формах его воплощения от самоизоляции до космополитизма. При этом самые болезненные последствия и первого и второго носят морально-нравственный характер. Как заметил английский философ, математик и публицист Бертран Рассел: «...Культурные люди, вынужденные защищать свои привилегии от простонародья, в ходе этой борьбы сами перестают быть культурными и благородными».

ЛИТЕРАТУРА

1. [Бромлей Ю.В.](#) Очерки теории этноса. – М.: Либроком, 2009. – 440 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Академический Проект, 2007. – 512 с.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Буколика, 2008. – 1248 с.
4. Элез А.Й. Критика этнологии. – М.: Наука, 2001. – 304 с.
5. Этнология: учебное пособие / под. ред. Е.В. Миськовой, Н.Л. Мехедова, В.В. Пименова. – М.: Академический Проект, 2006. – 624 с.

REFERENCES

1. Bromlej YU.V. Ocherki teorii ehtnosa. – M.: Librokom, 2009. – 440 s.
2. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. – M.: Akademicheskij Proekt, 2007. – 512 s.
3. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Bukolika, 2008. – 1248 s.
4. EHlez A.J. Kritika ehtnologii. – M.: Nauka, 2001. – 304 s.
5. EHtnologiya: uchebnoe posobie / pod. red. E.V. Mis'kovej, N.L. Mekhedova, V.V. Pimenova. – M.: Akademicheskij Proekt, 2006. – 624 s.

С.М. Губаненкова,
к. филос. н., доцент кафедры общей
и прикладной политологии Орловского
государственного университета имени
И.С. Тургенева, Россия, Орёл

S.M. Gubanenkova,
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of General
and Applied Political Science, Orel State University named after IS. Turgenev,
Russia, Orel

ПРОВИНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития провинции в условиях процессов глобализации, выявляются положительные и отрицательные аспекты. Изучается специфика российских контрастов между центром и провинцией в контексте неповторимости пространственного фактора и его влияния на социокультурную, социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Российской Федерации.

Ключевые слова: центр, провинция, регион, глобализация, российские контрасты, пространство, месторазвитие, регионализация, национальные бренды.

THE PROVINCE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Annotation. The article discusses the development of the province in the context of globalization processes, reveals positive and negative aspects. The specifics of the Russian contrasts between the center and the provinces are studied in the context of the uniqueness of the spatial factor and its influence on the socio-cultural, socio-economic and socio-political life of the Russian Federation.

Key words: center, province, region, globalization, Russian contrasts, space, development, regionalization, national brands.

В условиях глобализации современный мир превращается в одну «большую деревню». Процессы глобализации приводят не только к стиранию национальных границ между государствами, но и к глобализации культуры. Вместе с позитивными тенденциями в сфере культурных изменений это актуализирует проблему негативного влияния процесса глобализации на национальную культуру стран. Возникают идеи построения единой

общечеловеческой культуры, под которой подразумевается культура народов Запада, а все остальные национальные традиции должны встроиться в общечеловеческую культуру в контексте европейских образцов. В свою очередь, это поднимает проблему развития страны в целом, и ее отдельных регионов в частности. С одной стороны, глобализация способствует стиранию социокультурных границ между центром и провинциями, а с другой стороны, усиливает разрыв между ними.

Огромные контрасты, характерные для России, которые отмечал Н. Бердяев в XIX веке, в условиях XXI века сохраняются. В частности, современный исследователь И.В. Отставнова отмечает, что «Российская провинция - особый мир, государство в государстве, общество, живущее по своим законам и нормам поведения, подходящее к текущим событиям с собственной шкалой ценностей. Оторванность российской провинции от центра, ее психологическая обособленность, порожденная социально-экономическими реалиями, выработали особое мироощущение у ее жителей» (Отставнова 2006). Дихотомия «центр-провинция», противоречивость их взаимоотношений длительный период времени пытается осмысливаться отечественными учёными. Проблема их взаимоотношений, в том числе заключается в неоднозначности термина «провинция». С позиции социокультурного подхода слово «провинция» еще в первой половине XIX в. приобретает особый смысл, где провинция представляет собой мир, во многом противоположный столичному образу жизни. В свою очередь «провинциал» это не просто житель провинции, а символический срез носителя специфического провинциального стиля жизни, особого социокультурного мира.

Это продолжает транслироваться и в настоящее время. Как и прежде, провинция это местность, находящаяся на определенном расстоянии от столицы; как и раньше остаются неизменными централизация культуры в «старой» и «новой» столицах – Санкт-Петербурге и Москве, что является отрицательной тенденцией для будущего развития страны. Данный факт

отмечал Н. Бердяев в своём произведении «Судьба России»: «русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается оградить себя в центрах» (Бердяев 2007). Однако, по мысли Н. Бердяева, центр народной жизни существует везде, а не только в каком-либо одном месте; он находится в каждом кусочке русской земли и глубине каждого человека, живущего в России. Национальная жизнь страны складывается из жизни всех людей, обитающих в ней, самобытность национальной глубинки также глубока и многогранна, как и жизнь мегаполиса. Своеобразие национальной культуры, общественно-политической жизни страны познаётся не только через знакомство с центром, но и с регионами, малыми и большими городами и сёлами огромной страны.

Российская провинция как социокультурный феномен продолжает оказывать влияние на национальную идентичность, детерминируя общественный интерес родным корням как неотъемлемой части единого целого большой страны, где индивидуальное бытие является фундаментом и продолжением своеобразия пространства под названием «Россия».

Необъятные и разнообразные пространства России, как раз и формируют те самые контрасты, о которых писали многие учёные конца XIX века. Пространства страны создают уникальное лицо национальной культуры. Именно здесь закладывается неповторимая связь человека с окружающей его природной средой. Культурные, исторические особенности какой-либо территории несут на себе отпечаток пространственного взаимодействия между человеком и ландшафтом, который вмещает его в себя. Подобные взаимоотношения между людьми и пространством представители евразийского направления русской философской мысли называли «месторазвитием». Последнее способствует формированию разнообразных форм общественной жизни и своеобразных социокультурных традиций народов, ибо становление подобных характеристик происходит в совершенно разных и неповторимых точках пространства. Поэтому, меньшее

месторазвитие является составной частью большого (малая Родина, Отечество и т.д.).

Категорию «места» в контексте значения пространства, его роль для идентичности людей изучают и современные учёные. Так, Я.В. Чеснов характеризовал символизм значения «место» через ландшафтные проявления пространства, как фактора, формирующего топоментальное поле культурогенеза. В его интерпретации, топоментальность – «это где рамки для мысли заданы местом и откуда начинается восхождение его мысли». (Чеснов 2014: 51)

Пространство формирует не только мышление, язык, создаёт фундамент для своеобразия национальной культуры, но и способствует складыванию уникальных природно-климатических условий, характерных для определенного региона и влияющих на экономическую, социально-политическую жизнь данной провинции. Например, известный салатный, красный «ялтинский лук» (в котором «содержится: моносахаров — 3,7%, сахарозы — 2,6%, общего сахара — 6,3%, аскорбиновой кислоты — 8,3 мг/100 г продукта. Содержание эфирного масла в этом луке при продвижении его на север увеличивается, повышается и острота его, несмотря на то, что увеличивается содержание сахара»), (Немтинов 2016) даже в условиях Крыма максимальные качества показывает только в определенных местах (в Голубом Заливе), где существует весь необходимый набор природных условий. При пересадке его в другие климатические регионы России и южные провинции Италии, сохраняются только цвет и форма, но вкус меняется кардинально. Знаменитый швейцарский шоколад, произведенный из альпийского молока, будет иметь совершенно уникальные вкусовые характеристики, несравнимые ни с какими другими. Примеры подобного рода можно увидеть в производстве сыров, вина и других продуктов, тесно связанных с пространственно-климатическими характеристиками только данного региона или страны в целом.

Россия, интегрирующая в себя множество более мелких пространств-месторазвитий, характеризуется социокультурным, антропологическим, экономическим, общественно-политическим многообразием. Например, регионы Волго-Окского междуречья и Севера испытали на себе значительное влияние многочисленных финно-угорских племён: меря, мурома, весь, мещера, эрзя и др., что нашло отражение как в народной культуре и быту жителей данных территорий, так и в их антропологическом типе. Наиболее заметно это проявилось в древней провинциальной культуре волго-окского и северного русского населения (районы Поморья, Озёрного края). Мещерское наследие наблюдается в языке, лингвистические особенности которого проявляются в говоре ряда областей России. Так, цоканье жителей Нечерноземья России является наследием обрусевших финно-угорских народов. Подобный говор наблюдается и у современных финно-угорских народов – мордвы и марийцев. В частности, слова чай, спички, точило, чуть-чуть, они произносят «цйяй», «спицки», «тоцила», «цуц-цуц» (Михайлов 2013: 44). В национальном искусстве и культуре народа нашли своё отражение те ценности, которые стали неотъемлемой частью души «архангельского, вологодского, суздальского, ярославского человека».(Солоухин 1972).

При всех тонкостях и нюансах, своеобразии, отражённом в общественной жизни разных регионов современной России, все они сохраняли единство в многообразии, являющейся неотъемлемым признаком национальной социокультурной традиции.

Наличники разных регионов современной России.

К сожалению, процессы глобализации вносят свой вклад в разрушение культурных традиций в разных странах мира. Глобализация приводит к тому, что во многих странах, как в крупных городах, так и в небольших поселениях сувенирная продукция, отражающая национальную специфику, теряет национальный колорит, на ней значится лейбл «сделано в Китае», она является однотипной в не зависимости от того, где она приобретается. Данная отрицательная тенденция не только плохо сказывается на развитии национальных культурных традиций, но и приносит вред туристической составляющей. Люди охотнее едут не только в страны, но и в отдельные регионы, известные своей национальной культурной самобытностью, в противном случае, нет смысла ехать в другой регион страны и целого мира, если в нём отсутствует социокультурное разнообразие.

С другой стороны, глобализация предоставляет возможность, в рамках набирающих силу процессов регионализации, тяготеющих к сохранению и возрождению национальных социокультурных традиций, странам и

регионам, сохранившим свою специфику успешно использовать данную тенденцию не только для дальнейшего социокультурного и социально-экономического развития, но и для научного познания собственного города, края, области, страны в целом.

В последние годы Российская Федерация предпочитает второй путь развития регионов огромной страны. Известная фраза отечественного историка Н.М. Карамзина о том, что «Россия произрастает провинцией» в условиях глобализационных процессов XXI века приобретает особую значимость. Вопрос о возрождении провинции как особого феномена российской общественно-политической жизни находится в центре внимания не только мыслящей общественности, но и в среде элиты. На первое место в восприятии провинции выйдет не образ косности, бесперспективности, ретроградства, а источника духовного, экономического, интеллектуального роста, модернизационного потенциала. Для реализации последнего образа российской провинции государство предпринимает ряд шагов, одним из которых является идея создания национальных региональных брендов.

В 2014 году был запущен проект по созданию бренда «сделано в России», призванного стимулировать не сырьевой потенциал страны. «Его цель — оказание информационной и коммуникационной поддержки отечественным производителям, повышение узнаваемости и продвижение российской продукции, а также бизнеса и культуры страны в целом, как внутри, так и за ее пределами». (ТАСС 2017) Не без проблем, но определённые успехи в данном направлении были сделаны: раскручены старые – тульские пряники, астраханские арбузы, вологодское масло, краснодарский рис и выявлены новые потенциальные «кандидаты в бренды» - например, пожарская котлета в Тверской области, пиво в Чувашии, калужское тесто, адыгейский сыр и чеснок, хлеб, напоминающий чабатту в Ставрополье, луховицкий огурец в Подмосковье и др. Выявлением таких гастрономических брендовых продуктов занимается Национальная ассоциация региональных продуктов (НАРП). Похожая ситуация

складывается не только в гастрономическом туризме, но и в классическом туристическом кластере, где формируются туристические бренды. Наряду с уже известными туристическими направлениями Золотое кольцо, Олимпийский Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Великий Устюг, активно развиваются туризм в направлении озеро Байкал, республики Карелия, Татарстан, Эльбрус в Кабардино-Балкарии, Алтай и др. Совершенно новое туристическое направление планируется развивать по проекту Серебряное ожерелье России, охватывающее около 60 исторических городов Северо-Запада современной России.

Помимо развития национальных брендов поднимается тема развития малых городов и исторических поселений, численностью до 50 тысяч человек. Планируется к запуску одноимённый проект, целью которого станет не только сохранение, но и развитие экономического, туристического, культурно-исторического потенциала небольших городов и исторических поселений. Министр строительства и ЖКХ М. Минь отмечает, что «Мегаполисы сегодня становятся центрами экономического и промышленного развития, но культурными и туристическими точками притяжения способны стать и небольшие города, аккумулирующие историческое наследие России, сохранившие индивидуальность и колорит». (Актуальные комментарии 2018)

Многие населённые пункты современной провинциальной России активно развивают местную специфику, опираясь, где на природные виды, где на местные промыслы и изделия, где на национальную кухню и развлечения, что привлекает туда тысячи людей из разных частей страны. Это и город Мышкин, в верховьях Волги с местной экзотикой и музеем мыши; и деревня Тыгыдым в Ярославской области, с домами в стиле русской деревни и таинственным тыгыдымским конём; село Толбухино с более чем 20 музеями; городок Плёс в Ивановской области с духом настоящей Руси; Тобольск с единственным каменным кремлём в Сибири; Иркутск, где насчитывается 761 памятник деревянного зодчества и сохранилась

первоначальная историческая планировка; Якутск, самый крупный город в мире построенный на вечной мерзлоте; Архангельск, где сохранились деревянные тротуары в центре города и многие другие города.

Провинциальная Россия пытается сохранить историю и традиции, народные промыслы и ремёсла, развивать краеведческое направление в изучении малой Родины (вместе с тем, во многих регионах России отсутствует должное внимание местных властей к изучению и популяризации краеведческой тематики), создавать благоприятные социально-экономические и социокультурные условия для сохранения и увеличения населения российской провинции. Социально-экономическое развитие регионов невозможно без использования краеведческой темы, во многом существующей только благодаря стараниям энтузиастов-краеведов. Краеведческое направление непременно повлечёт за собой изучение малой Родины, а национальное самопознание начинается с познания своего малого места обитания, а затем и любви к нему.

Н.М. Карамзин писал, что любовь к Отечеству бывает физическая, моральная и политическая. Первая – когда человек любит место своего рождения и воспитания, вторая – любовь к людям с которыми родился и вырос, перерастает в любовь к согражданам, третья возможна в том случае, когда сформированы первые две. Любовь политическая, патриотизм невозможны без любви к малой Родине, ее природе, традициям, искусству, людям, населяющим эти малые пространства, являющиеся неотъемлемой частью большого пространства. Познание малого приводит к любви сначала данного пространства, а затем и всего остального. Человек осознаёт себя элементом сначала малой Родины, потом Отечества. Без развития духовного и культурного потенциала провинции у России нет будущего. Россия во все времена прирастала именно провинцией, ее расширением и развитием, духовно-культурным подъёмом всех глубинных пластов народной жизни. Н. Бердяев пророчески отмечал, что «одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны

одного и того же разрыва в народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией». (Бердяев 2007)

В свою очередь, это предполагает и уменьшение разрыва между центром и провинцией, между элитой и народом, понимание и уважение процессов, происходящих далеко от центра на огромных пространствах России. Развитие регионов во всех сферах общественной жизни будет способствовать и развитию России в целом, а расширение гражданского общества невозможно без инициативы «снизу», в том числе исходящей из провинции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей (1914-1917). М.: 2007. Глава «Централизм и народная жизнь». Электронная библиотека Royallib.ru: <http://royallib.ru>
2. Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. Вып. 3. 320 с.
3. Made in Russia. Создание национального бренда России // ТАСС. От 26 мая 2017// nangs.org/news/authorities/made-in-russia-sozdanie-natsionalnogo-brenda-rossii
4. Немтинов В., д. с.-х. н., ст. н. с., лаборатория овощеводства и бахчеводства Института сельского хозяйства Крыма НААНУ Oct. 29th, 2016 <http://galkriv.livejournal.com/77237.html>
5. Отставнова И.В. Пространство российской провинции: «жизнесмыслы». Автореферат дис. кандидата культурологии. Саранск, 2006. <http://www.dissercat.com/content/prostranstvo-rossiiskoi-provintsii-zhiznesmysly>
6. Солоухин В. А. Письма из русского музея. М., 1972 Электронная библиотека.
7. Форум малых городов // Актуальные комментарии http://actualcomment.ru/forum-malykh-gorodov-.html?PAGEN_1=2 от 16 января 2018
8. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. - Москва. Канон+, 2014. - 496 с.

REFERENCES

1. Bedyayev N.A. Sud'ba Rossii. Sbornik statej (1914-1917) Glava «Centralizm i narodnaya zhizn'». EHlektronnaya biblioteka Royallib.ru: <http://royallib.ru>
2. Meshchyora-kraj: Al'manah po istorii i kul'ture Meshchyorskogo kraja / Red.-sost. S.S. Mihajlov; Nezavisimaya assoc. issledovatelej Zap. Meshchyory «Guslic. perekryostok». M.: Rus. derevnya; AIRO-XXI, 2013. Vyp. 3. 320 s.
3. Made in Russia. Sozdanie nacional'nogo brenda Rossii // TASS. Ot 26 maya 2017// nangs.org/news/authorities/made-in-russia-sozdanie-natsionalnogo-brenda-rossii
4. Nemtinov V., d. s.-h. n., st. n. s., laboratoriya ovoshchevodstva i bahchevodstva Instituta sel'skogo hozyajstva Kryma NAANU Oct. 29th, 2016 <http://galkriv.livejournal.com/77237.html>
5. Otstavnova I.V. Prostranstvo rossijskoj provincii: «zhiznesmysly». Avtoreferat diss. kandidata kul'turologii. Saransk, 2006. <http://www.dissercat.com/content/prostranstvo-rossiiskoi-provintsii-zhiznesmysly>
6. Solouhin V. A. Pis'ma iz russkogo muzeya. M., 1972 EHlektronnaya biblioteka.
7. Forum malyh gorodov // Aktual'nye kommentarii http://actualcomment.ru/forum-malykh-gorodov-.html?PAGEN_1=2 ot 16 yanvarya 2018
8. Chesnov YA.V. Narodnaya kul'tura. Filosofsko-antropologicheskij podhod. - Moskva. Kanon+, 2014. - 496 s.

Л.А. Мосионжник,

доктор истории,

Ответственный секретарь журнала Stratum plus,

Кишинёв, Молдова

L. Mosionjnic,

doctor of history,

The executive secretary of the journal Stratum plus,

Chisinau, Moldova

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования бессарабской культурной общности и провинции. Анализируются политика российских властей в данном регионе, этнический и социальный состав, достоинства и недостатки Бессарабского региона.

Ключевые слова: Бессарабия, провинция, политика колонизации по австрийскому образцу, этносословия, модернизация, культурные ресурсы.

PROVINCIAL SOCIETY OF BESSARABIAN GOVERNMENT: FORMATION AND FEATURES

Annotation. The issues of the formation of the Bessarabian cultural community and the province are considered. The policy of the Russian authorities in this region, the ethnic and social composition, the advantages and disadvantages of the Bessarabian region are analyzed.

Keywords: Bessarabia, province, colonization policy according to the Austrian model, ethno-conditions, modernization, cultural resources.

Бессарабия как культурная общность возникла в 1812 году – сразу как провинция. Дело не только в том, что она стала частью большой империи. Новая область была населена более чем десятью национальностями, причём ни для одной из них Пруто-Днестровское междуречье не было основной территорией. Даже бессарабские молдаване до 1860-х годов не отделяли себя от своих же собратьев в оставшейся части княжества. И хотя в XIX веке началось формирование двух разных наций по обе стороны Прута, но лишь после 1918 года этот факт стал явным.

Первое время российские власти пытались сохранить для Бессарабии особое положение. «Устав образования Бессарабской области» 1818 года, утверждённый Александром I, сохранил властные привилегии за местным боярством. Однако за 10 лет такая система показала свою нежизнеспособность. Произошло то же, что и в других автономиях подобного рода: в Мингрелии, Хиве, Бухаре, а также в автономных княжествах Британской Индии (Антонова и др. 1973: 257). Но если индийские княжества разорялись от постоев британских войск, то в российских владениях этого не было. Срабатывал другой фактор: автономия под властью местной элиты превращала край в резервацию отсталости, в то время как в соседних (не автономных) регионах уже бурно развивался

капитализм. «Устав» отдавал власть в Бессарабии в руки бояр ещё фанариотской выучки, «которые, не разумея совсем дела, слишком хорошо разумеют свои личные выгоды» (Вигель 1892: 8). В описании (впрочем, крайне пристрастном) Ф.Ф. Вигеля, если Верховный совет не был занят ни борьбой с наместником, ни клановой политикой, он вообще почти не работал (Вигель 1892: 9-10). Кончилось тем же, что и во многих индийских княжествах: констатацией «дурного управления» (как это называлось в Индии) и ликвидацией автономии.

Отныне Бессарабия развивалась как провинция – то есть ориентировалась на образцы мировых центров, прежде всего Петербурга и Вены. В своё время Кшиштоф Чижевский проницательно заметил: «Так кто же такой провинциал? Человек, которого место жительства наделяет комплексом неполноценности» (Czyżewski 2002).¹ Это было очень заметно по поведению кишинёвской знати. Губернатор князь С.Д. Урусов отмечал, что и его манеры (он любил гулять пешком, а не ездить по городу в экипаже с конной стражей), и манеры его жены-княгини, покупавшей товары в магазине, а не ждавшей, пока приказчики пришлют их на дом, казались местной публике нарушением этикета (Урусов 2011: 162-164). Интересно, впрочем, что вычурность манер и пышность приёмов не касалась построек. Лишь немногие помещики или купцы позволяли себе двухэтажный дом (среди них Крупенские, самый могущественный дворянский род края), и не всегда легко было отличить по внешнему виду дома знати от домов зажиточных мещан.

К дворянам особенно относилось замечание К. Чижевского: не то худо, что провинциал живёт чужими ценностями, а то, что своего места он стыдится и потому не знает его как следует. «А ведь именно это пространство (...) – его шанс добиться непровинциальности» (Czyżewski 2002). Тот же

1 Автор пользовался распечаткой, которую К. Чижевский распространил на конференции «Культура и образование в XXI веке в Центральной и Восточной Европе» (Красичин, 2002). Позже этот материал был опубликован в польском журнале «Znak» (№7, 2002), а в моём переводе – был передан для публикации в кишинёвский журнал «Мысль».

князь Урусов вспоминал, каких трудов ему стоило убедить бессарабцев в превосходстве местных вин над иностранными, как это ни льстило их самолюбию (Урусов 2011: 165).

Впрочем, как раз в Бессарабии важнее были другие факторы. Прежде всего, это активная роль губернской администрации. Роль губернатора в «соединении здешнего общества», о которой с такой иронией писал М.Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Праздничный разговор», была гораздо серьезнее в новоприобретённом краю, где власть какое-то время была, по выражению Пушкина, «единственным европейцем». Заимствование столичных образцов и ценностей шло поначалу через узкий круг высшего чиновничества, танцевальные вечера и «открытые столы» высшей знати, аристократические клубы. Особую роль сыграли некоторые губернаторши: В.С. Бахметева (к приезду Александра I обучавшая местных дам столичным манерам), М.И. Шебеко, С.А. Константинович и другие (см.подробнее: Абакумова-Забунова 2005-2009). Языковой барьер недолго служил помехой: воля к его преодолению имела с обеих сторон. К тому же как русское дворянство, так и молдавское боярство ещё до 1812 г. было многонациональным. Конкуренция между русскими и немцами, между боярами-молдаванами и боярами-греками долго отодвигала в тень соперничество между местной и столичной знатью.

По мере экономического и социального развития, особенно с началом либеральных реформ, рамки этого круга стали узки. Его роль перешла к школам и гимназиям, в которых устраивались даже публичные культурные мероприятия. Возможно, именно поэтому гимназии создавались опять же по инициативе дворян, а выпускники обучались прежде всего тому, чтобы «быть в состоянии оказаться полезным в обществе (составить компанию или дать необходимый совет и т. д.)» (Абакумова-Забунова 2005-2009: 155). Тем не менее, уровень образования в Кишинёве был достаточно высок. Граф С.Ю. Витте вспоминал, как он перебрался из Одессы в 1-ю Кишинёвскую гимназию специально затем, чтобы получить полноценное гимназическое

образование, а не просто аттестат (Витте 1923: 56). Те же задачи – подготовить светских дам – сыграли роль и в создании системы женского дворянского образования. Первая женская гимназия в Кишинёве была создана Любовью Белоуговой уже в 1864 г. — за 14 лет (!) до Бестужевских курсов в Петербурге. Правда, ещё княгиня Урусова отмечала чисто дворянский характер женского образования, судя по её выводу, что «девочки эти, по окончании курса, оказываются ни к чему непригодными» (Урусов 2011: 156). Тем не менее, к 1913 году только в Кишинёве имелось 28 учебных заведений всех видов, что было очень немало.

Существенным фактором стало и то, что ещё до 1812 г. Молдова была многонациональным краем. Россия столкнулась здесь с той же проблемой, что и Австрия в отвоёванных у Османов землях: нужно было «земли, являвшиеся дефицитной статьёй бюджета, превратить в источник получения доходов», а сверх того, облегчить их оборону, которой мешало уже бездорожье (Пристер 1952: 260). Для этого требовалось не просто население, но население лояльное и обладающее хозяйственными навыками. Поэтому Россия проводила здесь политику колонизации по австрийскому образцу. Иными словами, в край приглашались колонисты из нерусских губерний и из-за рубежа (немцы, болгары, евреи), причём каждая группа – для своей особой цели. Так, немцев и болгар приглашали в качестве крепких земледельцев, а евреев – в качестве мещан и ремесленников. Поляки активно иммигрировали в край, «так как Бессарабия была ближайшая к Царству Польскому губерния, в которой полякам-католикам предоставлялась абсолютная свобода чиновничьей карьеры независимо от их вероисповедания» (Безвиконный 2005-2009: 162). Среди выходцев из бессарабских поляков были такие видные фигуры, как Н.Г. Годлевская (по мужу княгиня Дадиани), основательница 2-й женской гимназии, К.К. Гедройц, позже создатель коллоидной химии почв и академик АН СССР, и американский статистик Ежи Нейман.

Иными словами, складывались этносословия, в которых социальная роль и национальность оказывались тесно связанными. При этом колонисты получали не только религиозную терпимость, но и льготы, которых не имела основная масса населения. Того, что такой способ ускоренного развития может привести к национальным конфликтам, не предвидело ни австрийское, ни русское правительство.

Впрочем, вплоть до начала XX века в Бессарабии такие конфликты не возникали. Даже первая волна погромов времён министерства графа Н.П. Игнатьева (1881-1882) обошла эту губернию стороной. В период же, когда правительство Александра III выселяло евреев из сельской местности, многие молдавские крестьянские сходы просили власти не применять эту меру, мотивируя это тем, что в торговых делах они не могут без евреев обходиться.

Весьма красноречив следующий эпизод. В 1814 г. купцы и мастерские обратились к митрополиту Гавриилу со «слёзным» прошением запретить торговлю по воскресеньям, иначе они не выдержат конкуренции с еврейскими торговцами. Под давлением митрополита базарным днём в Кишинёве был назначен вторник. С. Петровский, описывая этот эпизод, отдаёт дань национализму своего времени (Петровский 1896: 89-90). Однако Ф.Ф. Вигель, признававший позже, что свою записку о Бессарабии он писал «в самом дурном расположении духа... на людей и на их нравы в этом краю смотрел я с самой фальшивой точки зрения» (Вигель 2003: 1061), именно под влиянием этого настроения разъясняет подробность: Верховный совет утвердил это решение лишь с условием, что и по субботам все лавки будут закрыты (Вигель 1892: 21). Причина (непонятная для дворянина и чиновника Вигеля) была та же: честные условия конкуренции, чтобы каждая конфессия могла свободно справлять свой праздник.

Хотя некоторые местные чиновники (в частности, тот же Вигель) и призывали к русификации края, правительство избегало подобных шагов. Местное дворянство разных национальностей само чувствовало себя

русским и крайне монархическим. Помещиков пугало любое изменение статуса края (будь то революция или присоединение к Румынии), поскольку оно угрожало их имениям и социальным позициям. Поэтому, если ещё в I Думу Бессарабия послала в основном кадетов, то в дальнейшем губерния стала одной из главных опор «Союза русского народа» — к 1914 году самой влиятельной партии в крае. Однако списочный состав правления этой партии на 1913 год показывает, что русских фамилий в нём была едва ли половина (Топиро 1913: 196). Программа этого «Союза» была не столько националистической, сколько великодержавной и помещичьей. Один из его создателей во всероссийском масштабе, Паволаке Крушеван, считал себя одновременно молдаванином и россиянином, был народником в стиле «фёлькиш», и именно этим объяснялся его «экономический антисемитизм» (Шорников 2001; Кушко, Таки 2012: 225, 266). В основе его лежали не столько даже предрассудки или личные особенности (а сам он признавал за собой устрашающие ночные галлюцинации: Ижболдина 2007: 164), сколько именно ситуация, вызванная существованием в крае этносословий: борьба между помещиками и буржуазией воспринималась как борьба между нациями, занимающими эти социальные ниши. Характерно, что, когда в 1906 г. в Кишинёве была создана прорумынская газета «Басарабия», именно П. Крушеван первым обрушился на неё за «сепаратизм» и выступил против её национальных требований (Кушко, Таки 2012: 288). Настроения этих кругов напоминают французов в Алжире в 1962 г.: Франция тогда готова была пойти Алжиру на любые уступки – лишь бы эти французы не возвращались на историческую родину и не сдвигали вправо её политический спектр...

Кроме того, в Бессарабии было гораздо меньше крепостнических пережитков, чем в других губерниях. Крепостное право здесь было отменено ещё в 1749 г. указом господаря Константина Маврокордата. Бывшие крепостные (вечины) превратились в арендаторов (царан). Правда, в феодальной Молдове, как и во многих азиатских государствах, казённые

повинности превышали помещичьи порой в 10-15 раз. Но с переходом края в состав России эта ситуация изменилась. Помимо этого, в собственных интересах (создания «витрины» в сторону Балкан) царское правительство не раз предоставляло краю налоговые льготы, а до отмены автономии защищало местную торговлю от конкуренции со стороны российских купцов. В итоге, как отмечал В.И. Ленин в одной из своих ранних работ, Бессарабия указывала картину того, каким путём развивалась бы вся Россия, если бы не пережитки крепостного права.

Лицо городов всё больше определяли мещане (бюргеры), которых в городах Бессарабии было гораздо больше, чем по Европейской России в среднем (соответственно 79,04% и 43,43% по данным переписи 1897 г.). При этом национальная раздробленность на этом уровне была гораздо сильнее, чем среди дворянства, и искусственно поддерживалась государством: даже ремесленные цехи делились по национальностям. В Кишинёве ещё в 1901 г. существовали «каменно-печной малороссийский», «сафьяно-боюканский», «сапожно-молдавский», «каменно-плотничный великоросский», «плотницко-молдавский» цехи (История Кишинёва 1966: 92). При этом ни в губернии, ни в её столице не существовало абсолютного этнического большинства – только относительные: по Бессарабии в целом – молдаване (47,6%), по Кишинёву – евреи (46%). Такая картина очень напоминает тот идеальный Евросоюз, каким он видится Лучиану Бойе: размывается само понятие «большинства», поскольку все принадлежат к каким-либо меньшинствам — национальным, религиозным или иным (Voia 2005: 119-120). Однако для недемократических империй (типа Российской или Австрийской) такое положение не вызывает проблем. А вот Западу придётся долго пытаться совместить особые льготы *меньшинств* с принципом равенства и с демократическим голосованием, победить на котором должно всё-таки *большинство* голосов.

При этом следует заметить, что Бессарабия (как и МССР в следующем веке) получала заметные выгоды из своей провинциальности и потому

пестовала её всеми силами – и не только этническое большинство, но и остальные группы населения. Предметом гордости служило даже ругательное упоминание великого поэта: строчка «Проклятый город Кишинёв» повторялась на все лады, даже при открытии в Кишинёве памятника тому же Пушкину. В чём причина такого, казалось бы, мазохизма?

Во-первых, экономическая. Бессарабия (как и МССР) была южной окраиной северной страны. Это создавало огромный рынок для её сельскохозяйственной продукции, которую в других губерниях трудно было выращивать. Так, к 1840 г. она производила более половины всего вина в империи (Гросул, Будах 1967: 223), а два её уезда – Оргеевский и Сорокский – давали практически весь товарный табак. Поскольку торговля была внутренней, её не душили пошлины, так что ни румынский, ни европейский рынок не мог для Бессарабии заменить российский, тем более что здесь наша продукция встречала сильную конкуренцию. Тем не менее, благодаря своему пограничному положению, Бессарабия имела выход и на австрийский рынок, и к дунайским портам, и к Одессе.

Во-вторых, модернизация пришла в Бессарабию через посредство России, что было очень существенно. Всякий переход от средневекового общества к модерну сопровождается культурным шоком (об этом мне доводилось писать подробнее в другом месте: Мосионжник 2014). Но именно потому, что Россия сама была отсталой феодальной империей, для Бессарабии этот культурный шок был смягчён. Здесь не было не только резкой культурной ломки (тем более, что религия русских и молдаван совпадала), но не было и тех форм, которые стали так характерны для соседней Румынии. Там, за Прутом, стремление поскорее быть принятыми в европейскую семью привело к показным и даже карикатурным формам модернизации, которые так зло высмеял И.Л. Караджале. По выражению такого отнюдь не радикала, как Титу Майореску, коренным пороком его времени была «неправда в политике, неправда в литературе, неправда даже в грамматике, неправда во всех проявлениях общественного духа» (цит. по: Константиновский 1970: 17). Что

же до положения крестьян, то достаточно уже того, что восстания 1887-1889 и 1907 гг. напоминали скорее пугачёвщину, чем формы социальной борьбы XX века. Для Бессарабии же Петербург не был таким же недостижимым образцом, как Париж для Румынии. К тому же Петербург постоянно присылал сюда инженеров, архитекторов, учёных, в свою очередь, воспитывавших местные кадры. Со своей же стороны, молдавские мыслители специально пытались решить именно проблему культурного шока. Достаточно назвать хотя бы труд А.С. Стурдзы «Рассуждения об учении и духе православной церкви», в 2015 г. переизданный фондом «Нестор». Не случайны пророссийские симпатии и настороженность по отношению к европейским влияниям даже у запрутских авторов: К. Негруцци, И. Крянгэ и особенно Г. Асаки.

В-третьих, удалённость от столиц превращала Бессарабию в край относительной свободы. Здесь всегда было много ссыльных (из России и из Польши), а «недрёманое око» хуже видело на таком расстоянии. Очень не случайно, что именно Кишинёв стал важнейшим центром одного из этапов декабристского движения, что именно эта среда – на фоне национального и культурного разнообразия – завершила формирование Пушкина как поэта. И.С. Аксаков, описывая положение старообрядцев, укрывавшихся в Бессарабии от религиозных преследований, с неудовольствием отмечал, что здесь они пользуются большой свободой и легко сносятся со своим центром в Белой Кринице (в австрийской Буковине). При этом другие этнические группы – в частности, евреи, пользовавшиеся льготами при пересечении границы, – охотно им помогали (Аксаков 1888). Уже с 1874 г. начал действовать путь переброски в Россию через Бессарабию нелегальной литературы, налаженный врачом и крупным народником Н.П. Зубку-Кодряну. Очень не случайно, что именно Кишинёв был выбран для первой подпольной типографии ленинской «Искры». И даже в советское время диссиденты вроде Наума Коржавина, изгнанные из столиц, могли найти прибежище в Молдове.

Таким образом, наш край сумел стать провинцией, удачно дополняющей центр. И Бессарабия может служить примером провинции, удачно использовавшей (и продолжающей использовать в новом статусе) свои культурные ресурсы, если вспомнить слова К. Чижевского, как свой «шанс добиться непровинциальности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова-Забунова 2005-2009 – Абакумова-Забунова Н.В. Общественный быт и нравы русских горожан Бессарабии в XIX в. // *Stratum plus*. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2005-2009, №6. С. 143-165.
2. Аксаков 1888 – Аксаков И.С. Записка И.С. Аксакова о бессарабских раскольниках // *Русский Архив*. 1888. Кн. III. Вып. 10. С. 434-451.
3. Антонова и др. 1973 – Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Москва: Мысль, 1973. – 580 с.
4. Безвиконный 2005-2009 – Безвиконный Г.Г. Черновые наброски «О Кишинёве». (Приложение к ст.: Абакумова-Забунова Н.В. Общественный быт и нравы русских горожан Бессарабии в XIX в.) // *Stratum plus*. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2005-2009, №6. С. 162-164.
5. Вигель 1892 – Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. Писано в октябре 1823 г. Москва: Университетская типография, 1892. — 36 с.
6. Вигель 2003 – Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. Москва: Захаров, 2003. Кн. 2. – 753 с. – (Серия «Биографии и мемуары»).
7. Витте 1923 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849-1894). Б.м.: Слово, 1923. http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml (дата обращения 15 сентября 2011 г.).
8. Гросул, Будак 1967 – Гросул Я. С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1967. – 399 с.
9. Ижболдина 2007 – Ижболдина И. А. «Волки» Павла Крушевана // *Revista de etnologie și culturologie*. Chișinău, 2007, Vol. II. P. 161-165.
10. История Кишинёва 1966 – Будак В.Г. (отв.ред.). История Кишинёва. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1966. – 563 с.
11. Константиновский 1970 – Константиновский И.Д. Караджале. Москва: Молодая гвардия, 1970. – 288 с. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).
12. Кушко, Таки 2012 – Кушко А., Таки В. (при участии О. Грома). Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 400 с.

13. Мосионжник 2014 – Мосионжник Л.А. Как становятся европейцами // Свободная Мысль (Москва, Политиздат). 2014. №4 (1646). С.15-34.
14. Петровский 1896 – Петровский С. 1896. Экзарх Молдовлахийский и митрополит Киевский и Кишинёвский Гавриил Банулеско-Бодони // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: “Экономическая” типография и литография”, том XIX. Протоколы, с.68-94.
15. Пристер 1952 – Пристер Е. Краткая история Австрии. Москва: Иностранная литература, 1952. – 510 с.
16. Топиро 1913 – Топиро Б.А. (ред.). Иллюстрированный адрес-календарь Бессарабской губернии на 1914 год. Изд. Бессар. губ. стат. комитета. Кишинёв: Типография Бессарабского губернского правления, 1913.— 538 с.
17. Урусов 2011 – Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинёв: «Litera AVN», 2011. – 344 с.
18. Шорников 2001 — Шорников И.П. Общественно-политическая и литературная деятельность П.А. Крушевана. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Тирасполь, 2001. Available at: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvenno-politicheskaya-i-literaturnaya-deyatelnost-ra-krushevana> (дата обращения 11 июля 2015 г.).
19. Voia 2006 – Voia L. Două secole de mitologie națională. București: Humanitas, 2005. — 133 p.
20. Czyżewski 2002 – Czyżewski K. Czas prowincji. Krasiczyn, 2002.

REFERENCES

1. Abakumova-Zabunova N.V. Obshchestvennyi byt i nrawy russkikh gorozhan Bessarabii v XIX v. [Social Life and Habits of the Russian Urban Population in 19th c.] // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. Saint Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest, 2005-2009, no. 6. S. 143-165.
2. Aksakov I.S. Zapiska I.S. Aksakova o bessarabskikh raskol'nikakh [Note of I.S. Aksakov on Bessarabian Old Believers]. // Russky Arkhiv. 1888. Book III. Issue 10, pp. 434-451.
3. Antonova K.A., Bongard-Levin G.M., Kotovsky G.G. Istoriia Indii [History of India]. Moscow: “Mysl” Publ., 1973. – 580 p.
4. Bezikonny G.G. Chernovye nabroski «O Kishineve» [Sketches “On Kishinev”] // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. Saint Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest, 2005-2009, no. 6, pp. 162-164.
5. Vigel F.F. Zamechaniia na nyneshnee sostoianie Bessarabii [Notes on the Present-Day State of Bessarabia]. Moscow: Typography of the Moscow University, 1892. — 36 pp.
6. Vigel F.F. Zapiski: V 2 kn. [Notes: in 2 books]. Moscow: “Zakharov” Publ., 2003. Book 2. – 753 pp. – (“Biographies and Memoirs” series).
7. Witte S.Yu. Vospominaniia [Memoirs]. Vol. 1. Detstvo. Tsarstvovaniia Aleksandra II i Aleksandra III (1849-1894) [Childhood; Reign of Alexander II and

- Alexander III (1849-1894)]. S.l.: “Slovo” Publ., 1923. http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml (accessed 15 September 2011).
8. Grosul Ya. S., Budak I. G. Ocherki istorii narodnogo khoziaistva Bessarabii (1812-1861) [Essays on the History of the National Economy of the Moldavian SSR]. Kishinev: “Cartea Moldovenească” Publ., 1967. – 399 pp.
 9. Izhboldina I. A. «Volki» Pavla Krushevana [“Wolves” of Pavel Krushevan] // Revista de etnologie și culturologie. Chișinău, 2007, Vol. II, pp. 161-165.
 10. Budak V.G. (ed.). Istoriia Kishineva [History of Kishinev]. Kishinev: “Cartea Moldovenească” Publ., 1966. – 563 pp.
 11. Constantinovsky I.D. Karadzhale [Carageale]. Moscow: “Molodaia gvardiia” Publ., 1970. – 288 pp. – (“Life of Eminent Men” series).
 12. Cușco A., Tachi V. (with participation of O. Grom). Bessarabiia v sostave Rossiiskoi imperii (1812–1917) [Bessarabia as a Part of the Russian Empire]. Moscow: “Novoe literaturnoe obozrenie” Publ., 2012. – 400 pp.
 13. Mosionjnic L.A. Kak stanoviatia evropeitsami // Svobodnaia Mysl’ [Free Thought]. 2014, no. 4 (1646), pp.15-34.
 14. Petrovsky S. 1896. Ekzarkh Moldovlakhiiiskii i mitropolit Kievskii i Kishinevskii Gavriil Banulesko-Bodoni [Gavriil Bănulescu-Bodoni, the Moldo-Vlachian Exarch and the Metropolitan Bishop of Kiev and Kishinev] // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities]. Odessa: “Ekonomicheskaiia” tipografiia i litografiia” Publ., vol. XIX. Proceedings, pp. 68-94.
 15. Priester E. Kratkaia istoriia Avstrii [Kurze Geschichte Österreichs]. Moscow: “Inostrannaia literatura” Publ., 1952. – 510 pp.
 16. Topiro B.A. (ed.). Illiustrirovannyi adres-kalendar’ Bessarabskoi gubernii na 1914 god [Illustrated Address-Calendar of the Bessarabian Province for 1914]. Kishinev: Typography of the Bessarabian Provincial Administration, 1913.— 538 pp.
 17. Urusov S.D. Zapiski gubernatora. [Governor’s Notes]. Chișinău: “Litera AVN” Publ., 2011. – 344 pp.
 18. Shornikov I.P. Obshchestvenno-politicheskaiia i literaturnaia deiatel’nost’ P.A. Krushevana [Social-Political and Literary Activities of P.A. Krushevan]. PhD Thesis. Tiraspol, 2001. Available at: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvenno-politicheskaya-i-literaturnaya-deyatelnost-pa-krushevana> (accessed 11 July 2015).
 19. Boia 2006 – Boia L. Două secole de mitologie națională. București: Humanitas, 2005. — 133 p.
 20. Czyżewski 2002 – Czyżewski K. Czas prowincji. Krasieczyn, 2002.

В. Блажко,
доктор хабилитат социологии, главный
научный сотрудник Института юридических
и политических исследований Академии наук,
Кишинёв, Молдавия
V. Blazhko,
doctor habilitat of sociology, chief
Research Fellow at the Institute of Law
and political studies of the Academy of Sciences,
Chisinau, Moldova

РОЛЬ ЭЛИТЫ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы роли политической элиты в современном обществе. Акцентируется внимание на процессы «незавершенной демократизации» молдавского общества, усиливающие значение протекционизма в системе рекрутирования элиты и формирующие особенности функционирования региональной элиты современной Молдавии.

Ключевые слова: элита, местное самоуправление, «незавершенная демократизация» молдавского общества, кланово-родственные связи, Молдавия.

THE ROLE OF ELITE IN LOCAL SELF-GOVERNMENT: FEATURES AND TRENDS

Annotation. The article discusses the role of the political elite in modern society. Attention is focused on the processes of "unfinished democratization" of the Moldovan society, which strengthen the importance of protectionism in the system of recruiting the elite and shaping the functioning of the regional elite of modern Moldova.

Keywords: elite, local self-government, "unfinished democratization" of the Moldovan society, clan-related ties, Moldova.

В философии, политологии, социологии и других общественных науках существует много различных подходов в исследовании элит. Известно, что та или иная социальная группа выделяется в составе социума на основе агрегирования (объединения) значительного числа признаков, которые могут

быть присущи конкретным людям в различной степени и в различных сочетаниях.

Элиту классики политологии (В. Перето, Г. Моска, Р. Михельс, Хосе Ортега-и-Гассет, Д. Рисмен) определяли с позиций эгалитаризма. Это слой людей добившихся наивысших достижений в своей области деятельности, обладающих наивысшими индексами в профессиональной и других сферах занятости. Одно из новейших обобщенных определений элиты, которое дают социологи А. Свани, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс гласит: «Элиты по определению-люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам) В некоторых обществах элиты резко отделены от граждан. Элита - те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж» (Ашин 2017).

В социологии элита, как социальная группа, определяется некоторым набором характеристик респондентов (половозрастными, образовательными, уровнем доходов, престижем профессии, политической или религиозной принадлежностью, и. т. д.) При таком подходе, к сожалению, не учитываются особенности современного «постиндустриального» общества, в котором элита не представляет собой гомогенную группу, а власть как бы «распылена» между различными социальными институтами. Отсюда следует, что элита может представлять собой социальную группу со сложной структурой.

В периоды активных социально-экономических и политических преобразований особую роль в обществе любой страны начинает играть элита. Современная теория элит отмечает, что многочисленные социальные группы (нации, классы, этносы) не в состоянии реализовать собственные интересы непосредственно (путем равномерного влияния на политический

процесс общества), они могут достигать этого лишь при помощи и при посредстве так называемых «малых центров активности», т.е. элиты. Именно элита вырабатывает идеи и политические концепции, делегирует политическую волю в их реализации всему социальному целому (обществу).

Традиционные механизмы и институты политического руководства, державшиеся в советское время на коммунистической идеологии, и хоть не совершенной, но довольно устойчивой социальной базе, рухнули. В обществе произошли серьезные сдвиги в сознании и поведении людей. Они стали более активными, часто реально вовлеченными в политику, особенно на местном уровне власти. А это привело к усилению влияния местной элиты на управление в реализации политики. Элита в городах, и особенно в селах, является не просто выразителем интересов различных социальных групп, а часто имеет с ними генетические (кровнородственные) связи.

Важно, на наш взгляд, отметить еще одну особенность современной элиты: в нее входят люди часто не относящиеся к «правлящему классу», занимающие совершенно разные позиции (статусы) в политическом пространстве социума. В результате «незавершенной демократизации» (Р. Саква) молдавского общества, социальные институты государства в определенной мере превратились в «совокупность подданных», партийно-ангажированных, политически контролируемых различными партиями структуры социума. Понятно, что такая ситуация не только «парализует власть», но и создает условия для процветания коррупции, ухудшения криминальной обстановки, формирования элиты основывающегося на протекционизме и кланово-родственных связях.

Дело в том, что сегодня сельская или городская элита включает множество субгрупп с различными интересами и видением проблем развития местной территории.(представители органов управления, бизнес-элиты, лидеры общественных организаций и партий, руководителями учреждений образования, медицины, культуры и т. д.). Решение возникающих проблем, как известно, во многом зависит от того, какие цели ставятся, каков

профессиональный уровень менеджеров (каково качество элиты), насколько властные решения понимаются и поддерживаются населением. У нас же в стране, как показывают последние события политических событий в муниципии г. Бельц и г. Оргеева и в других районах, проблемы в работе местных органов власти приобретают не только особую остроту, но есть и примеры их успешного решения. В г. Оргееве, например, за последние годы реализованы проекты, которые полностью изменили облик города (дороги, зоны отдыха, транспорт, водоснабжение и т.п.)

Причин возникновения конфликтных ситуаций можно назвать много, но, на наш взгляд, они возникают по двум основным. Во-первых, у членов местной элиты совершенно разные «капиталы» влияния в распределении ресурсов и удовлетворении интересов населения. Часто местные депутаты и советники кроме харизматических качеств обладают (или не обладают) политической поддержкой местных отделений партий (лобируют их программные требования). Особую значимость на местном уровне власти приобретает и владение каким-либо бизнесом, наличие родственных и иных социальных связей и поддержки в данном населенном пункте. Экономическая элита часто выступает группой давления на власть, используя СМИ, контакты с политиками, деньги и т.п. Именно в местной власти чаще всего практикуется «совмещение статусов», т. е. представители бизнеса идут во власть, чтобы иметь более широкие возможности для саморазвития и одновременно рычаги защиты своего предпринимательства.

Во-вторых, чиновники территориальных администраций не имеют часто «ресурсного потенциала власти» и начинают приобретать его попадая на руководящую должность (налаживают необходимые связи, обзаводятся собственным бизнесом, и т. п.) И здесь важно отметить, что местная элита, в коммунах, конечно же имеет значительно меньше ресурсов и возможностей в развитии экономики, т. к. состоит она, в большинстве своем (от 80% и более), из крупных фермеров-лидеров. А вот у новой региональной элиты формируется значительно большее поле социальной деятельности и поэтому

ее стремления к самостоятельности в реализации власти на местном уровне часто вступают в противоречие с существующим законодательством. Экспертный социологический опрос представителей местных властей в трех экономических зонах республики и массовый опрос по проблемам стратификации в молдавской деревне выявили нижеследующие тенденции: более 52% опрошенных работников примэрий считают, что в их деятельности недостаточно свободы и возможностей вести плодотворную местную политику, «централизация власти еще достаточно большая». Причем, самостоятельность органов местной власти в решении местных проблем различна в разных сферах жизни. Так, например, финансово-экономическую самостоятельность, как частичную, отметили 57% респондентов, а полностью самостоятельны в финансовых вопросах лишь 27% руководителей; в социальном развитии сел и их инфраструктуры частичную самостоятельность отметили 55% опрошенных, а абсолютно не самостоятельны -28 % руководителей органов местной власти. и т.п. (Социологический опрос 2014, 2016)

В третьих, система рекрутизации элит изменилась кардинально, что повлияло на ее качественные характеристики. Например, местная элита сильно помолодела, в среднем на 10-15 лет. Изменился характер ее профессионального образования: на смену партийным функционерам и административным руководителям, (по образованию историкам и политологам, партийным работникам) пришли представители бизнеса, фермеры, работники силовых структур (с экономическим, юридическим, инженерным и сельскохозяйственным образованием) Профессиональные характеристики и компетентность местных управленцев от таких изменений, по-нашему мнению, только выиграли

Вместе с тем, в условиях современной Молдовы, как показывают социологические исследования, классические способы рекрутизации элиты в «чистом виде» отсутствуют, т.е. антрепенерская или предпринимательская система элитотбора, ориентированная только на личные качества

конкурентов, осуществляемая открыто большим кругом лиц из различных по своему положению групп дополняется «системой гильдий», т.е. отбором кандидатов из определенных закрытых социальных групп без конкуренции (партийные кандидаты) Процесс элитотбора в такой ситуации приобретает «форму пирамиды», в которой лицевая сторона отражает сформированный имидж кандидата, а в остальных гранях действуют «невидимые социально-карьерные лифты» вхождения во власть.(партийность, клановость, родство, бизнес-партнерство и т.д.) Все это снижает профессионализм управления, порождает конфликтность в принятии решений на уровне местного самоуправления.

Анализ этих и других социологических данных показывает, что в стране назрела острая необходимость совершенствования законодательства о местном самоуправлении, вовлечения в реализацию местной политики разнообразных общественных объединений гражданского общества, совершенствования технологии элитотбора, развития многообразных форм демократии в политике местной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г.К. Элита: история термина и его применение // Элитариум. Центр дополнительного образования //Режим доступа: www.elitarium.ru./ielita-poniatie-termin-Pareno-vlast-obshhestvo. (Режим доступа 9. 11. 2017)
2. Отчет об экспертном социологическом исследовании работников примэрий . Опрошено 100 человек. Кишинев, 2014.
3. Отчет о социологическом опросе по проекту «Эволюция социальной стратификации общества и перспективы европейской интеграции Республики Молдова». Опрошено 1200 человек, в трех географических зонах республики. Кишинев, 2016.

REFERENCES

1. Ashin G.K. EHlita: istoriya termina i ego primenenie // EHlitarium. Centr dopolnitel'nogo obrazovaniya //Rezhim dostupa: www.elitarium.ru./ielita-poniatie-termin-Pareno-vlast-obshhestvo. (Rezhim dostupa 9. 11. 2017)
2. Otchet ob ehkspertnom sociologicheskom issledovanii rabotnikov primehrij . Oprosheno 100 chelovek. Kishinev, 2014.

3. Otchet o sociologicheskom oprose po proektu «Ehvoluciya social'noj stratifikacii obshchestva i perspektivy evropejskoj integracii Respubliki Moldova». Oprosheno 1200 chelovek, v trekh geograficheskikh zonah respubliki. Kishinev, 2016.

Р.А. Рабинович,
доктор истории, редактор-координатор журнала Stratum plus.
Кишинев, Молдавия
R.A. Rabinovici,
doctor of history, editor-coordinator of the journal Stratum plus.
Chisinau, Moldova

НА ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОВИНЦИЙ: ПРУТО-ДНЕСТРОВСКИЙ РЕГИОН В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Резюме. Уникальное географическое положение Карпато-Днестровского региона привело в V - XI вв. к активному воздействию на него со стороны культурно-исторических миров соседних регионов.

Ключевые слова: Пруто-Днестровское междуречье, культурно-исторические миры, провинции, славяне, кочевники.

ON THE BORDER OF CULTURAL PROVINCES: PRUTO-DNIESTER REGION IN THE ERA OF THE EARLY MIDDLE AGES

Summary. As a result of its unique geographical position, the Carpathian-Dniester region felt a strong impact from the cultural and historical worlds of neighboring regions in the period of V – XI centuries.

Key words: Prut-Dniester interfluve, cultural-historical worlds, provinces, Slavs, nomads.

Рассуждения о провинциях для периода раннего средневековья применительно к региону Карпато-Поднестровья или его восточной части – Пруто-Днестровья выглядят почти экзотично в силу специфики археологического материала. Но ограниченные объемом данной статьи, мы не будем анализировать его различные категории, хотя собственно они и являются основой для самой постановки вопроса о провинциях в этой части

Европы в указанный период. Парадокс заключается в том, что в силу генотипичности определенных исторических процессов, то есть их периодической повторяемости в разные исторические эпохи, современная Молдова фактически повторяет прежний (раннесредневекового времени) сценарий в плане влияний на нее тех или иных культурных (и, конечно же, в наше время в первую очередь политических) центров. Естественно, мы рассматриваем понятие провинция, не как административно-территориальную единицу, а как периферию по отношению к некому центру.

Карпато-Днестровские земли – уникальное место – пограничье сразу нескольких провинций, периферий разных центров. Чем оно вызвано? Уникальным географическим положением Карпато-Днестровского региона на стыке Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Карпато-Днестровские земли на протяжении тысячелетий традиционно занимают периферийное положение по отношению к культурным мирам (по терминологии М.Б. Щукина – Щукин 1994: 12-13, 15) этих регионов. Последние оказывают на Карпато-Поднестровье культурные влияния, выступают для него "очагами", источниками культурными влияний. Эти миры оказывали на этот регион активное культурно-историческое воздействие, иногда в виде непосредственного переселения сюда населения – носителя тех или иных этнических и культурных традиций.

Исторические исследования Карпато-Днестровского региона в разные археологические эпохи (по крайней мере, от эпохи энеолита до современности) показывают закономерность его традиционного расположения на периферии, в пограничье одновременно нескольких значительных культурно-исторических миров (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkasiuk 1995).

Представим эти миры. Традиционными из них, воздействующими на регион с древнейших времен, являются следующие:

1. «Цивилизационный» (название этого мира, как и все последующие названия миров, даны условно и обусловлены конкретным

историческим контекстом). Географически он представляет собой Южные Балканы и Малую Азию. В историческом плане в средневековую эпоху - это Византия, позже (и, кстати, до сегодняшнего дня) Турция;

2. «Балкано-Дунайский» (по названию соответствующей археологической культуры). Географически это Нижнедунайский регион – территория современных Южной Румынии и Северо-Восточной Болгарии. В историческом плане это в первую очередь южнославянский мир (речь идет в первую очередь о культурном аспекте, а не о языковом), Болгарское государство. В отдельные периоды этот мир выступал проводником влияния мира Цивилизационного, например, Первое Болгарское царство приносило в Карпато-Поднестровье образцы византийской культуры – как материальной, так и духовной.

3. «Среднедунайский» или «Центрально-европейский». Географически это территории к западу от Восточных Карпат. Представлен в средневековую эпоху такими образованиями как германский мир, западнославянский мир, Аварский каганат, Великая Моравия, Венгерское и Польское королевства.

4. «Евразийская степь». Степная полоса, протянувшаяся от Алтая до Буджака и устья Дуная. В культурно-историческом плане в эпоху средневековья это многочисленные народы, полукочевые и кочевые, которые традиционно двигались с востока на запад. Кутригуры, оногуры, авары, аланы, печенег, торки, половцы и монголы и т.д.

5. «Лес и Лесостепь» (к северу и востоку, «лесная зона», Восточная Европа в целом). Это восточнославянский мир, Киевская Русь, Галицкая Русь и т.д.

Воздействие этих «очагов» на Карпато-Поднестровье в раннесредневековую эпоху оказалось чрезвычайно сжатым: смены доминирующей роли того или иного "очага" происходили настолько часто и быстро, что обоснование абсолютной, а в некоторых случаях и относительной хронологии этих изменений в силу ее недостаточной

разработанности подчас не поспевает за выявлением и анализом отмечаемых культурных влияний и изменений.

Сила воздействия на культуру региона того или иного «очага» (которую мы можем себе представить, исходя из исторических реалий) не всегда адекватна степени отраженности его в имеющемся археологическом материале. Поэтому иногда приходится говорить просто об общей тенденции, направленности того или иного культурного влияния или процесса.

Исходя из степени влияния на Карпато-Поднестрие вышперечисленных миров, а также характеристики возникающей вследствие этого влияния ситуации, культурное развитие региона заметно отличается по периодам: середина V – середина-конец VII вв.; конец VII – конец IX в.; X в. – середина XI в.; середина XI – середина XIII вв.

Конец V - конец VII вв. В конце V в. обезлюдивший после гуннской экспансии Карпато-Днестровский регион оказался в зоне славянских переселений – антов и склавинов, а также болгар-кутригуров, то есть вступил в действие фактор - влияние мира Лес, Лесостепь. Проникновение в Карпато-Днестровские земли склавинов (носителей Пражской культуры) происходило из северо-западных областей Украины.

Одновременно в Карпато-Поднестрие из лесостепного Побужья стали проникать анты (носители культуры Пеньковка). Количество памятников чисто пеньковских и пражских невелико. Большинство поселений этого времени в регионе носит смешанный характер (Рафалович 1972; Федоров, Чеботаренко 1974; Гавритухин 2009).

Таким образом в VI-VII вв. влияние мира Лес и Лесостепь играло доминирующую роль в культурном процессе в Карпато-Днестровских землях, однако определенно прослеживается влияние еще трех миров: Балкано-Дунайского, Цивилизационного и Степного.

На смешанных поселениях в Молдове в керамическом комплексе кроме пражских и пеньковских форм присутствуют горшки, характерные для

культуры Чурел, распространенной на левобережье Нижнего Дуная. Культурное влияние на Карпато-Поднестровье Цивилизационного и Среднедунайского миров ощущается по находкам широкогорлых красноглиняных амфор, византийских монет и металлических изделий, особенно различного типа фибул (Рафалович 1972: 29-42; Гавритухин 2009).

Влияние культурно-исторического мира Евразийская степь сказывается присутствии в Карпато-Днестровских землях болгар-кутригуров и связываемых с ними погребальных памятников типа Старая Сарата (Комар 2004: 179).

Итак, этот этап характеризуется мощным влиянием мира Лес-Лесостепь (заселение региона), менее значительным влиянием Степного (отдельные памятники), и небольшим влиянием Среднедунайского, Балкано-Дунайского и Цивилизационного. Мы видим влияния разных миров, но они, пересекаясь здесь, не привели к созданию в регионе самостоятельного очага формирования самобытной культуры.

Конец VII - конец IX вв. Начало нового этапа в процессе культурогенеза в Карпато-Днестровских землях в конце VII в. обусловлена активными событиями в культурной жизни соседних регионов.

В конце VII в. симбиоз культур Прага и Пеньковка сменился в Карпато-Поднестровье древностями восточнославянской культуры Луки-Райковецкой. Немногочисленное и редкое население региона в VI-VII вв., в VIII-IX вв. оказывается внезапно очень большим (Федоров, Чеботаренко 1974).

Хотя культура Луки-Райковецкой генетически восходит к культуре Прага, но внезапное одномоментное появление огромного количества ее памятников в Карпато-Поднестровье связано с проникновением их сюда с территории соседних областей Украины. А формирование этой культуры там связано с отмеченным летописью так называемым «возвращением славян с Дуная». Источником культурных импульсов, формирующим славянские древности в Восточной Европе в этот период, стал Среднедунайский мир. Следы этого импульса ощутимы и в Карпато-Днестровских землях. Волна

культурных потрясений в конце VII в. докатилась вплоть до русского Северо-Запада. (Мачинский 1981: 50; Щеглова 1990; 1991: 43-50; 2009: 59-61; Рабинович 2005)

Но и культурный мир "Степь", оказал мощное воздействие в конце VII-X вв. не только на Карпато-Днестровские земли, но и на всю Юго-Восточную Европу. Речь идет о болгарах-оногурах Аспаруха, в конце VII в., прибывших на Нижний Дунай, находившихся в Онглосе-Буджаке и основавших Болгарское государство на Дунае. Вытеснив Византию из Нижнедунайского региона, тюрко-болгары, смешавшись с местным славянским населением, создали т.н. балкано-дунайскую культуру (Козлов 2015). Новый мощный источник влияний на Карпато-Поднестровье на период существования Первого Болгарского царства стал опосредованным проводником и цивилизационного (попросту говоря, византийского) влияния на исследуемый регион. Первые поселения балкано-дунайской культуры появились в Карпато-Днестровских землях еще в конце VIII в. (памятники типа Этулия). Затем в связи с территориальным расширением Болгарского государства памятники балкано-дунайской культуры появляются на Нижнем Днестре – типа Калфа (Чеботаренко 1973). Оценивая характер культуры региона с точки зрения темы статьи, нужно отметить, что материальная культура Первого Болгарского царства носит здесь глубоко провинциальный характер. То что, далекая северо-восточная окраина была глухой провинцией, свидетельствует и полное отсутствие сведений о ней в письменных источниках.

После прихода орды Аспаруха Степной коридор не бездействовал, а продолжал выталкивать новые кочевнические волны, которые органично входили в культурные общности Карпато-Подунавья, не разрушая их, а лишь придавая им новую специфику. Мы говорим о подвластных Хазарскому каганату народах – тюрко-болгарах и аланах, которые двигались на запад, спасаясь от военных потрясений и гражданской войны в Каганате (Рабинович 1990; Зверев, Ткачук 2012; Тельнов 2017).

Еще один культурный вал, прокативший в хронологический отрезок 830-880 е гг. с востока на запад, - переход венгров, обретающих родину, в Паннонию. Карпато-Днестровские земли входили в ту часть Ателькузы, где находились венгры перед переходом через перевалы в западных и юго-западных Карпатах. Но их значение особенно сказалось в культурной жизни региона уже в конце IX –X вв. (Рябцева, Рабинович 2007; 2014; Комар 2013).

Итак, рассмотренный период характеризуется мощным влиянием мира Лес-Лесостепь, Среднедунайского мира, Степного, Балкано-Дунайского. Но разные хоть и сильные влияния, фокусируясь в данном регионе, не привели пока здесь к созданию самостоятельного очага формирования самобытной культуры.

Конец IX – сер. XI вв. Если говорить об этом периоде, то мы видим существование в регионе четырех культурных массивов.

На юге – древности балкано-дунайской культуры – периферия Первого Болгарского царства. Носитель их – болгары, южнославянское население.

В северной и центральной части Молдовы до середины X века существуют памятники Лука-Райковецкой культуры, которые позже благодаря интеграции с другими культурными элементами участвуют в формировании новых образований – так называемой древнерусской культуры Поднестровья и памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска. Лука-Райковецкая и древнерусская культуры представлены восточнославянским населением. Серьезным фактором, повлиявшим на формирование древнерусской культуры, стало вхождение Поднестровья с 30-х годов X в. в состав Киевской Руси – влияние мира Лес, Лесостепь.

Фактически чересполосно с лука-райковецкими и древнерусскими памятниками на северо-востоке региона располагаются появившиеся во второй половине IX в. древности типа кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар. Эта культура, безусловно, пришлая, характеризуется резкими отличиями от местных такими элементами как: фортификацией, погребальной обрядностью, типом жилищ, типами оружия, которое очень

многочисленно, более разнообразной и совсем типологически, морфологически и технологически другой керамикой, богатым инвентарем включая самостоятельное производство ювелирных изделий из серебра, наличием монет. Памятники Екимауцы-Алчедар оставлены мигрантами – западнославянским населением – носителем Великоморавской культуры и культуры Биело-Брдо (Рабинович, Рябцева 2009; 2016). Органично вписались в эти древности венгры, которые определяли воинскую престижную субкультуру. В XI веке памятники Екимауцы-Алчедар теряют свою специфичность и вместе с Лука-Райковецкой культурой начинают формировать древнерусскую культуру региона.

В X-XI вв. на основе контактов Лука-Райковецкой, Екимауцкой, Балкано-дунайской и Салтово-маяцкой культуры, которая представлена мигрирующими на запад к Дунаю тюрко-болгарами и аланами – населением Хазарского каганата, в центральной зоне Молдовы формируются очень специфичные культурные группы типа Петруха и Ханска. По данным археологии, в частности могильников, среди населения, оставившего их, помимо местных восточных славян можно выделить тюрко-болгар и венгров (Rabinovici 2016; Зверев, Ткачук 2012). Процесс симбиоза протекал очень быстро и это видно даже на данных физической антропологии (Великанова 1978).

Итак, в X-XI вв. в Карпато-Поднесровье протекали очень активные интегративные процессы, в котором участвовало население, оставившее различные группы памятников. На сравнительно небольшой территории мы видим полиэтничное население, представленное всеми тремя ветвями славянства, различными группами тюркского, иранского (аланы) и венгерского населения. Для этого периода применительно к Карпато-Поднестрью мы можем уже говорить не столько о провинциях, сколько о формирующемся самобытном оригинальном культурном мире, который в случае надлежащих условий достиг бы достаточной зрелости.

Карпато-Поднестрью, занимая периферийное положение по

отношению к «очагам» культурных влияний – среднедунайскому, балкано-дунайскому, лесостепному и степному мирам, и, находясь в зоне их непосредственного воздействия, само в X-XI вв. оказалось в роли своеобразного очага культурогенеза. Последовательное наложение культурных влияний (иногда в виде непосредственного переселения в регион их носителей), стабилизирующая конструктивная роль "степного коридора" в этот период, мирное вживание вновь прибывших в культурную систему с одной стороны, и открытость, способность ее к восприятию инноваций с другой, определили ситуацию, когда в регионе с географически и культурно-исторически детерминированными границами (Днестр, Восточные Карпаты, Нижний Дунай, Черное море) стала складываться новая культурная общность. Учитывая историческую ситуацию, эта региональная культура, в случае ее последующего, протяженного по времени и успешного формирования стала бы неким локальным вариантом культуры Древней Руси, обладающим своей специфичностью, подобно тому, как своей специфичностью обладали и другие регионы Руси.

Однако новый очаг культурогенеза себя не реализовал. Культурогенетический процесс в регионе, начиная с начала XI вв., а во второй половине XI в. уже постоянно, стал нарушаться вновь заработавшим дестабильно «степным коридором», выталкивающим кочевнические волны (печенеги). Со второй половины XI в. один за другим погибают или оставляются населением местные экономические центры. Начинается новый этап в истории Карпато-Поднепровья и возвращается старая роль – быть в пограничье провинций других культурных центров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Великанова 1978 – Великанова М.С. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях. // Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, С. 30-76.
2. Гавритухин 2009 – Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа, XLIX, СПб, 2009, С. 7-25.
3. Зверев, Ткачук 2012 – Зверев Е.Ю., Ткачук К.Т. К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруто-Днестровском междуречье. // *Stratum plus*, №5, 2012, С.125-148.
4. Козлов 2015 – Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э.: балкано-дунайская культура. Кишинев, 2015.
5. Комар 2004 – Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. // Сугдейский сборник. Б-ка "Софии Киевской". Киев-Судак, 2004, С.169-200.
6. Комар 2013 – Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. // II-й Международный Мадьярский симпозиум. Сборник научных трудов. Челябинск, 2013, С. 182-230.
7. Мачинский 1981 – Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э.(по письменным источникам с привлечением данных археологии). // Формирование раннефеодальных славянских народностей. Москва, 1981, С. 31-52.
8. Рабинович 1990 – Рабинович Р.А. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990, С. 51-57.
9. Рабинович 2005 – Рабинович Р.А. Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст. // *Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul 1, Nr.2, Chişinău, 2005, P.351-359.*
10. Рабинович, Рябцева 2009 – Рабинович Р.А., Рябцева СС. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа, XLIX, СПб., С.292-308.
11. Рабинович, Рябцева 2016 – Рабинович Р.А., Рябцева С.С. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе. // *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego*", Krakow-Rzeszow, 2016, P. 323-341.
12. Рафалович 1972 – Рафалович И.А. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.

13. Рябцева, Рабинович 2007 – Рябцева С.С., Рабинович Р.А. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв. // Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul III, № 1-2, Chişinău, 2007, С.195-230.
14. Рябцева, Рабинович 2014 – Рябцева С.С., Рабинович Р.А. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX-X вв.: общество, государство, культура. Москва-Вологда, 2014, С. 259-275.
15. Тельнов 2017 – Тельнов Н.П. К вопросу об этнокультурной ситуации в IX веке в Нижнем Поднепровье. Добруджа, 32, 2017, С. 503-513.
16. Федоров, Чеботаренко 1974 – Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6, Кишинев, 1974.
17. Чеботаренко 1973 – Чеботаренко Г.Ф. Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.
18. Щеглова 1990 – Щеглова О.А. О двух группах кладов "древностей антов" в Среднем Поднепровье. // Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Курск, 1990, С.162-204.
19. Щеглова 1991 – Щеглова О.А. 1991. Среднее Поднепровье конца VII-первой половины VIII вв.: причины смены культур. // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб., 1991, С.42-50.
20. Щеглова 2009 – Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI-VIII вв. как отражение миграция или культурных влияний. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа, вып. XLIX, Санкт-Петербург, 2009, С. 39-65.
21. Щукин 1994 – Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. Санкт-Петербург, 1994.
22. Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995 – Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage. // World Archaeological Bulletin, 1995, №8, P.9-18.
23. Rabinovici 2016 – Rabinovici R. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX–XII centuries A. D. // Arheologia mileniului I. Chr. Vol. V. Identități și schimburi cultural în mileniul I. Chr. Brăila, 2016, P. 247-265.

REFERENCES

1. Velikanova 1978 – Velikanova M.S. Dannyye paleoantropologii o peremeschenii naseleniya v Dnestrovsko-Prutskoe mejdureche v I-II tyisyacheletiyah. // Slavyano-voloshskie svyazi. Kishinev, 1978, S. 30-76.
2. Gavrituhin 2009 – Gavrituhin I.O. Ponyatie prajskoy kulturyi. // Slojenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja, XLIX, SPb, 2009, S. 7-25.
3. Zverev, Tkachuk 2012 – Zverev E.YU., Tkachuk K.T. K voprosu o periodizatsii mogilnikov Kepreriya, Limbar i Branesht v Pruto-Dnestrovskom mejdureche. // Stratum plus, №5, 2012, S.125-148.
4. Kozlov 2015 – Kozlov V.I. Naselenie stepnogo mejdurechya Dunaya i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n. e.: balkano-dunayskaya kultura. Kishinev, 2015.
5. Komar 2004 – Komar A.V. Kutriguryi i utiguryi v Severnom Prichernomore. // Sugdeyskiy sbornik. B-ka “Sofii Kievskoy”. Kiev-Sudak, 2004, S.169-200.
6. Komar 2013 – Komar A.V. Drevnie madyaryi Etelkeza: perspektivy issledovaniy. // II-y Mejdunarodnyiy Madyarskiy simpozium. Sbornik nauchnykh trudov. Chelyabinsk, 2013, S. 182-230.
7. Machinskiy 1981 – Machinskiy D.A. Migratsiya slavyan v I tyisyacheletii n.e.(po pismennym istochnikam s privlecheniem dannyyh arheologii). // Formirovanie rannefeodalnykh slavyanskikh narodnostey. Moskva, 1981, S. 31-52.
8. Rabinovich 1990 – Rabinovich R.A. K probleme kulturnoy i etnicheskoy interpretatsii pamyatnikov tipa Petruha-Lukashevka. // Arheologicheskie issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii. Kishinev, 1990, S. 51-57.
9. Rabinovich 2005 – Rabinovich R.A. Noji s volyutoobraznyimi rukoyatkami na territorii Moldovy i ih kulturno-istoricheskiiy kontekst. // Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul 1, Nr.2, Chişinău, 2005, P.351-359.
10. Rabinovich, Ryabtseva 2009 – Rabinovich R.A., Ryabtseva S.S. Osobennosti razvitiya drevnerusskoy kulturyi v Pruto-Dnestrovskom mejdureche. // Slojenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja, XLIX, SPb., S.292-308.
11. Rabinovich, Ryabtseva 2016 – Rabinovich R.A., Ryabtseva S.S. O sootnoshenii drevnostey Luka-Raykovetskoy kulturyi i pamyatnikov tipa Ekimautsyi-Alchedar v Pruto-Dnestrovskom regione. // Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego“, Krakow-Rzeszow, 2016, P. 323-341.
12. Rafalovich 1972 – Rafalovich I.A. Slavyane VI-IX vekov v Moldavii. Kishinev, 1972.
13. Ryabtseva, Rabinovich 2007 – Ryabtseva S.S., Rabinovich R.A. K voprosu o roli vengerskogo faktora v Karpato-Dnestrovskikh zemlyah v IX-X vv. // Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul III, № 1-2, Chişinău, 2007, S.195-230.
14. Ryabtseva, Rabinovich 2014 – Ryabtseva S.S., Rabinovich R.A. O vozmozhnosti vyideleniya vengerskikh drevnostey v Karpato-Dnestrovskom regione

v IX–X vv. // Rus v IX-X vv.: obschestvo, gosudarstvo, kultura. Moskva-Vologda, 2014, S. 259-275.

15. Telnov 2017 – Telnov N.P. K voprosu ob etnokulturnoy situatsii v IX veke v Nijnem Podnestrove. Dobrudja, 32, 2017, S. 503-513.

16. Fedorov, Chebotarenko 1974 – Fedorov G.B., Chebotarenko G.F. 1974. Pamyatniki drevnih slavyan (VI-XIII vv.). Arheologicheskaya karta Moldavskoy SSR, vyip. 6, Kishinev, 1974.

17. Chebotarenko 1973 – Chebotarenko G.F. Kalfa – gorodische VIII-H vv. na Dnestre. Kishinev, 1973.

18. Scheglova 1990 – Scheglova O.A. O dvuh gruppah kladov “drevnostey antov” v Srednem Podneprove. // Materialyi i issledovaniya po arheologii Dneprovskogo levoberejya. Kursk, 1990, S.162-204.

19. Scheglova 1991 – Scheglova O.A. 1991. Srednee Podneprove kontsa VII-pervoy poloviny VIII vv.: prichinyi smenyi kultur. // Sotsiogenez i kulturogenez v istoricheskom aspekte. Materialyi metodologicheskogo seminaru IIMK AN SSSR. SPb., 1991, S.42-50.

20. Scheglova 2009 – Scheglova O.A. Volnyi rasprostraneniya veschey iz Podunavya na severo-vostok v VI-VIII vv. kak otrajenie migratsiya ili kulturnyih vliyaniy. // Slojenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta. Trudyi Gosudarstvennogo Ermitaja, vyip. XLIX, Sankt-Peterburg, 2009, S. 39-65.

21. Schukin 1994 – Schukin M.B. Na rubeje er. Opyit istoriko-arheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyitiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope. Sankt-Peterburg, 1994.

22. Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995 – Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage. // World Archaeological Bulletin, 1995, №8, P.9-18.

23. Rabinovici 2016 – Rabinovici R. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX–XII centuries A. D. // Arheologia mileniului I. Chr. Vol. V. Identități și schimburi cultural în mileniul I. Chr. Brăila, 2016, P. 247-265.B

К.В. Старостенко,
д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой
общей и прикладной политологии Орловского государственного
университета имени И.С. Тургенева, Россия, Орёл

А.А. Чекулаев,
к.полит.н., доцент, кафедра общей и прикладной политологии
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Россия,
Орёл

K.W. Starostenko,
Doctor of Political Sciences, professor, head of the department
general and applied political science Orel State University named after IS.
Turgenev, Russia, Orel

A.A. Chekulaev,
Kantidat of Political Science, Associate Professor, Department of General and
Applied Political Science
Orel State University named after IS. Turgenev, Russia, Orel

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье кратко анализируется процесс федерализации России после распада СССР. Федерализация позволила избежать дальнейшей деградации политической системы страны и по мере увеличения политической консолидации элиты, содействовала централизации субъектов России на основании унификации их правового поля, в соответствии с Конституцией РФ. По мнению авторов, развитие реальных форм федеративных отношений будет способствовать преодолению множества политических и этнических конфликтов, возникающих сегодня на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: распад государства, политическая система, федерализация, политические и этнические конфликты.

FEDERALIZATION AS A MECHANISM TO PREVENT AND RESOLVE POLITICAL CONFLICTS IN THE FORMER SOVIET UNION

The article briefly analyzes the process of federalization of Russia after the collapse of the Soviet Union. Federalization was possible to avoid further degradation of the political system of the country and the increasing political consolidation of the elite, contributed to the centralization of constituent entities of Russia on the basis of harmonization of their legal framework, in accordance with

the Constitution. According to the authors, the development of real forms of Federal relations will contribute to overcoming the many political and ethnic conflicts that are now emerging in the former Soviet Union.

Key words: disintegration of the state, political system, federalization, political and ethnic conflicts.

Политический конфликт, являющийся неотъемлемой частью любого политического процесса, выступает специфическим типом социального конфликта и возникает, как правило, в процессе распределения властных полномочий между различными социальными группами общества. По мнению американского политолога Г.Д. Лассуэла, политика способствует распределению ценностей и ресурсов в обществе и главным дефицитным ресурсом, является власть (Lasswell 1949: 8; Lasswell 1950: 3). В дальнейшем, концепция власти, разработанная Г.Д. Лассуэллом, нашла поддержку у многих исследователей. Так, американский ученый, родоначальник системного анализ политики Д. Истон утверждает об авторитарном (властном) распределении ценностей в обществе (Easton 1953), а представитель теории «социального обмена» австро-американский социолог П.М. Блау отмечает, что в основе власти лежит неравномерное распределение дефицитных ресурсов (Поппер 2005: 18). Таким образом, именно власть и ресурсы выступают основной причиной политических конфликтов, и конечно решение этой проблемы, должно проходить исключительно в политико-правовом ключе, иначе социум может оказаться на грани гражданской войны.

Как показывает практика, конфликт внутри того или иного общества может способствовать выявлению недостатков и сплочению на этой основе единства общества, но может привести и к полному разрушению сложившихся социальных отношений. Политический конфликт – это вызов для политической системы общества, в особенности, если она не имеет эффективных механизмов решения конфликтных вопросов и находится, в лучшем случае, в состоянии слабого социально-политического равновесия.

Именно стабильная политическая система, располагающая эффективными механизмами распределения ценностей и ресурсов, способна консолидировать граждан и властвующую элиту в вопросах реализации политических интересов. Отсутствие таких условий гарантирует не только рост политической напряженности и появления антагонистических противоречий, способных разрушить устоявшиеся властные и социальные отношения, но и блокирует любые попытки реформировать систему в сторону ее сохранения.

Так, в конце 1980-х – начале 1990-х годов советскую политическую систему охватил системный кризис. Для выхода из создавшегося положения, Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым на апрельском Пленуме ЦК КПСС была инициирована политика перестройки, направленная на реформирование советской системы, сохранение социализма, повышение эффективности экономики. Однако этому не суждено было сбыться. Политические пертурбации стали разворачиваться на фоне жарких идеологических баталий, связанных с будущим не только советского государства, но и социалистического строя в частности. В публичном пространстве на уровне политиков и экспертов очень часто можно было услышать доводы в пользу либеральной модели демократии, которую стали воспринимать как панацею от всего спектра политических и социальных проблем, что, безусловно, было полным популизмом.

Нормализации политической ситуации не способствовала и повсеместная борьба за власть и ресурсы между различными элитарными группами союзного и республиканского масштаба. Наиболее острые разногласия между Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и его оппонентом Б.Н. Ельциным, переросшие в открытые противоречия, весьма негативно сказывались как на легитимности центральной власти в целом, так и на социально-экономической обстановке в стране. Став в мае 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР, Б.Н. Ельцин активизировал борьбу за перераспределение властных полномочий от

союзного центра к союзным республикам, и как авторитетный деятель «демократического движения», постоянно критиковавший руководство СССР и КПСС за нежелание устанавливать в стране подлинную демократию, был поддержан лидерами практически всех союзных республик. К сожалению, попытка демократизации политической системы СССР, стала лишь прикрытием в борьбе за власть и полномочия между союзными элитами и Москвой.

В дальнейшем, несмотря на призывы инициатора перестройки советского общества М.С. Горбачева к консенсусу и общественному согласию, СССР распался. В связи с тем, что в вопросах распределения властных полномочий между республиками и Центром компромисса достигнуть не удалось, все постсоветское пространство накрыла волна суверенизации. После распада в декабре 1991 г. Советского Союза появилось 15 новых независимых государств, 12 из которых, в последующем, учредили новое объединение – Содружество Независимых Государств (СНГ). Создание данной международной организации признается многими экспертами как весьма необходимый и своевременный шаг, т.к. факт его появления позволил избежать югославского сценария распада страны с кровавыми гражданскими войнами, смягчить социальные и экономические последствия развала единого государства, сохранить и развивать на новой основе исторические связи между народами, проживавшими в Советском Союзе. Более того, в рамках СНГ начали формироваться новые интеграционные инициативы, начался поиск качественно иных форм сотрудничества и наполнения их новым содержанием, соответствующим изменившимся политическим реалиям и общемировым тенденциям развития.

Дальнейшая демократизация постсоветского пространства, сопровождалась быстрыми и непродуманными действиями как политике, так и в экономике, что не могло не привести к ухудшению социально-экономической ситуации в новых странах постсоветского пространства. Практически везде произошел спад политической активности населения,

который местные элиты пытались стимулировать с помощью этнонационализма и стремления стать младшим партнером США. Несмотря на многовекторность российской внешней политики (активная деятельность на постсоветском пространстве, вступление в Совет Европы в 1996 г.), американское направление было преобладающим. Всего за 1992-1996 гг. между Россией и США было заключено около ста межправительственных и межгосударственных договоров (Российско-американские отношения в 1992-1996 годах). При этом, Запад не услышал от России «нет» ни по одному значимому вопросу международной жизни.

Американский политолог, президент Центра Никсона за мир и свободу Дм. Саймс вспоминает о встрече в 1992 г. экс-президента США Р. Никсона с Министром иностранных дел России А. Козыревым. На просьбу Никсона очертить интересы новой России, И Козырев ответил: «... одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» (Simes 1999).

Примечательно, но еще в конце 80-х годов XX в. немецкий профессор Р. Дарендорф отметил, что особенностью капиталистической системы является наличие большого разнообразия товаров при ограниченных покупательских способностях граждан. В социалистической системе получается все ровно наоборот у населения есть деньги, но ограничено разнообразие и нахватает товаров (Дарендорф 2002). Поэтому граждане бывшего СССР получив обширные политические права и возможности в экономическом и социальном плане оказались в состоянии перманентного социального конфликта. Необходимо понимать, что политические права без экономических опций являются фикцией и в таких условиях, создавать демократическую политическую систему невозможно, она изначально будет нестабильной и неспособной справиться с теми внешними и внутренними вызовами которые

исходят из социальной среды.

В итоге, все это существенно ограничило политическую активность российских граждан, подорвав доверие населения к демократическим институтам и процедурам. В тоже время, политические элиты получили большие возможности в области манипуляции общественным мнением. Необходимо отметить, что популизм стал характерной чертой всех постсоветских политиков, а социальная ответственность ушла в «авторитарное коммунистическое прошлое». Естественно, что в таких условиях системного популизма невозможно было создать эффективную модель государственного управления, как правило реформы в процессе их реализации выхолащиваются и получается ситуацию которую очень емко описал несколькими словами бывший Председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» (Черномырдин 1993). Это выражение можно считать эпохальным, именно оно содержательно и ярко описывает весь спектр событий, которые принято назвать демократизацией, либерализацией и федерализацией России в новейшей истории.

Как справедливо отмечал аргентинский политолог Г. О'Доннел: «...данные социологических опросов и непосредственные наблюдения показывают, что в новых демократических государствах основная масса граждан ненавидит авторитарное прошлое больше, чем настоящее (пусть и несовершенное), и наслаждается свободой слова, собраний и т.п., в которой прежде им было отказано. Это настроение, вызванное не столько влюбленностью в демократию, сколько страхом перед авторитаризмом и являющееся, вероятно, самым ценным достоянием демократических лидеров, однако ничуть не мешает гражданам почти повсеместно весьма нелестно отзываться о демократических политиках, партиях и законодательных органах. Эти негативные эмоции, подпитываемые в первую очередь ошибками политиков, отнюдь не способствуют демократической консолидации. При наихудшем развитии событий может возникнуть

«делегативная» демократия – тип режима, от которого вряд ли можно ожидать укрепления представительного и подотчетного правления. Если же социальное напряжение возрастет, и амбициозные лидеры смогут узурпировать власть, не уплачивая слишком большой цены в международном масштабе (этот эффект достигается, например, привлечением внимания к основной экономической политике или к решению острых геополитических вопросов), то делегативная демократия скатится к плохо завуалированному авторитаризму» (O'Donnell 1994).

Именовать постсоветские режимы делегативной демократией в 90-е годы было достаточно модно как в среде зарубежного, так и российского экспертного сообщества. Также, очень часто использовался термин транзиталогия обозначающий перенимания политического опыта и процедур постсоветскими странами у государств либерально-демократического ядра или просто западных стран, которые рассматривались постсоветскими элитами как желательное направление для развития всего пространства СНГ.

Возвращаясь к категориям системного анализа, подчеркнем, что любая политическая система испытывает на себе давление внешней среды, а в случае с постсоветскими государствами, это, прежде всего, западные страны или партнеры, которые видели в демократизации России возможность продвинуть свои геополитические интересы и влияние в глубь Евразийского континента и поэтому эффективность демократизации российского общества их особо никогда не интересовала. Западный идеал – это Россия начала девяностых, управляемая западниками и в интересах исключительно США и их демократических партнеров. В тоже время согласно концепции «конгруэнтности», разработанной американскими политологами, политическая система должна развиваться исключительно из собственных социокультурных начал, иначе она обрекает себя на постоянный конфликт интересов, и никакой консолидации общества и власти в таких условиях быть не может, а значит, все демократические институты и процедуры будут формальными и неэффективными в вопросах государственного управления.

Таким образом, конфликт интересов – есть объективная реальность политических отношений, выступающий фактором формирования и реализации интересов различных субъектов политики. В этом случае мы опираемся на общепризнанную аксиому – ведущим мотивом и конечным результатом субъекта как внутри государства, так и на международной арене всегда выступает завоевание, удержание и использование политической власти. Власть это один из ведущих мотивов в деятельности субъектов политики, в том числе и мировой. Наглядным примером подтверждения наших слов является принцип, выдвинутый немецким политологом К. Шмиттом – «друг – враг» (Шмитт 1992) и который в определенной степени можно принять за установленную политическую константу жизнедеятельности социума.

В целом, конфликт интересов по поводу власти необходимо рассматривать как фактор жизнедеятельности политической системы, который с одной стороны может привести ее к более качественному и стабильному состоянию, а с другой стороны к разрушению и деградации. Системный анализ политической жизни опирается на представление о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. В рамках этого анализа важным является допущение о том, что для того, чтобы выжить, система должна быть способна отвечать с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении. Но для действий, причем осмысленных и эффективных, власти должны иметь возможность получать необходимую информацию о происходящем. Обладая информацией, власти могут быть способными обеспечивать в течение некоторого времени минимальный уровень поддержки системе (Истон 1997).

В связи с этим, демократизация и федерализация советской политической системы конца 80-х годов стала идеей фикс существующей тогда элиты, представители которой по-разному воспринимали данные

процессы. Одни видели в демократизации и федерализации возможность реформировать наличествующую политическую систему в сторону открытой и более эффективной политической модели, другие же рассматривали в этом возможность для своего карьерного и политического роста, так как конфликт интересов и борьба за власть между региональными и союзными элитами открывала большие возможности для многих амбициозных функционеров, например, Б.Н. Ельцина. В конечном итоге, попытка реформировать советскую систему путем внедрения в нее либеральных практик, привела к ее окончательной дезинтеграции и развалу. В дальнейшем рост экономических и социальных противоречий послужил катализатором политического кризиса, который охватил все общество и весь административный аппарат советского государства. Кроме того, не только элита, но и различные группы советского общества включенные в процесс кооперации и приватизации, так же стали проводниками социальной трансформации общества, ускорив процесс разрушения государства.

Как отмечал, в свое время, американский конфликтолог Л.А. Козер: «Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом – ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт. В социальной структуре любого типа всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, престижа и власти» (Козер 1996). Поэтому, одним из механизмов преодоления конфликтной ситуации на пространстве СНГ, может стать процесс федерализации, который используется в российской политической практике и осуществляется в рамках правового поля государства. Федерализация связана с последовательным расширением и универсальным применением на всей территории государства принципа региональной автономии, причем, может быть направлена как в сторону централизации, так и в сторону большей децентрализации, что можно

было наблюдать в период новейшей истории России.

Необходимо отметить, что процесс федерализации в России происходил на фоне ухудшающейся социально-экономической обстановки, постоянного политического конфликта между парламентом и администрацией президента, апогеем которого в октябре 1993 г. стал вооруженный конфликт в Москве. Кстати, в тех событиях США полностью поддержали незаконные действия Б.Н. Ельцина, в котором они видели проводника своих геополитических интересов в России. Но несмотря на все эти негативные моменты к декабрю 1994 г. между всеми регионами и федеральным центром были подписаны союзные договоры за исключением Чечни, которая надолго стала очагом вооруженного противостояния. В остальном же российский федерализм позволил избежать дальнейшей деградации политической системы страны и по мере увеличения политической консолидации элиты, начался процесс централизации субъектов России на основании унификации их правового поля, в соответствии с Конституцией РФ.

Практически сразу молодое российское государство столкнулось с ростом не только социальных и политических противоречий, но и с ростом этнонационализма со стороны республиканских элит, которые принялись активно создавать собственные параллельные государственные структуры на национально-территориальной основе. Как подчеркивает российский исследователь А.А. Захаров, задачи федерализма для разных стран не одинаковы. В развивающихся (зачастую в бывших коммунистических странах) его используют в первую очередь для разрешения национального вопроса. Федерализм позволяет этническим общностям лишь обзавестись зачатками собственной государственности, не выпадая при этом за рамки политически более мощного и экономически более устойчивого целого. Федерации данного типа искусственны; не имея прочных корней, они сознательно выстраиваются по западным калькам уходящими колонизаторами или подвергшимися вестернизации местными элитами. Их

упразднение происходит столь же легко, как и создание, что неоднократно доказывалось в ходе федеративных экспериментов в третьем мире. Дефицит гражданственности и отсутствие стабильного правового режима ведут к появлению половинчатых и ущербных версий федерализма. В качестве примера подобной аномалии можно привести современную Россию, где федералистские принципы реализуются преимущественно в компромиссных и неполноценных формах. Именно поэтому, кстати, в отечественном научном дискурсе федерализм предстает исключительно в виде правовой доктрины, регулирующей взаимоотношения не столько граждан, сколько государственных институтов (Захаров 2002).

Безусловно, развитие теоретической и практической стороны российского федерализма необходимо рассматривать как фактор стабилизации социально-политических и политико-правовых отношений в Российской Федерации. Так, например, большое значение отводится такому важному элементу как муниципальная власть. Именно с этого уровня в государстве начинается взаимодействие граждан и власти, в связи с чем, совершенствование данных механизмов может способствовать стабилизации социально-политической системы России в целом. Более того сосредоточение реальной власти в регионах в руках муниципалов так же, по нашему мнению, способствует преодолению этнокультурного национализма региональных властей. Важно отметить, что любая политическая система для сохранения своей управляемости и достижения необходимой социально-политической стабильности, должна поддерживать баланс сил и интересов между ее ключевыми группами и элементами.

По мнению ведущего специалиста по федерализму М.В. Столярова, федеративные отношения в России выстраивались на основе семи главных принципов (Столяров 2008):

1. Неизменность положений Конституции РФ.
2. Соответствие между закрепленными Конституцией РФ и федеральными законами правами и свободами человека и гражданина и

конкретными обязанностями каждого уровня публичной власти по обеспечению их реализации (в том числе финансовому).

3. Сочетание самостоятельности органов государственной и муниципальной власти с политической и юридической ответственностью при реализации их собственных полномочий.

4. Верховенство Конституции РФ и федеральных законов при реализации полномочий, подкрепленное наличием в федеральном законодательстве конкретных и эффективных механизмов обеспечения такого верховенства.

5. Недопустимость произвольного и необоснованного возложения на нижестоящий уровень публичной власти обязанностей, требующих конкретного объема расходов, не финансируемых из бюджета уровня публичной власти, принявшего соответствующее решение.

6. Определение законом состава и содержания собственных полномочий органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления различных типов.

7. Взаимосвязь территориальных и функциональных основ местного самоуправления.

Необходимо особо подчеркнуть, что Россия первая на постсоветском пространстве методом проб и ошибок постаралась внедрить принцип федерализма. Стоит добавить, что сегодня в наиболее развитых странах федерализм его теоретиками воспринимается как эффективная форма организации социума, а сама федеративная идея – основанная на договоре комбинация самоуправления и разделенного правления, собственной и совместной компетенций, апеллирующая не к нациям, а к личностям. Таким образом, мы имеем дело не с узко понимаемой правовой доктриной, а с предельно широким, философским по своей сути, учением о человеке. По мнению А.А. Захарова, этот подход, недостаточно освоенный российским научным и политическим сообществом, обладает большим эвристическим потенциалом и позволит вскрыть органичную связь федеративной модели

государственного устройства с демократической формой правления» (Захаров 2002).

В целом, если рассматривать пространство СНГ, то можно сделать вывод о том, что некоторые постсоветские государства (например, Молдова и Украина) нуждаются в развитии реальных форм федеративных отношений, так как их унитарное советское наследие не способствует преодолению множества политических и этнических конфликтов, возникших в результате крушения СССР. Кстати, именно данный фактор стал прологом тех негативных событий, развернувшихся на Украине после 2014 г., когда некогда богатая и стабильная республика постсоветского пространства очень быстро скатилась к состоянию перманентного социально-политического и этнического противостояния.

В сущности, в этом нет ничего странного, как подчеркивал Г. О'Доннел: «К внезапной смерти особенно склонны новые демократические государства, в которых либо само государство, либо его территориальные границы вызывают споры, а также те, где возникают вооруженные конфликты. Это достаточно важно и серьезно. Но мы не должны забывать и о тех новых демократических государствах, которые хотя и свободны от столь очевидных угроз, тем не менее подвержены медленной смерти или застою в грязной луже, где некая толика демократии перемешана с немалой дозой нарождающегося или ожившего авторитаризма. Осознание этих опасных процессов в ходе их развития, осмысление появляющихся политических общностей, не ограничивающееся туманными утверждениями, что они являются «гибридами», и своевременная мобилизация внутренних и международных усилий для борьбы с антидемократическими тенденциями – вот что будет нашими важнейшими задачами в ближайшие годы» (О'Доннел 1997).

Возвращаясь к Украине, необходимо отметить, что это лимитрофное государство, испытывающее на себе давление соседних цивилизационных пространств. А если вспомнить, что в отношении процесса демократизации

Западное сообщество всегда занимало позицию двойных стандартов, в связи с чем никакой реальной демократии в этой стране в ближайшее время возникнуть не может. Объективно, украинское руководство сегодня не готово отказаться от советского унитарного прошлого, которое в период независимости было сильно слито с началами украинского национал-социализма времен УПА. Как известно, федерализация Украины для идеологов УПА была неприемлемой, да и западным политикам не нужна нейтральная, и тем более, пророссийская территория об этом уже давно и много писал З. Бжезинский. Поэтому интересы украинских националистов и их евроатлантических партнеров сегодня полностью совпадают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «РОССПЭН». – 2002. – 285 с.
 2. Захаров А.А. Федерализм и глобализация // Федерализм и глобализация / А.А. Захаров // ПОЛИС: политические исследования. – 2002. – № 6. – С.116–126. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2002/6/Polis-2002-6-Zaharov.pdf>
 3. Истон Д. Категории системного анализа политики // <http://www.politnauka.org/library/teoria/iston.php>
 4. Козер Л.А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. – М. – 1996. – С. 542–556.
 5. Лучшие афоризмы Виктора Черномырдина // URL: http://homestartup.ru/oth_chernomyrdin.html
 6. О'Доннел Г. Следует ли слушаться экономистов? // Русский журнал, 1997. 11 ноября. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm#6b
 7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер. – Киев.: Ника-Центр, 2005. – 798 с.
- Российско-американские отношения в 1992-1996 годах. Справка // URL: https://ria.ru/history_spravki/20110404/360851191.html
8. Столяров М.В. Новый федерализм // URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Stoljarov/>
 9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. – №1. – С. 37–67.
 10. Dmitry K. Simes, After the Collapse, NY, 1999, ss. 15-20.
 11. Easton D. The Political System. New York: Knopf, 1953.

12. Lasswell H.D. Language of politics: Studies in quantitative semantics. – Cambridge (Mass): M.I.T. Press, 1949. – 398 p.
13. Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity – a Study or Power. Glencoe, 1950. – 307 p.
14. O'Donnell G. «Delegative Democracy, Journal of Democracy» 5 (January 1994): p. 55-69.

REFERENCES

1. Darendorf, R. Sovremennyyj social'nyj konflikt. Oчерk politiki svobody / Per. s nem. □ M.: «ROSSPEHN». – 2002. □ 285 s.
2. Zaharov, A.A. Federalizm i globalizaciya // Federalizm i globalizaciya / A.A. Zaharov // POLIS: politicheskie issledovaniya. – 2002. – № 6. – S.116□126. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2002/6/Polis-2002-6-Zaharov.pdf>
3. Iston, D. Kategorii sistemnogo analiza politiki // <http://www.politnauka.org/library/teoria/iston.php>
4. Kozer, L.A. Funkcii social'nogo konflikta // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. – M. – 1996. – S. 542□556.
5. Luchshie aforizmy Viktora CHernomyrdina // URL: http://homestartup.ru/oth_chernomyrdin.html
6. O'Donnell, G. Sleduet li slushat'sya ehkonomistov? // Russkij zhurnal, 1997. 11 noyabrya. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm#6b
7. Popper, K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi / K.R. Popper. – Kiev.: Nika-Centr, 2005. □ 798 s.
8. Rossijsko-amerikanskije otnosheniya v 1992-1996 godah. Spravka // URL: https://ria.ru/history_spravki/20110404/360851191.html
9. Stolyarov, M.V. Novyj federalizm // URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Stoljarov/>
10. SHmitt, K. Ponyatie politicheskogo // Voprosy sociologii, 1992. □ №1. □ S. 37□67.
11. Dmitry K. Simes, After the Collapse, NY, 1999, ss. 15-20.
12. Easton D. The Political System. New York: Knopf, 1953.
13. Lasswell H.D. Language of politics: Studies in quantitative semantics. □ Cambridge (Mass): M.I.T. Press, 1949. □ 398 p.
14. Lasswell N.D. World Politics and Personal Insecurity – a Study or Power. Glencoe, 1950. □ 307 p.
15. O'Donnell, G. «Delegative Democracy, Journal of Democracy» 5 (January 1994): r. 55-69.

Н.В. Бабилунга,
к.истор.н., профессор
Приднестровского госуниверситета имен Т.Г. Шевченко
N.V. Babilunga,
candidate of historical sciences, professor
Pridnestrovian State University names. T.G.Shevchenko

ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ ПРОВИНЦИЙ БЕССАРАБИИ И ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ РОССИИ В XIX В.

Аннотация. В статье поднимаются вопросы различных исторических судеб и векторов исторического развития для территорий, бывших провинциями единой Российской империи, впоследствии получивших дарованную большевиками государственность и, наконец, добившихся самостоятельности и самодостаточности. Особый акцент делается в первую очередь на Приднестровье.

Ключевые слова: провинция, Бессарабия и Левобережное Приднестровье, интеграция, Россия, Молдавия.

INTEGRATION OF NEW PROVINCES OF BESSARABIA AND LEFT BANK TRANSNISTRIA IN THE RUSSIAN SOCIAL-POLITICAL LIFE IN THE XIX CENTURY

Annotation. The article raises questions of various historical destinies and vectors of historical development for the territories that were the provinces of the unified Russian Empire, which later received the statehood granted by the Bolsheviks, and finally achieved self-sufficiency and self-sufficiency. Particular emphasis is placed primarily on Transnistria.

Key words: province, Bessarabia and Left-bank Dniester-Strovye, integration, Russia, Moldova.

В конце XIX в. великий русский ученый Дмитрий Менделеев на основе изучения демографических тенденций в стране подсчитал, что к середине XX в. в России будет проживать около полумиллиарда жителей. На самом деле население страны составляет сейчас немногим более 140 млн. человек. Таковы людские потери от всех произошедших в XX в. катаклизмов и

пертурбаций, такова их цена - количество россиян в три раза меньше ожидаемого.

На состоявшейся недавно Всемирной тематической конференции «100-летие Русской революции: единение ради будущего», заместитель председателя комитета Государственной думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ Константин Затулин по этому поводу высказался так: «Вот можно хотя бы таким арифметическим путем, не очень конечно корректным, разобраться в том, что мы потеряли и что мы утратили за этот XX век, возможности развиваться еще интенсивнее, и достичь больших результатов». (Затулин 2017)

А я бы добавил ещё, что подавляющее большинство людей из этих 500 тыс. россиян были бы провинциалами, но вряд ли они считали бы, что находятся в изоляции.

Более того, в изоляции оказались как раз те провинции бывшей Российской империи, которые получили в СССР советскую форму государственности, а после распада единой державы (точнее, её насильственного развала), обрели «свободу» и «независимость». Последние слова без кавычек можно воспринять как грубую насмешку, как над свободой, так и независимостью. Эти процессы при всех объединяющих их условиях имеют, конечно, различные исторические корни и различные векторы исторического развития для территорий, бывших провинциями единой империи, впоследствии получивших дарованную большевиками государственность и, наконец, добившихся самостоятельности и самодостаточности. Такие различия необходимо ясно видеть и понимать, чтобы не только хорошо осознавать пройденный путь, но и улавливать перспективы дальнейшего развития.

В этом отношении меня, прежде всего, интересует положение, сложившееся на берегах Днестра. Что касается нашего региона, то нельзя не поражаться, насколько быстро Приднестровье интегрировалось в социально-

экономическую и общественно-политическую систему страны. Буквально в считанные годы после присоединения левого берега Днестра к России в начале 90-х гг. XVIII в. Приднестровье стало её неотъемлемой составной частью. Примерно так же бесконфликтно вошла в эту систему и Бессарабия после Бухарестского мира 1812 г.

Почему культурная, социальная и политическая интеграция населения Бессарабии и Приднестровья в общественную жизнь России осуществилась в конце XVIII – начале XX в. так удивительно легко и безболезненно? На мой взгляд, на то существуют очень веские причины объективного характера. Но начнем с другого, с общего плана.

Территориально на протяжении многих столетий Россия росла двояким образом: ряд стран и народов входил в состав империи добровольно, во всяком случае, не противодействуя этому сближению. Другой ряд (Польша, среднеазиатские территории, Кавказ и проч.), народам которого были глубоко чужды национальные интересы России, воспринимал вхождение в Россию как трагедию. Именно они выдвигали из своей среды пассионариев, способных противопоставить российской государственности иное понимание прошлого и будущего своих народов и России в целом. При этом возрождение или построение сильной их государственности никак не предполагало обретение ими статуса провинции империи, а наоборот призывало к кровавой борьбе против «российского ига».

Представляется, что Приднестровье и Бессарабия безусловно относились к первому типу стран и народов. Несомненно, большое значение при этом имело то, что оба берега Днестра были освобождены от османского ига и засилья кочевых татар. Турки ушли сами, а Ногайская орда, как, затем и Бужакская орда были переселены правительством в Крым. Пустующие земли стали быстро заселяться выходцами из Молдавского княжества, стран Балканского полуострова, различных губерний России, колонистами из-за рубежа. Россия была их страной по рождению или по тем надеждам, которые они с ней связывали.

Для автохтонного населения важную роль сыграла его духовная жизнь и культура. А в этой ситуации определяющее значение имели два фактора - многонациональный состав и православие основной массы проживающих тут людей. Культурное поле державной России, в которое они вовлекались, было им близко и естественно. Оно способствовало сохранению и приумножению духовных, этнических, семейных традиций и устоев их предков.

В Приднестровье и в Бессарабии проживали молдаване, украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи, армяне, греки, поляки, татары и многие другие этносы. Здесь существовали и различные конфессии, - католики и мусульмане, староверы и евангелисты, иудеи и различного рода секты. Но в составе единой православной страны они заняли отведенную им нишу и не имели никаких возможностей продолжать как в Средние века эксплуатацию и ущемление прав православных жителей, которые составляли несомненное большинство. Зато к православным относились все основные преобладающие этносы населения обеих провинций, - молдаван, украинцем, русских. Они составляли большинство.

Характерно, что после присоединения к России значение православной духовности постоянно возрастало и церковь, наконец, лишилась тех оков, в которых она находилась в период польского, татарского или турецкого господства. Может быть, православные стали мстить своим бывшим угнетателям, например, католикам? Ничего подобного не произошло: никто костелы не закрывал, строились даже новые католические храмы русской администрацией. Губернатор Павел Федоров, правивший Бессарабией 20 лет и превративший город Кишинев в сплошную строительную площадку, на ровных благоустроенных улицах города возводил не только православные храмы, но и костел, и кирху, и другие культовые сооружения.

Возводились в Бессарабии и Приднестровье и молельные дома баптистов, старообрядцев, и григорианские церкви, синагоги, так, что общая религиозная картина напоминала собой пеструю мозаику, при которой никто не ущемлялся. Здесь различные верования могли вполне мирно уживаться

между собой. И это положение, характерное для большинства регионов юга России XIX в., вполне устраивало местных жителей. Общая религиозная культура края была неразрывно связана с деятельностью различных культовых учреждений всех народностей и этносов региона. Никаких острых религиозных конфликтов не возникало. И это было характерной отличительной чертой обеих провинций.

Более того, оба берега Днестра в эту эпоху становились прибежищем для всех гонимых и притесняемых служителей культа. Возьмем конкретный пример. В период реформ 60-х годов XIX в., связанных с безудержной латинизацией «пуристами» своей культуры и языка в Румынии (перевод письменности на латинскую графику, уничтожение древних церковных книг, притеснения на православную веру по канонам Паисия Величковского) монахи Нямецкого монастыря, этой древней жемчужины молдавской культуры, решили бежать из страны. Они желали сохранить остатки древнего молдавского православия и святости. Может быть, они стали искать спасения в Польше или, скажем, среди горцев Кавказа?

Отнюдь, - православное духовенство Румынии, не воспринимавшее «разбойничьи» (как выражались монахи) реформы Александра Иона Кузы, нашли себе убежище в Бессарабии, открыв в нескольких километрах от Тирасполя и Бендер Свято-Вознесенский Ново-Нямецкий монастырь, который принял высокую духовную эстафету истинного православия и действует в наши дни. Не знаю, насколько США стали убежищем для всех гонимых и преследуемых, - это вопрос достаточно спорный, - но Приднестровье и Бессарабия неплохо справлялись с такими функциями в своё время.

Хотелось бы обратить внимание и на такую особенность интеграции местного населения в общественно-политическую жизнь страны после присоединения его к России. Нет сомнений, что в Туркестане, Финляндии или на Кавказе местное население было достаточно далеким от животрепещущих проблем общероссийского характера, - ими там не

интересовались. Но в таких провинциях как Бессарабия и Приднестровье в Новое время местное общество весьма активно включилось в обсуждение самых насущных вопросов общественно-политического характера. Именно тогда наряду с консервативным и либеральным течением общественно-политической мысли в России появляется и новое направление, - революционное.

Все названные течения находили в наших краях живой отклик, понимание и своих приверженцев. Это показало и дворянское движение декабристов, и различные планы народников, а с конца XIX в., - и появление политических партий общероссийского плана, которые действовали в нашем регионе весьма активно. Социальный и национальный состав населения по обе стороны Днестра был достаточно близким, схожим и весьма зрелым, почти не отличимым от других районов юга России, Новороссии, как тогда именовался этот регион. Интересно, что все политические партии, действовавшие в обеих провинциях, имели общероссийский характер; «своих» не появилось.

При этом ни в Бессарабии, ни в Приднестровье не возникло сколь-нибудь активных политических сил, которые выступили с рациональной программой сепаратистского свойства, и нашли бы поддержку у местного населения. В Приднестровье сепаратистских движений вообще не было, и быть не могло. А в Бессарабии Молдавская национальная партия создается лишь после Февральской революции агентами румынского правительства на его же деньги. Да и то, она носила не столько сепаратистский, сколько культуртрегерский характер и попыток выхода из России и присоединения к Румынии в открытую не предпринимала. Известный факт: на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. большевики в Кишиневе получили 5500 голосов, а члены Молдавской национальной партии – 400; в других городах и селах за них вообще почти никто не голосовал. И жители Приднестровья, и жители Бессарабии считали себя россиянами и ничего другого для себя не желали.

Мне кажется, подобную ситуацию все мы увидели и в конце 80-х гг. XX в., когда центральной власти в Москве пришлось буквально силой насаждать здесь всякие «народные фронты» прорумынской направленности. На их митинги, искусственные, до истеричности экзальтированные, в Кишинев силой свозилось население из разных районов Молдовы. Их лидеры буквально назначались компартией и КГБ, чтобы не раздражать Москву и насаждать «перестройку» на пути к социализму («больше демократии, - больше социализма»). Такие провинции, вроде Молдовы и Приднестровья, своей верностью единой стране вызывали недоумение и недовольство в высоких кабинетах центральной власти, взявшей курс на развал Советского Союза.

Какие же процессы определяли высокую степень и быструю интеграцию этих провинций в общественно-политическую жизнь страны в XIX в.? Да и можно ли вообще дать им какое-то приемлемое объяснение? Думается, что всё дело состояло в социальной структуре общества, которая очень быстро получила общероссийские формы. Россия, как известно, делила своё население на различные сословия, т.е. на определенные группы людей, обладающих твердым юридическим статусом. И сословия эти были полностью отменены лишь в период Российской революции 1917 г.

Но, когда сначала Приднестровье в конце XVIII в., а потом и Бессарабия в 1812 г. вошли в состав России, здесь в течение нескольких лет формируются и законодательно оформляются свои сословия, - дворянство, духовенство, купечество, мещанство, казаки, государственные и крепостные крестьяне, колонисты и проч. Каждое из этих сословий имело свои интересы и готово было их защищать, тем более, что дворянство, как социальная база и опора самодержавия, не собиралось в своей массе терять привилегированное положение, несмотря на идеалистические планы прогрессивно мыслящих офицеров из рядов декабристов.

Дворянство объединялось в свои собрания, и для него не имела никакого значения этническая принадлежность правящего слоя, - русские,

молдаване, украинцы, поляки, греки и проч. Они выбирали губернских и уездных предводителей, а подчас и жестко нелюбезно критиковали деятельность местных властей. В их среде зародились и основные направления общественно-политической мысли и течений, - консервативного, либерального и леворадикального. И борьба между этими течениями, их размежевание и противоборство, не могла не затронуть бессарабское и приднестровское дворянство, как провинциальной части общероссийских процессов.

Конечно, основная часть приднестровских крепостников-помещиков и бессарабских бояр составляла вместе с офицерством, чиновниками, генералитетом правоконсервативную часть общества, не желавшую никаких перемен в своем положении. По словам одного из столпов русского либерализма генерала П.Д. Киселёва, многие чиновники, осевшие в наших краях во время русско-турецких войн, являлись самыми настоящими «подонками» России. Но его приезды в наши края воодушевляли местные либерально настроенные круги. Эти представители образованного общества не могли не знать, что генерал Киселев ещё в 1816 г. выступил за необходимость отмены крепостного права в России и представил государю соответствующий документ. С другой стороны это не могло не раздражать таких реакционеров, как генерал И.В. Сабанеев, с помощью которого была разгромлена местная декабристская организация и закрыта ложа Овидий.

Приезды в наши провинции самодержавных особ всегда вызывали ажиотаж и тщательно готовились. Возможно, не только географическое положение и их военно-стратегическое значение привлекали сюда монархов России, но и то, что они находили здесь близкое им по духу и настроениям провинциально-русское общество, никакими фибрами души не помышлявшее о выходе из России или, тем более, жестокого противостояния ей. Наши края посетил Александр I в 1818 г., впервые после Прутского похода Петра I. Через 10 лет сюда прибыл Николай I в 1828 г. А сын его Александр II посещал наши места дважды – в 1860 и 1877 гг. Александр III

был по натуре затворником и мало ездил по России. А Николай II был здесь в мае 1914 г.

Вполне возможно, что симпатии русских монархов к этим землям определялись ещё и тем, что в лихую годину испытаний и похода на Россию Великой армии Наполеона, на недавно присоединенных к империи землях (Приднестровье за 20 лет, а Бессарабия вообще за месяц до вторжения Бонапарта) местное население не примкнуло к врагам страны. Жители этих провинций не подняли восстаний, не присоединились к французской армии, как это сделали поляки и почти все подчинившиеся Франции страны Европы. Ведь момент был крайне благоприятный для того, чтобы вмиг освободиться от ненавистной «русской оккупации»!

Однако население провинции и не подумало о такой возможности. Наоборот, местные жители по-доброму напутствовали уходившие от Днестра и Дуная русские войска, снабжали их продовольствием и фуражем, предоставляли на постой свои квартиры. А многие местные уроженцы ушли защищать вместе с русскими солдатами свою новую родину, участвовали в главных сражениях Отечественной войны и даже дошли до Парижа. Как этот казус объяснят наши русофобские средства массовой информации? Мне неизвестно. Они его либо не знают, либо не хотят вспоминать, ибо он наголову разбивает все их искусственные конструкции «русской оккупации».

Можно было бы приводить ещё очень много примеров того, что местное население считало себя россиянами. И из эпохи народничества, и из прочих периодов нашей истории. Но думается, что основной вывод ясен и так. Несмотря на большую отдаленность от Санкт-Петербурга, Москвы и других политических и культурных центров империи обе провинции с самого момента своего вхождения в Россию, жили общими со всей страной проблемами, интересами, заботами.

Социально-политическая, культурная и духовная интеграция населения обеих провинций в общерусский конгломерат народов произошла на редкость безболезненно и естественно. В этих условиях, говорить о каком бы

то ни было сохранении самобытности, а, тем более, пестовать самоизоляции, конечно же, можно. Можно даже попытаться изменить менталитет проживающих здесь народов, навязать им чуждую этническую самоидентификацию. Но с исторической точки зрения это дело не представляется ни перспективным, ни оправданным. Такова реальная судьба этих земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Затулин К. Сбережение нашего народа – это и есть цель. 100-летие Русской революции: единение ради будущего / Информационно-аналитический портал «HAYINFO», 2017. (Режим доступа <http://hayinfo.ru/news-ru/politics-ru/30125.html>)

REFERENCES

1. Zatulín K. Sberезhenie nashego naroda – ehto i est' cel'. 100-letie Russkoj revolyucii: edinenie radi budushchego / Informacionno-analiticheskij portal «HAYINFO», 2017. (Rezhim dostupa <http://hayinfo.ru/news-ru/politics-ru/30125.html>)

В.В. Чернышенко,

к.филос.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Россия, Орёл

V.V. Chernyshenko,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University named after IS. Turgenev, Russia, Orel

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Исследуются вопросы развития постсубкультур в молодежной среде в современном глобальном пространстве, в том числе уделяется внимание особенностям молодежных постсубкультур в постсоветской провинции.

Ключевые слова: «смерть субкультур», провинциальные молодёжные субкультуры, постсубкультуры, постсоветская провинция.

SPECIFIC FEATURES OF MODERN PROVINCIAL YOUTH SUB-CULTURES OF THE POST-SOVIET SPACE

Annotation. The questions of development of post-subcultures in the youth environment in the modern global space are studied, including attention to the peculiarities of post-Soviet youth post-Soviet cultures.

Key words: provincial youth subcultures, post-subculture, post-Soviet province.

Концепция «смерти субкультур», предложенная Е.Л. Омельченко, предполагает разделение неформальных групп и объединений молодежи на «классические» образцы (XX век) и «постсубкультуры» (эпоха постмодерна) и поэтому дает возможность наиболее четко проследить как социально-историческую, так и онтологическую эволюцию этого культурного феномена.

«Классические» молодёжные субкультуры необходимо разделять на «позитивные» – самостоятельные социальные феномены, существующие в рамках независимого культурного пространства и принимающие непосредственное участие в процессе социализации и свободного творческого самовыражения своих членов, и «негативные», являющиеся частью культуры для молодых, то есть представляющие собой часть массовой культуры.

Феномен «постсубкультур» отличается крайней нестабильностью, противоречивостью, размытостью границ и невозможностью разделения его на «позитивные» и «негативные» образцы, потому что он культивирует неоднозначную постмодернистскую мифологию, отрицание традиций, маргинальные культурные практики. В «постсубкультурах» фактически нивелируется само понятие «субкультура»: оно или ограничено, или лишено эпистемологического статуса в исследовании тех изменений, которые происходят в мировой и отечественной культуре в ситуации постмодерна.

Парадигмальность свободы и творчества в молодежных «постсубкультурах» создает утилитарные условия существования индивида. Он утрачивает возможность делать осознанный выбор, создавать собственный стиль жизни, за него все продумывается и моделируется массовой культурой и коммерческими структурами. Его основной задачей становится приобретение нового имиджа и статуса (Римская, Римский 2010: 73).

В основе мировоззрения «постсубкультурной» молодежи лежит потребность в создании культурного пространства, носящего исключительно увеселительно-развлекательный характер, не имеющего никакого экзистенциального базиса и упрощающего межличностные отношения до предела. Разноуровневые и многофакторные конфликты, нестандартность, необычность, а зачастую и непривычность обстоятельств, в которые она попадает, свидетельствуют о системном кризисе преобразования культуры в иное качество, по сути своей ничего общего с культурой, в подлинном ее понимании, не имеющее. Суррогатные ценности, пропагандируемые «постсубкультурами», только усиливают кризис общества, оказывая мощное резонансное воздействие на личность и ее экзистенцию, тем самым, убивая индивидуальное начало в каждом, кто попал под их воздействие.

Е.Л. Омельченко считает, что «в современном мире, включенном в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты «а ля субкультурщики», населившие пешеходные «Арбаты» столиц и больших городов» (Омельченко 2006).

И далее: «С точки зрения постсубкультурного подхода современные субкультуры значительно отличаются от «классических» образцов прошлого века. Они перестали быть чем-то постоянным, с жесткими границами и обязательствами всецело придерживаться образцов. Они достаточно противоречивы и непостоянны, с миксовой природой, прозрачными границами и временными солидарностями» (Омельченко 2006).

Впервые тенденция перехода от «классических» образцов к «постсубкультурным» стала актуальной на Западе в начале 00-х. В странах, которые явили миру первые молодежные субкультуры: в США, Великобритании. Постепенно трансформация неформального молодежного пространства началась и на территории постсоветского пространства. Первыми пережили данные изменения крупные города СНГ: Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Кишинев и т.д. (2005-2007 гг.), чуть позже (примерно в период с 2008 года по 2013 год) – провинция. Однако, если в столицах в силу таких причин как большая степень экономического развития и информатизации «постсубкультуры» довольно быстро заместили основную массу «классических» молодежных субкультур, то за пределами Центра этот процесс затянулся и продолжается до сих пор приобретая очень своеобразные спецификации.

Молодежные «постсубкультуры» постсоветской провинции выглядят более неоднозначно, чем столичные аналоги. Это связано с тем, что провинциальная молодежь не имеет таких возможностей как москвичи, петербуржцы, киевляне и пр. и поэтому в большей степени хочет казаться трендовой, чем быть таковой на самом деле. Она лишь мимикрирует «постсубкультурам», подражает им, желает утвердиться в них и гарантировать себе более привилегированное место в локальной молодежной социокультурной среде. Молодежь из больших городов попадает под влияние различных фирм и корпораций, которые тиражируют незатейливые и легко усваиваемые неформальные образы, а молодые люди, живущие в провинции, могут позволить в большинстве своем, только стилевые реплики. В таких условиях происходит искажение представления о реальности и формируется идеология ложного сознания, порождающая качественно новый социокультурный феномен, не имеющий определенных границ и комбинирующий в себе всевозможные формы молодежной культуры, от молодежных контркультур, до самых «попсовых» вариантов молодежной динамики. Это уже не «постсубкультуры» в том виде, о котором изначально

говорила Е.Л. Омельченко. Они более «ризомны»² (Делез, Гваттари 2002: 22), нестабильны, поверхностны. Провинциальные представители «постсубкультур» зависимы от ложного глянцевого имиджа молодости. Их модный стиль – бутафория, досуг – примитивен (азартные игры, насилие, употребление дешевого спиртного и дешевых наркотиков).

Устоявшимся стереотипом является убеждение, согласно которому провинциальная культура более консервативна, чем столичная. Однако нежелание «отцов» следовать прогрессивным тенденциям современной культуры вызывает у подрастающего поколения отрицательную реакцию. Молодежь видит проблему отсталости в развитии периферийных регионов в крайне медленном переходе от монокультурности к поликультурности. Желая усилить данную тенденцию молодые люди, лишённые необходимого опыта, знаний и ресурсов вместо коррекции своего социокультурного пространства посредством трансформации устоявшегося культурного кода, фактически порождают культурную инсценировку, в которой все условно: псевдоинновационность вместо внедрения инноваций, застой в решении проблем, связанных с взрослением индивида вместо формирования благоприятных условий для социализации. Инсинуирование креативности – вот результат их бунта против застойных настроений.

Фактически молодежные «постсубкультуры» провинции являются симулякрами «постсубкультур» мегаполисов. Они копируют их, комбинируют различные стилевые особенности, расходящиеся друг с другом на онтологическом уровне. Например, в одной компании могут находиться молодые люди, выглядящие как хипстеры, футбольные хулиганы, скейтеры и т.д. Внешние факторы преобладают над содержанием и конкретный имидж

2 ^{Фр.} rhizome – корневище. Данное понятие введено Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Под ним понимается «принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования посредством установления презумпции разрушения традиционных представлений о структуре как семантически централизованной и стабильно определенной»

становится не тем, что подчеркивает стиль жизни, а тем, что позволяет привлечь к себе внимание, казаться оригинальным и как следствие популярным.

Отсюда следует, что для удовлетворения любопытства и стремления к расширению горизонтов мира, свойственных молодому поколению, «постсубкультуры» провинций бывших стран СССР создают хаотичные наборы смыслов, лишенных реального содержания.

В таких условиях молодой человек существует в условиях мнимой свободы. Он зависим от внешних трендов, не совпадающих с его культурным пространством. Его внимание концентрируется на условных смыслах, черпаемых из СМИ и Интернета. Они непонятны ему, так как он не создает их и не живет в среде их ретранслирующей. В связи с этим для него не существует границ между элитарной и массовой культурой. Все вокруг становится универсальным, что способствует искажению самого понятия культура, сливая воедино все его специфические оттенки.

«Постсубкультурные» тенденции в провинции ограничивают бытие человека посредством навязывания ему страха быть не таким как молодежь из «Большого Мира». Это превращает его в послушного раба, готового подчиняться любым экономическим, социальным, идеологическим предписаниям только ради того, чтобы быть модным и успешным, то есть быть как все (все те, кого он видит в фильмах, музыкальных клипах, на страницах интернет-ресурсов).

С точки зрения «постсубкультурного» подхода современные провинциальные субкультуры ряда стран СНГ очень непостоянны, достаточно противоречивы, с миксовой природой, прозрачными границами и временными солидарностями (Омельченко 2000: 187). Процесс их появления и развития естественен и его невозможно остановить. Он социально обусловлен, детерминирован объективными обстоятельствами глобализирующегося мира, его источником является меняющаяся культура и социальная действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. О.Е. Волчек, С.Л. Фокина. – СПб.: МАШИНА, 2002. – 288 с.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – 350 с.
3. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики, Т.4, № 2. С.151-182. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [//http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html](http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html), свободный.
4. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона / О.Н. Римская, В.П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право: Научный рецензируемый журнал. Вып. 14. – Белгород: Издательство БелГУ, 2010. – С. 71-79.

REFERENCES

1. Delez ZH., Gvattari, F. CHto takoe filosofiya? / Per. s fr. O.E. Volchek, S.L. Fokina. – SPb.: MACHINA, 2002. – 288 s.
2. Omel'chenko E.L. Molodezhnye kul'tury i subkul'tury. – M.: Izd-vo «Institut sociologii RAN», 2000. – 350 s.
3. Omel'chenko E.L. Nachalo molodezhnoj ehry ili smert' molodezhnoj kul'tury? Molodost' v publichnom prostranstve sovremennosti // ZHurnal issledovaniy social'noj politiki, T.4, № 2. S.151-182. – EHlektron. tekstovye dan. – Rezhim dostupa: [//http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html](http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html), svobodnyj.
4. Rimskaya O.N., Rimskij V.P. Metodologiya issledovaniya subkul'tur v social'no-gumanitarnyh naukah. Stat'ya 4. Konfiguracii molodezhnyh subkul'tur v prostranstve rossijskogo regiona / O.N. Rimskaya, V.P. Rimskij // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo: Nauchnyj recenziruemyj zhurnal. Vyp. 14. – Belgorod: Izdatel'stvo BelGU, 2010. – S. 71-79.

П. Пашалы
доктор истории,
директор научно-исследовательского центра Гагаузии
им.М.В. Маруневич,
Молдавия, Гагаузия
P. Pashaly
doctor of history,
Director of the Research Center of Gagauzia im.M. Marunevich,
Moldova, Gagauzia

**ПРОВИНЦИАЛИЗМ, РЕГИОНАЛИЗМ И АВТОНОМИЗАЦИЯ:
ЧТО ВАЖНЕЕ ДЛЯ САМОСОХРАНЕНИЯ И
РАЗВИТИЯ МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА ГАГАУЗИИ?**

Аннотация. Рассматриваются вопросы регионального развития Гагаузской автономии в составе Молдавии, озвучиваются тенденции и перспективы развития Гагаузии.

Ключевые слова: принципы регионального развития, народ Гагаузии, Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии», политика Молдавии.

**PROVINCIALISM, REGIONALISM AND AUTONOMIZATION:
WHAT IS IMPORTANT FOR SELF-CONSERVATION AND
DEVELOPMENT OF THE LARGE PEOPLE OF GAGAUZIA?**

Annotation. The issues of regional development of the Gagauz autonomy within Moldova are considered, the tendencies and prospects for the development of Gagauzia are voiced.

Keywords: the principles of regional development, the people of Gagauzia, the Law "On the special legal status of Gagauzia", the policy of Moldova.

Проект, который реализует РЦНК в Кишиневе, совместно с Орловским Государственным университетом и коллегами из научных учреждений Молдовы, является ярким примером того как ученые разных стран и регионов должны сотрудничать.

Мы в Гагаузии рассматриваем эту совместную работу – как помощь, концентрацию внимания и мыслей на трех актуальных принципах регионального развития:

- **Устойчивости** – то есть сбалансированных, гармоничных отношениях между человеком, обществом и природой в процессе развития;
- **Партиципативности** – то есть участия заинтересованных лиц, групп местного населения в процессах управления и развития;
- **Субсидарности** – то есть максимальной передачи функций административно-территориального управления на нижние уровни с последующей интеграцией планов их развития в программы территориального развития более высоких уровней.

Проведенный в Гагаузской автономии за 23 года анализ отечественного и зарубежного опыта – позволяет осуществить выбор адекватных методов реализации комплексного регионального развития, особенно в сельской местности.

Мы придерживаемся мнения, что в ряду прочих важных для государства «сдержек» и «противовесов» передача-разделение полномочий между центром и регионом в силу своего экономического и политического положения объективно является фактором, способствующим борьбе с сепаратизмом.

Без совершенствования отношений, в условиях сложно унитарного государства, трудно сохранить целостность такого государства, как наше. Распад Российской империи, а затем Советского Союза, во многом был обусловлен именно тем, что недостаточно развивалась система отношений центра и провинции, периферии. Плохо обстояло дело с передачей полномочий, функций управления непосредственно на уровень автономии и муниципалитетов.

Жесткая централизация, одностороннее, за последние десять лет, изменение политического договора между Кишиневом и Комратом ведет к нестабильности, сдерживает прогресс, препятствует развитию юга Молдовы, не способствует реинтеграции страны. Вырастают поколения молодых людей живущих в обстановке противостояния, отсутствия доверия и нерешенных

социальных проблем, - главные из которых безработица, трудовая миграция и преступность.

Часто слышен вопрос: а что Вам гагаузам дал статус автономии в составе Молдовы? Реализацию Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» я, как первый спикер Народного Собрания Гагаузии, делю на два этапа.

1-ый этап: обновление структур власти под нормы муниципальной жизни, создание дееспособных органов местного самоуправления. В 1995 году была сформирована новая вертикаль исполнительной власти. Такая форма организации местного самоуправления больше всего подходит для Гагаузии. Был учтен опыт Германии, Голландии, США. Другое дело какими полномочиями каждое звено наделено в тот или иной исторический период времени. Это также зависит от задач, целей содействия выработке совместных решений социально-экономического развития территории долая (района) или населенных пунктов.

2-ой этап: Формирование местного законодательства, которое бы обеспечивало эффективную деятельность этих органов. Для этого, согласно Уложения Гагаузии, должен быть сформирован парламент на профессиональной основе.

Начал действовать Совет примаров Гагаузии, который регулярно заседает (один раз в месяц) и призван помогать в координации проектной работы местного самоуправления.

Но в решении столь непростых задач необходим серьезный информационный прорыв: чтобы люди видели, знали, что им дает региональное и местное самоуправление. Здесь, кстати, мы вправе надеяться, кроме своих СМИ, и на ту роль, которую берут на себя журналисты из Кишинева и регионов партнеров.

Создание Гагаузии в составе Республики Молдова и развитие местного самоуправления было одним из условий вхождения Молдовы в Совет Европы в 1995 году. Насколько это условие отвечает сегодняшним собственным

интересам? Нас, бесспорно, всегда привлекали Европейские программы, ориентированные на совершенствование отношений центра и автономии, унификацию – имплементирование законов ЕС в нашей стране, ибо они вписываются в общее русло демократических реформ. Европейская комиссия для этого выделила Молдове сотни миллионов евро. Одновременно мы констатируем, что все ресурсы, выделяемые Молдове на проведение реформ, до низов 22 года не доходили.

Чей опыт для Гагаузии является наиболее важным и интересным?

Только в 2016 году Посол ЕС в Молдове госп. Пиркка Тапиола и Премьер-министр Правительства страны госп. Павел Филип вместе с Башканом Гагаузии госпожой Ириной Влах дали старт Европейской программе «SARD» - результаты которой люди начали ощущать в своих селах и городах, а ведь это только 5-6 млн. евро на 4 района.

Не лежит, у отдельных кишиневских политиков, душа к такой демократической форме правления, при которой нужно делиться властью, бюджетом и полномочиями. Очень хочется таким людям держать все в своих руках и пользоваться правом главного распорядителя. Местное и региональное самоуправление для подобных горе-руководителей – кость в горле.

Вспоминаю, как Даниель Таршис, Генеральный секретарь Совета Европы в том далеком 1995 году справедливо заметил, что во многих странах процесс становления местного самоуправления получил толчок и пошел значительно быстрее, когда были открыты его исторические корни. Так происходило, к примеру, в Италии (Тироль), Англии (Уэльс, Шотландия). Сейчас нам надо восстановить какую-то историческую преемственность, найти в прошлом то позитивное, к которому себя подключить и продолжить свою историю. Мы пока не знаем какое государство нам нужно, но зато по опыту XX века мы достаточно точно знаем, какое государство нам не нужно.

Могу добавить: такие споры происходят сегодня в Молдове. По всей стране в том числе Гагаузии и Приднестровье молодые люди начинают с

вопроса, а как было раньше 100, 200, 300 лет назад. Изучаются – история народов и даже 1000-летние традиции прошлого. Многим из них мы находим применение в современной жизни.

Подводя итоги к сказанному, мы вправе констатировать: программы Евросоюза для нас живущих в центре Европы – интересны, если они взаимовыгодны, укрепляют независимость Республики Молдова, доверие и сотрудничество. Бывший председатель правительства и министр финансов России Граф Сергей Витте в лекциях, которые он читал Великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах, разъясняет и по-своему популяризирует тему автономизации и распределения местных финансов. Даже неполное конспективное изложение этих лекций дает представление о непреходящем значении проблем разделения властей, полномочий и функций «государственного и народного хозяйства» как называет эти две сферы интересов, сам именитый лектор.

Конгресс местных и региональных властей Европы также реализует подобную политику в странах входящих в Совет Европы. Право установления и сбора налогов принадлежит Народному Собранию Гагаузии и местным городским, муниципальным и сельским советам в пределах закона и ограничивается территорией АТО или территориальной самоуправляемой единицы. Как же понять тогда Постановление Правительства РМ о ликвидации налоговой инспекции Гагаузии, отделов пенсионного обеспечения, сужение казначейства и превращение его функций в пункт сбора бумаг? Почему народные избранники не принимают по подобным действиям своих решений? Статус автономии никто нам добровольно не давал, народ его сам установил. Действующая власть только тем и оправдывает свое зарождение и существование, что ее решения станут людскими и помогут преодолеть отчуждение власти от человека.

И.Ф. Грек,
доктор истории, Молдавия
I.F. Greek,
Doctor of History, Moldova

САМОБЫТНОСТЬ И САМОИЗОЛЯЦИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОХРАНЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ

Аннотация. Размышления по поводу эволюционного пути населения Пруто-Днестровского междуречья с 1812 г. по 2017 г.; выделено три периода, отразившихся на «самобытности и самоизоляции» его населения.

Ключевые слова: самобытность, самоизоляция, Бессарабия, советская Молдавия, румынизация, глобализация.

SELF-IMPROVEMENT AND SELF-ISOLATION IN THE CONTEXT OF ETHNIC SELF-CONSERVATION: REFLECTIONS ON THE THEME

Annotation. Reflections on the evolutionary path of the population of the Pruto-Dniester interfluvium between 1812 and 2017; three periods have been identified, reflected in the "identity and self-isolationism" of its population.

Key words: originality, self-isolationism, Bessarabia, Soviet Moldova, Romanization, globalization.

На днях состоялась международная научная конференция «Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляция?» Ее провокационное название (не буду объяснять почему) побудило меня принять участие в конференции, сформулировав свою тему в несколько дискуссионном ключе по отношению к теме конференции: «Самобытность и самоизоляция в контексте этнического самосохранения» на этноисторическом примере Пруто-Днестровского междуречья с 1812 г. Рассмотрел проблему, правильнее сказать, обозначил ее в рамках трех исторических периодов междуречья (1812-1917, 1950-1991 и 1991-2017 гг.), выделив в каждом из них его отличительные черты, так или иначе отразившихся на «самобытности и самоизоляции» его населения. И вот, что получилось.

i. Бессарабия с 1812 по 1917 год: 1. Формирование нового состава полиэтнического населения, его рост более чем в 10 раз и демографическое освоение всей территории между Прутом, Днестром и Дунаем. 2. Возникновение новых населенных пунктов и становление системы городов и их населения. 3. Экономический рост края, включая и его внешнеэкономическую составляющую. 4. Сохранение населением христианства (православия, католичества, протестанства), иудаизма и традиционной культуры. 5. Сохранение всеми этнического самосознания, следовательно и этнической самобытности, а также формирование этнического самосознания православным тюркоязычным населением (гагаузского) в Буджаке (Южная Бессарабия). 6. Становление системы образования и просвещения главным образом на основе русского языка и на фундаменте русской культуры. 7. Начало процесса интерференции (демографического, культурного, хозяйственного взаимопроникновения) при одновременном сохранении самобытного этнического разнообразия, а также самоизоляции еврейским и немецким населением. 8. Формирования этнических зон расселения на юге (болгары, гагаузы, немцы, русские, малороссы, евреи), в центре (в основном молдаване) и на севере (молдаване, русины, малороссы) и становление полиэтнического Кишинева в качестве центра междуречья.

ii. МССР в 1950 - 1991 гг. 1. Восстановление и рост народонаселения. 2. Превращение Молдавии в промышленно-аграрную республику. 3. Социальная модернизация ее городов и сел. 4. Улучшение социального положения населения. 5. Культурное развитие республики, включая создание системы общеобразовательного, специального (техникумы, профтехучилища) и высшего образования, культурных учреждений и Академию наук. 6. Международные экономические, культурные и спортивные связи. 7. Сохранение этнической самобытности всеми этносами республики, но при одновременном усилении ассимиляционных процессов, особенно в городской среде. 8. Сохранение

этнодемографической и языковой специфики республики (юг, центр, север, Кишинев, левобережье).

III. РМ в 1991 - 2017 гг. 1. Сокращение населения. 2. Исчезновение населенных пунктов. 3. Эмиграция населения с целью поменять местожительство или гастарбайтерства. 4. Запущен процесс исчезновения этнических групп населения (евреев когда-то было около 200 тыс., осталось не более 20-30 тыс., болгар в Молдове было в 1989 г. 90 тыс., по переписи 2014 г. - 55 тыс.). 5. Экономический, социальный, духовный и культурный кризис. 6. Самобытность умирает с исчезновением этнического разнообразия. 7. Самобытность молдавского этноса переживает трагический процесс трансформации в румынский под массивным давлением румыноунионистского ультранационализма. 9. Все это происходит в рамках глобализма, диктующего мировое развитие с конца 20 столетия. Самобытность и самоизоляции несовместимы с процессом глобализации и уничтожаются им.

Это простая констатация, без объяснения причин. Я так вижу, возможно, не все точки обозначил. Констатация, которая заставляет задуматься над тем, что будет дальше?

В.Н. Стати,
доктор хабилитат истории,
доктор филологии, профессор, Молдавия
V.N. Stati,
doctor habilitat of history,
Doctor of Philology, Professor, Moldova

**ГЛОТТОНИМИЯ И ПОЛИТИКА.
МОЛДАВСКИЙ И РУМЫНСКИЙ ЯЗЫКИ: ОБЩЕЕ И
ОСОБЕННОЕ**

Аннотация. В статье поднимается вопрос корреляции молдавского - румынского языков, их статус в современной Молдавии. Отрицательно автором оценивается политизация языкового фактора, который эксплуатируется румынским обществоведением для голословного отрицания существования молдавской нации и молдавского государства, другими словами – для *провинциализации* Молдовы, для превращения ее в «румынскую провинцию», что находит поддержку у молдавской политической элиты.

Ключевые слова: молдавский и румынский языки, румынополитическая ангажированность, глоттонимы, провинциализация Молдовы, языковой экспансионизм.

**GLOTTONIMIA AND POLITICS.
MOLDOVAN AND ROMANIAN LANGUAGES: GENERAL AND
SPECIAL**

Annotation. The article raises the question of the correlation of Moldovan - Romanian languages, their status in modern Moldova. Negatively, the author evaluates the politicization of the linguistic factor, which is exploited by Romanian social science for the unfounded denial of the existence of the Moldovan nation and the Moldovan state, in other words - for the provincialization of Moldova, to turn it into a "Romanian province", which is supported by the Moldovan political elite.

Key words: Moldovan and Romanian languages, Romanian political engagement, glottomins, provincialization of Moldova, linguistic expansionism.

Обсуждаемая тема требует, на наш взгляд, некоторых уточнений, дабы **молдавский многовековой самобытный язык**, в результате длительной **фальсификации** со стороны ближнего западного соседа и высокомерного

пренебрежительного отношения со стороны других сородичей, не терялся бы в **неолатинской семье** восточноевропейских языков, не казался бы экзотичным в славянском многоязыковом мире.

По традиции следует указать предыдущие труды по этой проблематике. Корреляция **молдавский – румынский языки** давно обращает на себя разнозаинтересованное внимание. Обратимся лишь к некоторым работам послевоенного периода. Среди первых писал об этом **уравновешенно, политически отстраненно, научно обоснованно** молдавский языковед А.Т. Борщ (1956 г.): **молдавский и румынский языки** имеют общее происхождение и общую литературную форму, при всех прочих, не самых существенных, расхождениях. Румынские филологи делают вид, что не ведают об этом принципиальном заключении.

Удивительно, но разные русские языковеды: Р. Пиотровский, Р. Будагов и др. особенно рьяно педалировали *особый* характер молдавского языка в сравнении с румынским. Типичной в этом плане является статья Р. Пиотровского *Еще раз о расхождениях молдавского и румынского языков* (*Вопросы языкознания*. 1973 г., № 5). С такой же очень ученой убежденностью Р. Пиотровский и Р. Будагов (вместе с С. Бернштейном) и др. несколько десятилетий спустя писали о «тождественности» молдавского и румынского языков. Такие вот ученые...

Впрочем, немало, порою уважаемых, зарубежных языковедов, оглушенных румынской реваншистской пропагандой, пели (и поют) дифирамбы «лучезарному» румынскому языку в сравнении со «сталинским изобретением» – **молдавским языком**. Постыдными жертвами антимолдавской кампании стали **по собственной воле** молдавские «языковеды от политики» и «политиканы-языкознайки». Большинство *кандидатов, докторов – и даже академиков!* – от молдавского языка после 1989 г. стали крупнейшими «знатоками» румынского языка. Типичным образчиком румынополитической ангажированности, бесстыдства и вопиющей безграмотности стал сборник антимолдавских статей *Povară sau*

tezaur sfînt... (Бремя или священный клад...), вышедший в 1989 г., в котором все, кому не лень, измываются над молдавским языком...

Количество существующих/известных с XIII в. до нашего времени типов речи колеблется от одного автора к другому. Этнодемограф С. Брук и социолингвист В. Иванов считали, что на планете существуют примерно 2500 – 3000 языков/глоттонимов (названий языков). Американский популяризатор Франклин Фолсом полагает, что на земле функционируют более 3000 языков (Фолсом 1963).

На протяжении веков было установлено, что значительное количество населения планеты говорит на одном из *индоевропейских языков*. Затем филологи, **зادолго до политиков**, определили на основе общепринятых критериев, в том числе *«язык народа сливается с его национальностью»* (Vulgăr 1966: 128) (парадигма «язык» = «народ»), а также постулата «язык – самый значимый, самый ранний, раньше всех усвоенный признак и определитель этноса» (Арутюнов 1987), что несколько идиомов составляют *романские языки*, которые разделяются на *западноевропейские* и *восточноевропейские*. К *восточноевропейским* относятся *далматский* (исчез), *влашский* (северо-запад Болгарии, северо-восточная зона Сербии), *валашский/мунтянский* (с XIX в. – «румынский») и **молдавский** языки.

(Следует отметить, что термин «романские языки» – книжный, искусственный, придуманный и используемый по традиции лингвистами. Корректно, научно-обоснованно эта группа языков – «**неолатинская**», поскольку все они происходят от латинского языка (< *lingua latina*). Но не от латинского классического, известного по многим сохранившимся письменным памятникам от Цицерона, Цезаря, Овидия и др., а от *латинского народного* («вульгарного») языка: < *vulgus, vulgaris* «народный», от языка латинизированных римлянами колоний. «Романского языка» не существовало. Даже в Италии!) (Tagliavini 1977).

Язык римских колонизаторов от Пиреней до Черного моря и севера Дуная, от Ла-Манша до Мальты в результате смешения с местными

говореньями, при длительном воздействии разных политико-географических, этнодемографических факторов стал отличаться не только от своей основы, но и от типов речи соседних римских провинций. Так возникли *португальский, испанский, французский* и другие западноевропейские *неолатинские языки*. Те же метаморфозы претерпел и язык римских колонизаторов на Балканах и к северу от Дуная: здесь утвердилась группа языков, которая отличалась от западноевропейских *неолатинских*. Вследствие смешения с местными типами речи к югу и к северу от Дуная, под воздействием разных политико-географических и этнодемографических факторов, под сильным южным и особенно восточным славянским влиянием в дунайско-карпатской зоне возникли зачатки новых этноязыковых общностей: *влахи/валахи* на Подунавье, **молдаван/молдовень** к востоку от Карпат. В силу своего общего происхождения (от *народной латыни*) и определенного общего исторического пути (период римской оккупации 101 – 271 гг. н.э.), языки рождающихся общностей родственны, даже *близкородственны*. Ближайшие общеизвестные примеры: *русский – украинский, русский – белорусский*... Или другие, европейские типологии: *французский – провансальский, испанский – каталанский*...

Многовековая действительность, а именно то, что **молдавский/глоттоним**, известный с XIII в., и **валашский** («румынский» с XIX в.) языки близкородственные, взаимопонимаемые эксплуатируются румынским обществоведением для голословного отрицания существования молдавской нации и, имплицитно, Молдавского Государства, другими словами – для *провинциализации* Молдовы, для превращения ее в «румынскую провинцию».

Румынская реваншистская антимолдавская кампания, начатая в 1918 г. в процессе оккупации королевской Румынией Молдавской Республики и принимающая угрожающие размеры после 1990 г., развертывается под филологическим прикрытием на основе ложных концепций тождественности **молдавского** и румынского языков. Как будто в национально-языковой, в

духовной сфере вообще может существовать что-либо постоянно идентичным?!

Глоттоним (название языка) **молдовеняскэ** (молдавский), как и этноним **молдаван**, известен с XIII в.; с XIV в. письменно удостоверяется в Европе: *moldausche, moldavicae, moldavica, lingua moldavorum, молдавский...*

Первый акт, написанный **на молдавском языке**, датируется с 1 января 1572 г., первый **молдавский** лексикон – *Катастиф монастыря Галата* составлен в 1588 г. Первый **молдавский** (многоязычный) словарь составлен в 1672 г. Н.Милеску Спатару: *Греко-славяно-молдавско-латинский словарь*. В 1719 г. в Италии был составлен *Vocabulario italiano – moldavo* Сильвестро Амелио.

Первые истории Молдавии – знаменитые *Летописи Земли Молдавской* – пишутся на **молдавском языке** с 1635 г.

Первое – в Европе! – исследование о молдавском языке, на молдавском языке *Пентру лимба ноастрэ молдовеняскэ* (За наш молдавский язык) включено в *Летописи Земли Молдавской* Гр.Уреке (1635 г.). Второе исследование – *Деспре лимба молдовеняскэ* (О молдавском языке) написано Мироном Костиным (1677 г.). В 1716 г. Д.Кантемир пишет на латинском языке главы (из *Описания Молдавии*) *О молдавском языке, О молдавских буквах...*

Все подлинные **истории Молдавии**, начиная с 1635 по 1858 гг. написаны Гр. Уреке, Мироном Костиным, Н. Костиным, И. Некулче, Манолаки Дрэгичем **на молдавском языке**, на славянской графике.

В 1818 г. молдавский язык становится официальным языком...

До первой половины XIX в. о некоей «Румынии», о «румынах» (ромынь»), о «румынском языке» почти ничего не известно. «**В 1838 г. появляется в Валахии выражение лимба ромыняскэ**» (Arvinte 1983: 46).

По заключениям известных, авторитетных румынских лингвистов, академиков Дж. Кэлинеску, Йоргу Йордана, Эмиля Петровича, Перпессичиуса, Ал Росетти, Ал. Граура, М. Садовяну; филологов, писателей

Ж. Бика, Р. Росетти, Дж. Ускэтеску, К. Хогаша, В. Цепордея и др. **молдавский язык более богат, разнообразен, сладкозвучен, что доказали уже Д. Кантемир (1716 г.) и М. Эминеску (1880 г.)...**

«Молдавский язык сам по себе/по сути своей художественен» заключил академик Дж. Кэлинеску в своей знаменитой *Истории румынской литературы* (1941)...

Установившееся на протяжении веков **превосходство культуры молдавского народа**, удостоверенное:

– хронологическим диапазоном и сугубо молдавской проблематикой исторических исследований, начиная с уникальных *Молдавско-славянских летописей XIV – XVI вв.* (молдавские по содержанию, славянские по языку);

– достижениями культовой архитектуры: знаменитые церкви (с росписями на экстерьере) молдавских монастырей XV – XVI вв.;

– тематическим разнообразием и высокохудожественным уровнем произведений молдавских писателей от И. Некулче до М. Садовяну, Ал. Матеевича;

– богатством вокабуляра и широтой художественно-выразительных возможностей **молдавского языка**

породили и постоянно питают **комплекс румынской неполноценности.**

Особая злобность румынской антимолдавской, антинаучной кампании вызвана многовековыми, всесторонними, плодотворными, дружественными связями молдавского народа с русским народом.

Отсюда и давняя нескрываемая неприязнь румын к молдаванам: искажение, отрицание, откровенно презрительное отношение ко всему молдавскому...

Языкотворческий процесс не происходит в вакууме, а в исторически обусловленных общественно-культурных контекстах, которые моделируют язык, придают ему новые, внеязыковые роли и функции, продиктованные

обществом. Рождаясь лишь в обществе, язык является общественным явлением. Язык возникает как потребность общества, а осознанное этническое сообщество существует благодаря языку (Graur 1958: 23; Herseni 1975: 126).

Определение компонентов одного языка, анализ общих и дифференцированных элементов из группы родственных языков, например восточнороманских, имеет довольно богатую библиографию. Уже в XV в. (около 1460 г.) византийский историк Лаоник Халкокондил обратил внимание на *сходство* молдавского и валашского языков с итальянским. По его мнению, в Молдавии и Валахии говорят на языке «похожем на итальянский, но столь испорченном и отличном от него, что итальянцам трудно понимать, что на нем говорится». Он сетовал, что не мог понять: «каким образом явились в области между Трансильванией и Черным морем, между Богданием (Молдавией) и Дунаем люди с римским языком?» (Шишмарёв 1953: 84-85; Корлэтяну 1983: 15-16).

Дискуссии по этим вопросам продолжаются до наших дней. Особенно активно они развернулись в период послевоенной «холодной войны» – 60 – 80-е годы XX столетия (К.Heitmann, 1965; M.Bruchis, 1986 и др.). Зарубежные участники этих политических споров под языковым прикрытием повторяли экспансионистские доктрины румынских авторов 20 – 30 гг. того же века об извечных, по меньшей мере, с начала первого тысячелетия, и повсеместных, по меньшей мере до Буга, румынах, румынском языке, румынском духе.

«Языковеды и историки с неудовлетворенными личными мстительными интересами (типичный пример – М.Брухис – В.С.), а также западные наблюдатели, поддерживающие румынский национализм, косвенным образом участвовали с 1980 г. в самоуничтожении молдавской советской науки. **Возможное исчезновение молдавской нации в этом смысле означало внешне поддерживаемое самоубийство**» (King 2002: 118).

подавляющее большинство румынских и зарубежных авторов (за исключением Г. Хаармана и К. Хейтманна) трактуют проблематику истории и

взаимоотношений двух близкородственных языков – **молдавского** и валашского, игнорируя социолингвистические аспекты языка, абстрагируясь от общеизвестных и общепринятых теоретически и практически обоснованных положений о социально-культурной стороне языка, о его теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности с обществом, его породившем.

Румынские филологи, историки и этнологи, из соображений вненаучного порядка, отвергли известный совет и констатацию американского молдавоведа Ч. Кинга: «воспринимать как трюизм тот факт, что **разграничение между языками и диалектами скорее всего политического плана** (последний пример: возведение старонемецкого диалекта в ранг официального люксембургского языка – *В.С.*), **чем научного, что исторические и межнациональные отношения играют важную роль в формировании этнической идентичности, что не существует «натурального способа» становления национальной идентичности**» (King 2002: 118).

К сожалению, румынские языковеды, историки, этнологи до сих пор так и не узнали или высокомерно отвергают эти истины, общепринятые в мировом научном сообществе. Для достоверности см.: *Enciclopedia limbii române* (2001), малую энциклопедию *Limbile lumii* (1993) и многие другие.

В своей тотальной молдавофобии большинство румынских историков и филологов отвергают не только опыт европейской социолингвистики, но и заключения патриархов румынского языкознания. Аргументируя критерии разграничения языков, традиции и волю придания иным идиомам, считающимися «диалектами», статуса национального языка, академик Ал. Граур писал: «И почему не учитывать политический фактор? Разве не является политическим вопрос, считать ли провансальский диалектом французского или самостоятельным языком? Разве Чехословацкая республика не совершила политический акт, когда постановила, что словацкий не является диалектом чешского, а самостоятельным языком?»

(Graur 1958: 69).

Разве не является политической деятельностью ожесточенная кампания, развернутая румынскими властями против молдавского языка?

Разве не является гражданской и политической обязанностью руководства, всех официальных институтов Молдавии охранять **молдавский язык** – фундаментальный идентифицирующий признак молдавской нации, создавшей Молдавское государство?!

Общеизвестно, давно доказано, что при разграничении языков применение исключительно структурно-языковых критериев вне связи с внеязыковыми факторами **не плодотворно** и даже противопоказано. **«Определение языковой идентичности, – подчеркивал Антуан Мейе, – может быть только социальной»** (Meillet 1926: 80). Общепризнанно, что необходимо различать социально-исторический аспект языка от его внутривидового аспекта. Потому что **проблема разграничения языков, диалектов неотъемлемо связана с культурно-историческими проблемами этнических общностей разных территорий, с осознанием их культурной и национальной самостоятельности.**

Итальянский филолог К. Тальявини, высоко ценимый румынскими авторами, повторяет: **«Разница между «языком» и «диалектом» – это проблема практического плана, а не научного, следствие исторических и политических факторов.** Если завтра, предположим, Республика Сан-Марино (23 000 жителей) опубликует указ, по которому национальным и официальным языком на территории своего малюсенького государства со дня *x* является местный говор, *романьольский диалект* Сан-Марино может практически стать *официальным* языком, но не перестанет по этой причине принадлежать группе *емилано-романьольских* говоров галло-италийских диалектов. Если бы не существовало исторических мотивов и многовековых литературных традиций, которые сделали из *нидерландского языка* национальный язык, с чисто языковой точки зрения *нидерландский* мог бы оставаться до наших дней диалектом нижненемецкого языка» (Tagliavini

1977: 285).

До сих пор все хорошо, научно и даже банально. Внеязыковые критерии: «практического, не научного плана, последствия исторических и политических факторов» основываются и применяются с безоговорочным авторитетом К.Тальявини. Далее, однако, он применяет другое мерило при разграничении «язык» – «диалект». То, что научно достоверно и корректно применимо – исторические, культурные и политические факторы – по отношению к *нидерландскому, индонезийскому, боснийскому, люксембургскому* и многим другим языкам (последние два признаны официальными в наше время), с румыно-политической точки зрения К. Тальявини не действительно по отношению к **молдавскому языку**, исторические, культурные и литературные традиции которого восходят к XV в. (как признает сам К. Тальявини в другой своей работе), официализированному с 1818 и 1831 гг. К. Тальявини заявляет, что молдавский язык не может быть самостоятельным по весьма странной и забавной причине: «допустить, что молдавский язык – это параллельный романский вариант, независимый от румынского (как будто 3 000 000 молдаван нуждаются в чьем-либо разрешении для того, чтобы утвердить статус своего родного языка – *В.С.*), значит, – заявляет очень самоуверенно К. Тальявини, – следует будет считать самостоятельными языками *арумунский, мегленорумунский...*».

Совершенно невозможно объяснить, что общего имеет социолингвистический статус молдавского языка с представлениями К. Тальявини о романцах юга Балканского полуострова?! Что общего имеют исторические, литературные, топонимические многовековые традиции молдаван с беспочвенными представлениями иных итальянских языковедов с личными мнениями румынских авторов, которые во имя политических интересов пренебрегают общепринятыми научными критериями?

Молдавский – самостоятельный язык (как и *нидерландский, сербский, хинди, индонезийский, каталанский* и очень многие другие) именно

в силу своих исторических, культурных традиций, восходящих к XV в., имеющий с XVII в. многоязычные и двуязычные словари. Изучаемый, начиная с XVII в.,

Молдавский – самостоятельный язык в силу того, что он национальный язык молдаван в течение 700 лет.

Молдавский – самостоятельный язык в силу того, что он официальный язык Молдавии с начала XIX в.

Диалект, как учит нас *Enciclopedia limbii române* (2001) – «самая крупная территориальная разновидность, подчиненная какому-либо языку». Отсюда со всей очевидностью вытекает, что самое распространенное языковое явление может считаться нормой. Слова, употребляемые подавляющим большинством населения данного языкового ареала, должны считаться общими, литературными в противопоставлении маргинальным, областным разновидностям этого типа речи. Так принято во всем мире, за исключением Румынии, точнее, румыно-политической языковой концепции.

Примечательно, что академик С. Бережан, ссылаясь на известного лингвогеографа С. Попа, признает, что «*молдавский тип речи – молдавский язык* охватывает Молдавию, Бессарабию и Левобережье Днестра, Буковину и северную половину Трансильвании».

С. Бережан далее смешивает изгlossы (контуры ареалов языковых явлений) с глоттонимией. Он пишет: «Хотя **молдавские говоры охватывают гораздо более обширную зону** румынского (sic!) языкового пространства, называется молдавским (*moldovenesc*) только говор исторической Молдовы (включающей и сегодняшнюю Республику Молдова), в остальных областях (в Трансильвании) используются (якобы – *V.C.*) соответствующие территориальные названия...» (Berejan 2003: 49-50).

В Трансильвании, как известно, говорят на венгерском, молдавском или на румынском языках. Даже в Румынии не известно о неких «территориальных названиях» – «кришанском» языке или о «марамурешском» языке... Что же касается типов речи, известных миру как

языки – национальные, официальные, то пределы их основного ареала с течением времени могут переименовываться. Например, немецкий тип речи за пределами основного (немецкого) ареала называется *голландским* (в Голландии), *фламандским* (в Бельгии), *люксембургским* (в Герцогстве Люксембург).

Для нашего исследования исключительное значение имеет вывод академика С. Бережана: «Молдавский тип речи, название **молдовеняскэ**, означающее «характерное для Молдавии», охватывает только речь исторической Молдовы, включающей и современную Республику Молдова». Как говорится: *Quod erat demonstrandum*. Что требовалось доказать.

Основной, определяющий фактор, который индивидуализировал, придал свои особенности и своеобразие типу речи населения Карпатско-Днестровского ареала – это славянские заимствования. С VI в. северодунайское население, а с XI – XII вв. и восточнокарпатское заимствуют значительное количество слов от южных славян, особенно от восточных (в Днестровском-Карпатском пространстве). «В этот период молдавская лексика обогатится значительным фондом заимствований из славянского, русского, украинского, польского, тюркского, греческого и др., а также из западнороманских языков. Вместе взятые, эти явления – фонетические, грамматические, лексические – позволяют говорить **об особом периоде развития молдавского языка**» (Раевский 1988).

Если для восточнороманских языков латынь – это основа, а фракийско-гетско-дакские элементы являются *субстратом*, то славянские заимствования – особенно для молдавского – выступают как *суперстрат*. Если для некоторых западнороманских языков в роли дополнительного заимствованного компонента выступают германские элементы, то на востоке Европы такую роль сыграл *славянский суперстрат* (Корлэтяну 1983: 17).

В последнее время исторические контакты – этнические, культурные, языковые – славян с восточными романцами комментируются только в негативном ключе или в лучшем случае полностью замалчиваются. В связи с

этим напомним суждения и выводы самых престижных историков и филологов – и только румынских – о значении славянских заимствований, о роли славян вообще для культуры, для становления государственного устройства восточных романцев.

Относительно славянского воздействия на валашский язык известный языковед О. Денсусяну писал: «Лишь с момента проникновения славян балканский романизированный язык стал языком таким, каким сегодня его знаем. Контакт со славянами превратил этот язык в самостоятельный, безусловно оставшись романским по своей структуре, но значительно отличным от тех языков, которые произошли от одного и того же источника» (Densușeanu 1961: 161). Это заключение в еще большей мере относится и к молдавскому языку.

Для известного историка и филолога, академика И. Богдана славяне являются *конститутивным элементом* восточнороманской общности: «Влияние славянского элемента на формирование нашей национальности настолько очевидно, что можем сказать без преувеличения, что и речи быть не может о *молдавском* народе до впитывания славянских элементов местным романским населением на протяжении VI – X вв.» (Bogdan 1905: 21).

В восточных неолатинских языках – **прежде всего в молдавском!** – укоренилась «огромная сумма славянских элементов», заимствованных непосредственно как в процессе совместного проживания, так и политико-литературным путем; «славянский язык употреблялся в церкви, в государстве и даже в повседневных делах до XVI – XVII вв., а в государственной жизни почти все наши учреждения – славянского происхождения или имеют, наряду с немногими элементами, унаследованными от римлян, значительную сумму славянских элементов» (Bogdan 2011: 181).

Другой, не менее известный языковед Секстил Пушкарю подчеркивал: «Славянское влияние отмечается у нас с древних времен. Румынский язык (**особенно молдавский**) сохраняет его столь глубокие следы, что даже на миг

не можем сомневаться в том, что наша общность со славянами продолжалась целые века» (Pușcariu 1930: 12).

Исходя из того, что на протяжении веков ни один филолог, ни один историк, достойный этого имени, не отрицал существенное, разностороннее воздействие славян на восточное романство, прервем реактуализацию суждений и выводов румынских авторов, напомнив констатацию С. Пушкарю: «Наша лексика настолько проникнута славянскими заимствованиями, что именно по этой причине наш язык – **молдавский** – отличается от других неолатинских языков», в том числе от *румынского*.

Разумеется длительные контакты молдаван с русскими, совместное их проживание не могли не оказать всеобъемлющее влияние на молдавский язык, моделируя его орфоэпию, обогащая его лексику. В 1711 г. население Молдавии впервые вступает в массовый контакт с русскими, прежде всего с русскими армиями. С 1739 г., примерно через каждые 15 – 20 лет, русские армии кантонировались в Молдавии по 5–6 лет подряд (1769 – 1774, 1788 – 1792, 1806 – 1812, 1828 – 1834 гг.). Фактически около 20 лет Молдавия была под русской администрацией. «Молдова прожила почти половину этой эпохи (1768 – 1812 гг.) под управлением *диванов* (государственных советов), руководимых и контролируемых русскими командующими, под влиянием идей и чувств, которыми были воодушевлены русские в это время... Тем самым мы можем утверждать, что **Молдова на протяжении 20 лет из 50 состояла в государстве, политическое устройство и культурная ориентация, материальные и духовные проявления которого были европейскими**» (Iorga 1901: 9).

Молдавские обществоведы, политические деятели разных эпох подчеркивали «положительное влияние присутствия в Молдавии русских войск, которое во многом способствовало политическому, экономическому и культурному развитию (в том числе терминологии! – В.С.) края...» (Бережан, Бахнар 1987: 114).

Ибо в рядах русских войск было, как утверждает М. Когэлничану,

молдавский государственный деятель, литератор и историк, «много великих мужей, поднявшихся с низов до самых высоких чинов, они порвали завесу предрассудков, скрывавшую от нас цивилизацию Европы, и приблизили нас к справедливости и либеральным ценностям Запада» (Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ 1981: 413).

Игнорирование внеязыковых критериев – исторических, литературных, культурных, глоттонимических, территориальных, политических – может привести к вне научным выводам, к **языковому экспансионизму** с нескрываемыми политическими целями. Самым красноречивым примером языкового колониализма европейской известности является румыно-идеологическое педалирование так называемого румынского языка от Карпат до Южного Буга. Приведем несколько примеров.

В молдавском языковом ареале *пепене верде* означает то, что валахи (сегодня румыны) называют «*castravăță vârdă, păcopt*», то есть «огурец». Карпатско-Днестровская общность с многовековым молдавским языковым сознанием использует слово *харбуз* от Южного Буга до Западного Прикарпатья. Это существительное и его производные входят в основной словарный фонд молдавского языка. Если территории от Буга и до Прута аннексируются (пока теоретически) Румынией, валахи/румыны заменят это слово на *рăрăпă vârdă* и объявят *харбуз* «региональным», *провинциальным* термином *провинциалов* из *провинции* «Бессарабия».

От Южного Буга до Карпат и далее молдаване употребляют коренное, созданное на молдавской земле слово *пэнушой* «кукуруза», которое входит в основной словарный фонд молдавского языка. Из экспансионистских соображений, румынские языковеды переводят его в «регионализмы», полагая, что это *провинциализм* из *провинции*, которую они спят и видят «румынской». А *porumb*, употребляемый где-то вокруг Олта, навязываемый с помощью учебников и даже посредством этикеток на консервных банках («*porumb dulce*»), и к востоку от Милкова, уже и к востоку от Прута, объявляется «*literar*», то есть высшей румынской научной пробы (Dicționarul

explicativ al limbii române 1998).

Это относится и к турецкой *ciorbă*, выдаваемой как «литературный вариант» по сравнению с *борш*, и к *porumbel* по сравнению с молдавским *хулуб* «голубь»... И очень многие другие примеры, разоблачающие политический экспансионизм, территориальные притязания румынского политического класса под языковым прикрытием.

Проявляющие убежденно на протяжении 700 лет свое, **молдавское**, этноязыковое сознание, молдаване называют «глубокую яму, укрепленную срубом, откуда ведрами берут питьевую воду» *фынтынэ*. Валахи, сегодня «румыны», называют конструкции, откуда люди берут воду – *пуџ*. У молдаван *пуџ/э* нечто совсем другое, то, что у детей называется, извините, «писька». Навязывать молдаванам этноним *rumîn* («холоп»), слово *пуџ/э*, другие румынские непотребности, значит издеваться над ними. Пить воду из *пуџ/ă* для молдаван означает оскверняться.

Поэтому, прочно опираясь на свое историческое прошлое, на национально-культурные достижения, с почтением относясь к наследию, оставленному предками, продолжая и оберегая их молдавское этническое и языковое сознание, молдавская этническая общность с достоинством произносит: *пэнушой*, *хулуб*, *борш*, *бурлуй* и др. на своем молдавском национальном языке, созданном на своей молдавской национальной территории.

Не меньшее, а, возможно, решающее значение при разграничении языков имеет **чувство, убеждение** говорящих, что употребляемый ими язык это **особый язык**, их **воля** считать, что их речь имеет отличительный от других языков характер. Речь идет о **сознании говорящих, что они говорят на определенном – своем языке**. Вне зависимости от того, что с точки зрения сугубо структурно-языковых характеристик они одинаковы, например, у носителей сербского, хорватского и боснийского языков; фламандского, африкаанс и голландского языков; кастильянского и каталанского, молдавского и румынского и многих других языков.

Патриарх романистики А. Мейе придавал особое значение фактору *языкового сознания* при решении вопроса родственности и классификации языков. «Какие бы ни были фактические различия между говорящими субъектами, язык существует там, где индивиды, понимая друг друга, имеют, сознательно или подсознательно, чувство и волю принадлежать **своей** лингвистической общности... Эта доктрина предполагает, что говорящие субъекты, которые передают коренные/собственные элементы, имели постоянно и, более или менее, ясно чувство и волю говорить/произносить свой традиционный язык... Говорящий субъект всегда говорит на определенном своем языке; у него есть чувство, что говорит именно на том или ином языке» (Meillet 1956: 8, 104).

Молдаване очень хорошо знают, что их язык неолатинский, происходящий, как и валашский, от вульгарной/народной латыни. И хотя их **родная речь имеет очевидные особенности и особое очарование по сравнению с валашским/румынским**, они знают очень хорошо, что молдавский и валашский/румынский взаимопонимаемы; молдаване знают очень хорошо, что имеют основной словарный фонд и литературный язык, общие и для валахов, сегодня румын.

Тем не менее, **молдаване всегда имели сознание и волю, проявляемые с особой убежденностью особенно в последние десятилетия, что говорят на своем языке, который уже 700 лет называют молдовеняскэ.**

Как и сербы, хорваты, босняки, которые, хотя и говорят, в принципе, на одном языке, но каждая из этих общностей называют язык в соответствии со своим национальным самосознанием: *сербский, хорватский, боснийский*. Впрочем, известны и другие типологии: *фламандский, голландский, африкаанс; хинди, урду*.

Убеждение, сознание и воля говорящих, что они принадлежат определенной, только своей языковой общности являются чрезвычайно устойчивыми этнопсихологическими явлениями. После 150 лет всеохватывающей административно-командной румынизации через школы,

вузы, масс-медиа **западнопрутские молдаване** считают, что говорят **молдовенеште** (Micul atlas lingvistic romîn 1956: 696).

Данная этнопсихологическая реальность объясняется просто и четко: Карпатско-прутские молдаване сегодня – граждане Румынии. Но они не были ни румынами, ни гражданами румынами ни в XVII и ни в XVIII вв. Ни молдаване, ни валахи в начале XIX в. не знали, не представляли себе, что в 1862 г. Валахия присоединит к себе Пруто-Карпатскую Молдову (без Буковины). Ни молдаване, ни даже валахи в начале XIX в. не знали, что кто-то когда-то сколотит какую-то «румынию», которая станет независимой от Оттоманской Порты лишь в 1878 г. и превратится в королевство в 1881 г. В начале XIX в. в Валахии никто понятия не имел о каком-то слове «румыния».

В одном из своих многочисленных опубликованных выступлений Н.Йорга откровенно заявил (12.05.1912 г.): **«В 1812 г. мы, Румыния, румынское племя... Румынии не существовало... Никто и не подумывал, что какая-то «румыния» была возможна»** (Iorga 1997: 53).

В современной по стилю и по сути работе, систематически и всесторонне анализирующей «выдуманые традиции» и патриотические небывлицы – *История и миф в румынском сознании (Istorie și mit în conștiința romînească, 1997, 2011)* Л.Боя отметил по сути ту же реальность: «Молдаване очень хорошо знали, что говорят *приблизительно* как *мунтяне* (валахи)..., что не помешало им называться на протяжении веков **молдаванами**, а не румунами... Термин «румын» познает прогрессивное распространение в **первой (в действительности, во второй – В.С.) половине XIX в., но еще далеко до половины этого века (фактически до середины XX в. – В.С.) не сумеет вытолкнуть на второй план – в Карпатско-Прутской Молдове – этноним молдаван**». И соответственно, плоттоном **лимба молдовеняскэ** (Voia 1997: 146).

В другой своей не менее известной работе *Romînia țară de frontieră a Europei* (Румыния пограничная страна Европы, 2002) цитируемый историк сформулировал вопрос: **«Поспорил бы кто-нибудь в 1800 г. насчет**

будущего Румынии?» И ответил, как и Н. Йорга: «Не существовало даже слова «*Romînia*!»» (Voia 2002: 64).

Таким образом, сознание говорящих, что они принадлежат определенному языковому обществу – один из самых важных факторов в разграничении/ классификации языков. Внеязыковые факторы (исторические, этнические, социальные, политические и культурные) играют решающую роль в определении этноязыковой принадлежности членов той или иной общности. Как и при определении/самоопределении этнической принадлежности индивида, самосознание играет решающую роль: «кроме этнонима (самоназвания), фиксирующего некую форму самосознания, не существует никаких критериев этноса» (Ткачук 1996: 157), так и при определении принадлежности говорящего к той или иной языковой общности: кроме глоттонима/лингвонима (названия родного языка), не существует других критериев языковой делимитации. При всех прочих одинаковых, сугубо языковых критериях.

Все исследователи пришли к выводу, что внеязыковые факторы: этнические, исторические, социально-экономические, политические и культурные, национально-психологические играют важную роль, по мнению некоторых, решающую в делимитации языков (Cazacu 1959: 17-34).

Однако создается впечатление, что румынские обществоведы не согласны с этой научно обоснованной и историей доказанной действительностью. После работ и статей известных авторитетных румынских языковедов-романистов Ал. Граура (1955), Е. Петровича (1955), Й. Йордана (1957), Д. Макри (1956), Б. Казаку (1959) все румынские языковеды, научные центры языкознания табуизировали проблему внеязыковых критериев классификации восточнороманских языков.

Под давлением официально навязанных великорумынских великодержавных «патриотических чувств», был декретирован постулат «*от Адриатики до Буга одна нация – румынская; один язык – румынский*». Все работы румынских академиков Й. Йордана, Е. Петровича, Д. Макри,

Б. Казаку, которые осмелились всесторонне показать и обосновать многовековое существование молдавского языка, его социолингвистические, этнокультурные критерии, подвергнуты молчаливому ostracism, а исследования академика Ал. Граура и публичной экзекуции. Его неоднократно опубликованные обоснованные выводы о социально-исторических и этнокультурных аспектах молдавского языка декларативно характеризуются в 2001 г. как «послушные повторы советской догмы 50-х годов» (Enciclopedia limbii române 2001: 351). Под «советской догмой» румынские языковеды-энциклопедисты имеют в виду, вероятно, первый филологический трактат на молдавском языке *Пентру лимба ноастрэ молдовеняскэ* Гр. реке (1635 г.), исследование *Деспре лимба молдовеняскэ* М. Костина (1686 г.), главы: *Деспре лимба молдовеняскэ*, *Деспре литереле молдовенилор* из монографии *Дескриеря Молдовой* Д. Кантемира (1716 г.).

Следует уточнить: Гр.У реке, М. Костин, Д. Кантемир, творившие в XVII – XVIII вв., не успели заразиться «советской языковой догмой», бытующей в 60-е годы XX столетия.

Вопреки общепризнанной, очевидной историко-культурной, этнической и языковой действительности, румынские языковеды заявляют другое. Это поразило даже румынских филологов, не поменявших чувство реальности на политические посулы.

Рассуждая о ходе языковой дискуссии, развернувшейся в Румынии в 1956 г., Ж. Бик, поразился: «Аргументы, используемые отдельными оппонентами, настолько лишены оснований, фантазии настолько безбрежны, что лишний раз убеждаемся: если правда одна, то проявления фантазий – беспредельны». Отвергая декларации об, якобы, отсутствии молдавского языка, Жак Бик утверждает: «Так как известно о Стране Молдавской, **говорится и о племени молдаван и о молдавском языке. С каких пор?** Издревле и до наших дней. Прочитируем бегло несколько свидетельств...». И румынский филолог приводит примеры, начиная с 1635 г., с Гр.Уреке... (Buc 1956).

Самую лаконичную, научно достоверную, уважительную, безупречно обоснованную этническую и языковую характеристику Карпатско-Днестровской общности сформулировал академик Николай Йорга: «**Между Прутом и Днестром простирается страна, которую русские называли Бессарабией, когда завоевали ее в 1812 г. Подавляющее большинство сельских жителей этого большого и богатого края назывались и называются сегодня МОЛДОВЕНЬ и они говорят на нашем языке, который называют МОЛДОВЕНЯСКЭ**» (Iorga 1992: 6).

Все *официальные Переписи*, начиная с 1897 г. подтверждают эту **незыблемую истину**. *Перепись* 2014 г. показала, что 2 754,7 тысячи граждан Республики Молдова из более 3 000 000 посчитали себя **молдаванами**; 54,6 % из них назвали свою родную речь: **лимба молдовеняскэ**. По данным последнего социологического опроса *Фонда общественного мнения* (17.10.2017 г.) «**72% опрошенных заявили, что официальный язык Республики Молдова должен называться МОЛДАВСКИЙ**».

А румыноунионистские парламент и правительство республики, наплевав на волю, убеждения и достоинство подавляющего большинства молдаван, через школы, вузы, масс-медиа, официальные требования заставляют молдаван считать себя «**румынами**» и называть свою родную, материнскую речь «**румыняскэ**»!

Напрасны эти потуги!

«Никто не может отрицать **молдовенизм Бессарабии** пока ее поля обрабатывают **руки молдаван**, а в селах почти повсеместно звучит **молдавская речь**». Михаил Садовяну, 1926.

Таким образом, по-прежнему, с догосударственных времен, с XII – XIII вв., вопреки всему, на молдавской земле честно трудится, пусть и не классическая, простонародная латынь молдаван, ставшая **молдавским языком**:

Степь шумит, приближаясь к ночлегу,
Загоняя закат за курган,

И тяжелую тащит телегу

Ломовая латынь молдаван.

Отгремел, отблестал Капитолий

И не стало победных святынь,

Только ветер днестровских раздолий

Ломовую гоняет латынь.

С. Липкин

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С. Роль и место языка в этнокультурном развитии общества // Этнические процессы в современном мире. Москва, 1987.
2. Arvinte V. Romîn, romînesc, Romînia. Bucureşti, 1983. P. 46.
3. Бережан С., Бахнаръ В. Молдавская терминология // Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. Москва, 1987. С. 114.
4. Berejan S. Conştiinţa naţională ca bază pentru denumirea limbii şi a poporului care o vorbeşte // Limba romînă. № 6 – 10, 2003. P. 49, 50.
5. Bogdan I. Istoriografia romînă şi problemele ei actuale. Bucureşti, 1905. P. 21.
6. Bogdan I. Însemnătatea studiilor slave pentru romîni. Bucureşti, 1894. P. 17 – 19, 25; Boia L. Istorie şi mit în conştiinţa romînească. Bucureşti, 2011. P. 181.
7. Boia L. Istorie şi mit în conştiinţa romînească. Bucureşti, 1997. P. 146.
8. Boia L. Romînia ţară de frontieră a Europei. Bucureşti, 2002. P. 64.
9. Bulgăr Gh. Problemele limbii literare în concepţia scriitorilor romîni. Bucureşti, 1966. P. 128.
10. Бык J. În legătură cu baza limbii noastre literare. // Gazeta literară, 2.08.1956.
11. Cazacu B. În jurul unei controverse lingvistice: limbă sau dialect? // Studii şi cercetari lingvistice. 1959, № 1. P. 17 – 34.
12. Densuşeanu O. Istoria limbii romîne, I. Bucureşti, 1961. P. 161.
13. Dicţionarul explicativ al limbii romîne. Bucureşti, 1998. DEX.
14. Enciclopedia limbii romîne. Bucureşti, 2001. P. 351.
15. Енчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ, 8. Кишинэу, 1981. П. 413.
16. Graur Al. Introducere în lingvistică. Bucureşti, 1958. P. 23; Herseni T. Sociologia limbii. Bucureşti, 1975. P. 126.
17. Graur Al. Limbă, dialect, stat // Viaţa romînească, XI, 1958. P. 69.
18. Iorga N. Istoria literaturii romîneşti, II. Bucuresti, 1901. P.9.

19. Iorga N. Istoria românilor pentru poporul românesc. Chișinău, 1992. P. 6.
20. Iorga N. Neamul românesc în Basarabia, II. București, 1997. P. 53.
21. King Ch. Moldovenii. Chișinău, 2002. P. 118.
22. Корлэтяну Н. Молдавский язык сегодня. Кишинев, 1983. С. 15 – 16.
23. Meillet A. Le probleme de la parente de langue. Linguistique historique et linguistique generale, I. Paris, 1926. P. 80.
24. Meillet A. Op. Cit. P. 8, 104.
25. Micul atlas lingvistic român, II. București, 1956. H. 696.
26. Pușcariu S. Istoria literaturii române. Epoca veche. Sibiu, 1930. P. 12.
27. Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988.
28. Ткачук Е. Археология свободы. Кишинев, 1996. С. 157.
29. Tagliavini C. Originile limbilor neolatine. Introducere în filologia romanică. București, 1977. P. 285.
30. Tagliavini C. Originile limbilor neolatine. Introducere în filologia romanică. București, 1977.
31. Фолсом Фр. Книга о языках. Москва, 1963.
32. Шишмарёв В. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР//Вопросы молдавского языкознания. Москва, 1953 г. С. 84, 85.;

REFERENCES

1. Arutyunov S. Rol' i mesto yazyka v ehtnokul'turnom razvitii obshchestva //Ehtnicheskie processy v sovremennom mire. Moskva, 1987.
2. Arvinte V. Romîn, românesc, România. București, 1983. P. 46.
3. Berezhan S., Bahnar' V. Moldavskaya terminologiya //Razvitie terminologii na yazykah soyuznyh respublik SSSR. Moskva, 1987. S. 114.
4. Berejan S. Conștiința națională ca bază pentru denumirea limbii și a poporului care o vorbește //Limba română. № 6 – 10, 2003. P. 49, 50.
5. Bogdan I. Istoriografia română și problemele ei actuale. București, 1905. P. 21.
6. Bogdan I. Însemnătatea studiilor slave pentru români. București, 1894. P. 17 – 19, 25; Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București, 2011. P. 181.
7. Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București, 1997. P. 146.
8. Boia L. România țară de frontieră a Europei. București, 2002. P. 64.
9. Bulgăr Gh. Problemele limbii literare în concepția scriitorilor români. București, 1966. P. 128.
10. Byck J. În legătură cu baza limbii noastre literare.//Gazeta literară, 2.08.1956.
11. Cazacu B. În jurul unei controverse lingvistice: limbă sau dialect?//Studii și cercetari lingvistice. 1959, № 1. P. 17 – 34.

12. Densușeanu O. Istoria limbii române, I. București, 1961. P. 161.
13. Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1998. DEX.
14. Enciclopedia limbii române. București, 2001. P. 351.
15. Enchiklopediya Sovetikeh Moldovenyaskeh, 8. Kishinehu, 1981. P. 413.
16. Graur Al. Introducere în lingvistică. București, 1958. P. 23; Herseni T. Sociologia limbii. București, 1975. P. 126.
17. Graur Al. Limbă, dialect, stat//Viața românească, XI, 1958. P. 69.
18. Iorga N. Istoria literaturii românești, II. București, 1901. P.9.
19. Iorga N. Istoria românilor pentru poporul românesc. Chișinău, 1992. P. 6.
20. Iorga N. Neamul românesc în Basarabia, II. București, 1997. P. 53.
21. King Ch. Moldovenii. Chișinău, 2002. P. 118.
22. Korlehtyanu N. Moldavskij yazyk segodnya. Kishinev, 1983. S. 15 – 16.
23. Meillet A. Le probleme de la parente de langue. Linguistique historique et linguistique generale, I. Paris, 1926. P. 80.
24. Meillet A. Op. Cit. P. 8, 104.
25. Micul atlas lingvistic român, II. București, 1956. N. 696.
26. Pușcariu S. Istoria literaturii române. Epoca veche. Sibiu, 1930. P. 12.
27. Raevskij N. Kontaktele romanichilor rehsehriten' ku slavij. Pe bazele de date lingvistice. Kishinehu, 1988.
28. Tkachuk E. Arheologiya svobody. Kishinev, 1996. S. 157.
29. Tagliavini C. Originile limbilor neolatine. Introducere în filologia romanică. București, 1977. P. 285.
30. Tagliavini C. Originile limbilor neolatine. Introducere în filologia romanică. București, 1977.
31. Folsom Fr. Kniga o yazykah. Moskva, 1963.
32. SHishmaryov V. Romanskie yazyki YUgo-Vostochnoj Evropy i nacional'nyj yazyk Moldavskoj SSR//Voprosy moldavskogo yazykoznanija. Moskva, 1953 g. S. 84, 85.;

П.М. Шорников,
кандидат исторических наук,
доцент Приднестровского Государственного университета им. Т.Г.Шевченко,
Тирасполь, Молдова
P. M. Shornikov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Transnistrian State University. TG Shevchenko, Tiraspol,
Moldova

БЕССАРАБСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ. 1918-1940 гг.

Аннотация. Формирование региональной идентичности в российской губернии Бессарабии началось еще в XIX веке. После оккупации ее территории Румынией в 1918 году движение бессарабских регионалистов выступало в качестве легальной некоммунистической оппозиции румынскому государству. Оно требовало от официального Бухареста предоставления Бессарабии автономии, уважения гражданских свобод, пропорционального представительства национальностей в государственной администрации. Регионалисты способствовали сохранению в Бессарабии молдавской национально-культурной идентичности, корректных межэтнических отношений, функционального пространства русского языка, геополитической ориентации населения на Россию. Молдаване, русские, украинцы, евреи, болгары, гагаузы, немцы Бессарабии не вошли в состав румынской нации. Они сложились в особую бессарабскую политическую нацию с собственными региональным и политическим сознанием, представлениями о желаемом будущем и традициями гражданского действия.

Ключевые слова: Бессарабия 1918-1940 годов, регионализм, Бессарабское освободительное движение.

BESSARAB REGIONALISM. 1918-1940 гг.

Abstract. The formation of regional identity in the Russian province of Bessarabia began back in XIX century. After the occupation of its territory by Romania in 1918 year the movement of the Bessarabian regionalists acted as legal opposition to the Romanian State. It required official Bucharest providing Bessarabia autonomy, respect for civil liberties, proportional representation of the nationalities in the State administration. Regionalists helped to preserve in Bessarabia, Moldavian ethno-cultural identity, valid for inter-ethnic relations, functional space of the Russian language, geopolitical orientations of the population in Russia. Moldovans, Russians, Ukrainians, Jews, Bulgarians, Gagauz, Germans of Bessarabia is not included in the Romanian nation. They were formed into a special political nation with its own Bessarabian regional and political consciousness, ideas about the desired future and tradition of civil actions.

Key words: Basarabia 1918-1940, regionalism, Bessarabian liberation movement.

Появление в политическом обороте термина «бессарабский регионализм» обусловлено использованием бессарабским Сопротивлением 1918-1940 гг. легальных форм политической борьбы. Историки А.Ю. Скворцова (Скворцова) и Г.Е. Кожокару (Cojocaru) опубликовали ценные сведения о работе бессарабских деятелей на политической арене Румынии. Нами выявлены факторы формирования и положения идеологии бессарабизма, духовно объединявший население области. Они включали неприятие румынской оккупации, ориентацию на Россию, уважительное отношение к языкам и культуре всех национальных сообществ Бессарабии. (Шорников 2011: 52-66). Приведены также сведения о парадоксальном явлении времен гражданской войны (Шорников 2012; Шорников 2014) – взаимодействии коммунистических и некоммунистических формирований Бессарабского подполья в борьбе против румынской оккупации, о молдавском национально-культурном сопротивлении и защите бессарабскими регионалистами позиций русского языка в Бессарабии (Шорников 2007). Задача данной статьи – дать более цельную картину легальной политической деятельности регионалистов.

Формирование бессарабской региональной идентичности началось уже в XIX столетии. Свидетельством тому – наличие у Бессарабской губернии герба и выходе в Кишиневе, ее административном центре, газет «Бессарабец», «Басарабия», «Бессарабская жизнь» и другие, в названиях которых присутствовало название губернии, а также публикации бессарабской прессы, посвященные событиям местного значения, деятельность бессарабских депутатов в Государственной Думе.

После Февральской революции политическим проявлением бессарабского регионального сознания стали развернувшиеся в губернии общественные споры о создании Бессарабской автономии. Они не находили поддержки у

общественности, но почва для создания региональной государственности была подготовлена. В ноябре 1917 г. претензии на включение Бессарабии в состав Украины выдвинула киевская Центральная Рада, и 2 (15) декабря 1917 г. в пределах Бессарабской губернии была учреждена Молдавская Народная Республика – как составная часть Российской Федеративной Республики. Однако решающим фактором осознания бессарабцами себя как особой региональной политической и культурной общности, «бессарабским народом», явилась оккупация области румынскими войсками. Даже в условиях революционной смуты население Бессарабии сохранило верность Государству Российскому и оказало интервентам вооруженное сопротивление, бои продолжались до апреля 1918 г.

Еще более наглядным свидетельством консолидации бессарабского регионального сознания стало Хотинское восстание (19 января – 2 февраля 1919 г.). Созданная повстанцами Директория выступала как «высший временный орган освобождающейся Бессарабии». Она объявила румынскую оккупацию Бессарабии незаконным актом, провозгласила восстановление демократических свобод, и революционного порядка, заявила о переходе помещичьей земли в собственность крестьян. Она приступила к формированию на освобожденной территории местной администрации – Комитетов управления, а из партизанских отрядов – Бессарабской народной армии. Директория обратилась также с нотой к правительствам Англии, Франции, Италии, Германии, США, Австрии, Украинской народной Республики и РСФСР. Подчиниться правительству Украинской Народной Республики повстанцы отказались (Шорников 2011: 31, 32).

Хотинское восстание было подавлено, однако идея создания бессарабской государственности в составе России оставалась в политическом обороте. В начале мая 1919 г. большевики сформировали в Одессе правительство Бессарабской Советской Социалистической Республики во главе деятелем профсоюзов бывшим членом «Сфатул цэрий» (законодательный орган, составленный в ноябре 1917 г. из представителей 29 общественных организаций и упраздненный румынскими оккупационными властями 9 декабря 1918 г.). Главная организация бессарабского некоммунистического сопротивления Комитет «Спасение Бессарабии»

сформировала в Тирасполе для боевых действий по освобождению Бессарабии полк численностью 1000 штыков, укомплектованный офицерами-уроженцами области. В апреле, когда в город вступили войска Красной Армии, часть его бойцов возвратилась в Бессарабию. Но большинство белогвардейцев во имя освобождения Бессарабии присоединилось к большевикам. По сведениям румынской военной разведки, 27 мая 1919 г. 550-600 бессарабских офицеров, переправившись через Днестр, приняли участие в Бендерском восстании, организованном руководством Бессарабской ССР и коммунистическим подпольем Бессарабии (Шорников 2012: 3-10). В 1919 г. «бессарабские» части, укомплектованные уроженцами области, имелись в составе как «белых» Вооруженных сил Юга России (Шорников 2014: 78-98), так и Красной Армии. Неприятие белыми и красными румынской оккупации заложило основу идеологии бессарабского сопротивления.

Отметим наличие в политических кругах Бессарабии двух проектов региональной государственности. Провозглашение руководством «Сфатул цэрий» Молдавской народной Республики не встретило возражений у велико- и малорусов, болгар, евреев, немцев, гагаузов, составлявших половину населения Бессарабии, в том числе большинство горожан. Большевики провозгласили создание этнически неопределенной Бессарабской советской республики. А вожди третьего бессарабского восстания, Татарбунарского (16-21 сентября 1924 г.) великороссы Александр Ключников и Иван Батищев, молдаванин Николай Цуркан, малорус Никита Лисовой, – провозгласили не только восстановление власти Советов, но и создание Молдавской Советской Республики в составе СССР. Оба проекта предусматривали дальнейшее развитие Бессарабии в состав Российского государства.

Подавление Хотинского, Бендерского, Татарбунарского восстаний, крестьянских выступлений протеста сопровождалось массовыми убийствами пленных повстанцев и мирных жителей, румынская полиция и войска повседневно применяли истязания и пытки (Фьодоров: П.40-47, 57-67); (Stratan). Установленный в Бессарабии режим террора, произвола и грабежа вошел в историю как «Бессарабская система» (Лунгу: 55,

101-106, 110-112). Экономическая и социальная политика Бухареста блокировала хозяйственное развитие области (История: 190-194). В результате румынской аграрной реформы 1919-1923 гг. крестьяне Бессарабии лишились двух третей земли, захваченной ими в период революции (Лунгу: 165-180). 23% крестьян стали безземельными. К лету 1940 г. 68% крестьянских хозяйств были разорены либо находились на пороге разорения, треть самодеятельного сельского населения, 550 тыс. чел., составляли безработные (Сытник: С.79,85,91; Лунгу: 161-186). Были ограблены и помещики Бессарабии. Им Бухарест оставил не более 109 гектаров на семью, отобрав 80-50% прежней собственности. Число помещиков сократилось более чем вдвое – с 1742 в начале 1917 г. до 818 в июне 1940 г. (Сытник: 85, 102; Брысякин, Сытник: 39-46). Большею частью это были собственники-румыны.

Стремясь обосновать свое «право» на аннексию Бессарабии, Бухарест проводил политику подавления молдавской национальной идентичности. От молдаван власти требовали называть себя румынами, а родной язык – румынским; было запрещено использование кириллической графики. Но молдаване обладали собственной культурой, национальным сознанием и исторической памятью. Они продолжали говорить на молдавском языке и не отрекались от имени молдаван (Шорников 2007: 239-266). Идентифицировать себя как румын молдаванам мешали также очевидные различия между двумя народами в языке, культуре, менталитете, даже в антропологическом типе. Молдавские крестьяне, отмечал в 20-х гг. румынский писатель-классик Михаил Садовяну, именовали приезжих из «Регата» (Королевство Румыния в границах 1912 г.) цыганами (Sadoveanu: 66-67).

На отношении бессарабских молдаван к жителям Пруто-Карпатской Молдовы влияла память о том, что после объединения с Валахией в 1859 г. они утратили молдавскую государственность, допустили латинизацию молдавской письменности и искажение обрядов молдавского православия. Шовинизм румынских функционеров, торговцев, учителей, даже священнослужителей шокировал бессарабцев. Признать их социально-культурное превосходство люди, воспитанные на русской гуманистической культуре, не могли. Молдавская интеллигенция, утверждали «первый молдавский националист» Иван Пеливан и

румынский политик Онисифор Гибу, вообще «считает румын низшей расой» (Ghibu 1992: 339). Все связанное с Румынией вызывало в бессарабском обществе отторжение. В 1926 г., когда О.Гибу возвратился в Бессарабию, бывший член «Сфатул цэрий» Шт.Чобану трижды предупредил его: если он прибудет «от Бухареста», бессарабцы будут его «саботировать» (Chibu 1996: 30).

Неукоснительно проводил Бухарест также политику ассимиляции русских и других национальных меньшинств. В Бессарабии было ликвидировано образование на всех языках, кроме румынского, а после королевского переворота (1938 г.) под угрозой тюремного заключения запрещено и их публичное использование, закрыты русские, еврейские и немецкие газеты (Скворцова: 89, 90). Однако на русский язык как язык публичного общения даже в 30-е гг. ориентировались около 1 миллиона жителей Бессарабии, почти 40% населения. Духовному единению бессарабцев способствовала также православная традиция корректных межнациональных отношений, совместимость менталитета основных национальных сообществ, а также национально-русское двуязычие не только образованного сословия и горожан, но и части сельского населения. Национальные сообщества Бессарабии (до середины 30-х гг. – включая бессарабских немцев) сохранили геополитическую ориентацию на Россию. В Советском Союзе видели свой социальный идеал рабочие, большинство крестьянства и левая фракция интеллигенции. Их стремления выражало нелегальное, но влиятельное политическое формирование – бессарабская организация Коммунистической партии Румынии.

В 1919-1923 гг. под давлением европейских держав Румыния приняла ряд обязательств относительно уважения прав национальных меньшинств и соблюдения в «присоединенных» областях демократических процедур. В Румынии заимствованные на Западе демократические процедуры обрели имитационный характер. Однако была допущена и открытая общественная деятельность, и это позволило Бессарабскому освободительному движению

создать сеть политических, этнокультурных, религиозных и социальных организаций, обществ, кружков. Одной из главных задач этих формирований в 20-е годы являлось обеспечение Бессарабии в Румынском государстве административной и церковной автономии.

Идеологическая задача румынской политики в Бессарабии, полагал тот же О.Гибу, заключалась в замене социальной идеи идеей национальной, причем румынской. «Социальная идея, которую горсть руководителей с русской ментальностью пропагандирует после Объединения, часто в насильственных формах, – отметил он в 1926 г., – должна быть замещена интегральной национальной идеей; в контексте этой идеи следует искать осуществление верных социальных преобразований» (Ghibu 1997: 119).

Возникновение в Бессарабии автономистских движений бывший глава правительства Молдавской республики 1917-1918 гг. Даниил Богос объяснял тем обстоятельством, что бессарабцы, не обладая опытом работы в румынской политической системе, проигрывали искусственным румынским политикам (Скворцова: С.42). Бессарабия, утверждал О.Гибу, вообще лишена собственной политической традиции (Ghibu 1996: 52). Однако общественные деятели Бессарабии обладали опытом революции. Они проявили оперативность и сноровку в партийном строительстве и добились поддержки бессарабского электората.

Условием легального существования политических формирований Бессарабии стала политическая мимикрия. Поскольку этноним «молдаване» был Бухаресту неуютен, «Молдавскую национальную партию», учрежденную тем же О.Гибу в апреле 1917 г., коллаборационисты покинули. 14 (27) мая 1918 г. группа членов «Сфагул цэрий» во главе с Василием Чижевским объявила о создании «Национально-демократической партии трудящихся интеллигентов». Партия была намерена отстаивать автономию Бессарабии в составе Румынского государства. Идею автономизации области, дополненную требованиями об административной децентрализации Румынии, а также требование о выплате крестьянам компенсаций за землю, возвращаемую помещикам, поддержала и инициативная группа «Лиги Бессарабского народа», учрежденная членами

«Сфатул цэрий» Н.Н. Александри, В.Бъркэ, священником Бежаном и другими лицами (Сојосагу: 90,91).

3(16) августа 1918 г. на совещании с участием вице-председателя МНП Пантелеймона Халиппы, министра-делегата от Бессарабии в составе румынского правительства Даниила Чугуряну, главы финансового управления Бессарабии Феофила Ионку, секретаря «Сфатул цэрий» Иона Буздугана и других членов «Сфатул цэрий» было решено учредить Бессарабскую национал-царанистскую (национальную крестьянскую) партию. Было объявлено, что в ее состав не будут допущены крупные собственники. Земля, провозгласили бессарабские национал-царанисты, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Однако социальные требования Бессарабской НЦП носили демагогический характер. Пан. Халиппа и другие ее деятели призвали крестьян вернуть помещикам земли, захваченные в дни революции. Однако и они продемонстрировали уважение к существующей лингвистической ситуации: программные документы БНЦП опубликовала на двух языках – румынском и русском. В ответ деятели Общества крупных собственников Бессарабии П. Синадино, Д. Семиградов, В. Дическу и другие учредили «Бессарабскую Прогрессивную Партию». В целях концентрации бессарабских политических сил руководители обоих формирований уже в ноябре 1918 г. договорились об их объединении. (Сојосагу: 92-94).

26 ноября (9 декабря) 1918 г. румынские власти распустили «Сфатул цэрий» и упразднили эфемерную Бессарабскую автономию. Недовольство этими актами проявили даже крупные собственники. 1 (13) декабря 1918 г. группа землевладельцев, – Н. Катаржи, В. Катаржи, Д. Семиградов, М. Главче, В. Дическу, Б. Бутми-де-Кацман, П. Леонард и другие, – объявили о создании (не о восстановлении!) Молдавской национальной партии. Вероятно, власти приняли к инициаторам меры индивидуального воздействия; дело ограничилось декларацией о намерениях (Сојосагу: 94, 95).

Руководство НЦП Бессарабии составили бывшие деятели «Сфатул цэрий» И. Инкулец, П. Ерхан, Г. Пынтя и другие. В начале 1919 г., накануне выборов в парламент Румынии, они провели в уездах «крестьянские» съезды, а в Кишиневе и

других городах учредили общественные комитеты помощи бедным и безработным. Группа политических активистов, в которую входили адвокаты Иван Костин и Алексей Опря, журналист Думитру Пэун и другие лица, противопоставила НЦП формирование, конъюнктурно названное «Демократическая рабочая партия Бессарабии». Ее программные требования были почти большевистскими. Они включали «социализацию» земли, создание крестьянских обществ и кооперативов, установление для рабочих 8-часового рабочего дня и минимума в оплате труда, участие рабочих в управлении предприятиями. На перехват коммунистических лозунгов подпольный Кишиневский комитет большевиков ответил выпуском листовки, в которой утверждал, что подлинной родиной рабочих и крестьян Бессарабии является Республика Советов; горком призвал бойкотировать выборы. С таким же призывом выступила и руководимая Н.Н. Александри «Лига бессарабского народа» (Sojocaru: 103,104).

И коммунисты, и регионалисты допустили политическую ошибку. Часть избирателей не пошла голосовать, но выборы все-таки состоялись. Царанисты получили 107 мандатов. В румынском парламенте они создали бессарабскую фракцию во главе с И.Инкульцом, Пан.Халиппой и бывшим депутатом российской Государственной думы писателем Василием Лашку (Лашковым). Бессарабские депутаты попытались обуздать оккупационный террор, переподчинив жандармерию в Бессарабии министру-делегату правительства. Протестуя против жестокого обращения в румынской армии с призывниками из Бессарабии, они поставили вопрос о реорганизации армии. Обе инициативы были провалены румынским большинством, но сама попытка бессарабских депутатов защитить региональные интересы показательна.

Накануне выборов 1920 г. Бессарабская НЦП вновь потребовала замены румынской жандармерии гражданской полицией, укомплектованной местными жителями. В мае 1920 г. партия довела до сведения короля Фердинанда свое мнение о необходимости отмены в Бессарабии чрезвычайного положения и цензуры (Sojocaru: 105, 106, 112,113.). Депутат Василий Строеску, почетный

председатель Молдавской национальной партии 1917 г., с трибуны парламента заявил, что до объединения с Румынией Бессарабия имела демократическую администрацию, обвинил Бухарест в ликвидации демократических завоеваний бессарабцев и потребовал отмены в крае цензуры и осадного положения (Скворцова: 38,39).

Эти требования отвечали нуждам всего населения области. Поддержав их, «Лига Бессарабского народа» самораспустилась, а ее члены вступили в состав Бессарабской НЦП. Однако лидер БНЦП Иван Инкулец выступил в парламенте с речью, призванной опровергнуть предъявляемые его партии обвинения в поддержке бессарабского сепаратизма; это означало, что партия отказывается от требования автономии для Бессарабии. Крестьяне были недовольны законом об аграрной реформе. Учитывая сложившееся положение, в начале 1920 г. Н.Н. Александри, С. Ницэ, В. Гензул, покинувший БНЦП Д. Богос и бессарабские активисты «Народной партии» генерала А. Авереску создали в Бессарабии оппозиционный БНЦП избирательный блок. Его Программа включала требование оставить крестьянам всю имеющуюся у них землю. Бессарабский филиал «Народной партии» потребовал также «децентрализации управления на основе коммунальной, уездной и провинциальной автономии» и восстановления Земства, упраздненного румынскими властями. Для бессарабского Земства автономисты намеревались добиться права «составлять законы относительно местных провинциальных нужд».

По существу речь шла об автономизации Бессарабии, включая создание регионального парламента. Последнее требование, отмечает Г.Е. Кожокару, иллюстрировало стремление местного филиала «Народной партии», находящегося у руководства края, выйти из-под контроля Бухареста (Sojocaru: 108, 109.). Автономисты выражали волю избирателей. «Большинство бессарабского населения, – докладывал один из агентов сигуранцы, – не испытывало румынских чувств и сожалело об объединении [Бессарабии с Румынией], стремилось даже не к децентрализации

администрации, а к автономии Бессарабии, которая обеспечила бы ему свободу действий» (Скворцова: 39). Но курс «Народной партии» был иным. По указанию ее центрального руководства С. Ницэ выступил в печати с заявлением о том, что бессарабский филиал полностью принимает программу А. Авереску.

Поскольку румынские партии стояли на позициях, враждебных интересам области, бессарабские регионалисты попытались заручиться поддержкой политиков Пруто-Карпатской Молдовы. Осенью 1920 г. в Яссах состоялось совещание парламентариев-молдаван из Запрутской Молдовы, Бессарабии и Буковины. Было принято решение требовать от правительства Румынии политической заботы о всей Молдове в границах времен Стефана Великого – от Карпат до Днестра. Автор публикации в журнале «Шкоала Басарабией» расценил это совещание как проявление регионалистского духа (Școala: 83).

Идеи регионалистов находили поддержку среди молодежи. В 1924 г. в Клужском университете сложилось студенческое общество «Объединенная Молдова», в которое входили студенты из Бессарабии, Буковины и Пруто-Карпатской Молдавии. Его главная идея заключалась в политическом сплочении молдаван трех провинций в противостоянии Бухаресту. Участники организации развернули молдавскую национальную пропаганду, и нашли поддержку администрации на местах. В июле, когда 12 членов «Объединенной Молдовы» прибыли в Бельцы, примария устроила банкет. 21 и 22 июля председатель общества Бузосу, директор газеты «Басарабия» Полидой Карп, литератор Влэдеску и студенты выступили перед аудиториями в 300-400 чел., пропагандируя идею развития **молдавской** (а не румынской!) национальной культуры (НАРМ. Ф. 694. Оп.1. Д.64. ЛЛ.24-29). Однако румынская политическая полиция приняла меры воздействия и развития эти инициативы не получили.

Провал попыток региональных и национальных формирований отстоять интересы представляемых сообществ указывал их деятелям на необходимость смены тактики. Союз румынских евреев рекомендовал своим

членам присоединяться к румынским партиям по своему выбору. Венгерские и немецкие партии во имя достижения своих целей блокировались с румынскими партиями. Вопрос об отношении Бессарабской национал-царанистской партии с партиями Румынии обсуждался с осени 1920 г. Выявились четыре направления: 1. За объединение с Крестьянской партией Румынии; 2. За создание группировки под руководством К.Стере (лидер – Пан. Халиппа); 3. За объединение с НЦП Румынии; 4. За то, чтобы Бессарабская НЦП сохранила независимость (И.Инкулец). По мнению Д.Богоса, побывавшего министром для Бессарабии, в автономистском движении в то время наметились два течения: ортодоксальное и умеренное. Ортодоксы желали, чтобы все в Бессарабии осталось как «при русских», чтобы связь с Румынией была чисто формальной. Умеренные придерживались мнения, что они воспитаны иным образом, что они выше уроженцев Страны Румынской. Во всем, полагали они, следует брать пример с русских и вводить эти административные формы в «остальной стране». Автономисты обоих направлений, заключил Г.Кожокару, представляли себе Бессарабию вне границ Румынии (Sojocaru: 121).

Правящие круги Румынии были обеспокоены. И. Инкульцу вновь пришлось отбиваться от обвинений Бессарабской НЦП в сепаратизме. «Мы не сепаратисты, – двусмысленно заявил он в парламенте 7 марта 1921 г., – мы автономисты. [...] Читайте нашу программу, и увидите, что мы за культурную автономию и за административную децентрализацию...». Уже летом 1921 г. Бессарабская НЦП раскололась по вопросу о вхождении в состав НЦП Румынии. Сторонников объединения возглавил К.Стере, заинтересованный в укреплении своих позиций в НЦП Румынии, а противников – И.Инкулец. В ноябре Бессарабская НЦП распалась. Часть ее членов во главе с Пан. Халиппой вошла в состав Крестьянской партии Румынии, а часть сохранилась как Независимая Крестьянская партия Бессарабии, руководимая Инкульцом (Sojocaru: 123).

Население Бессарабии возмущали засилие и произвол румынских функционеров, и накануне выборов 1922 г. НЦП Бессарабии, выдвинув лозунг «Бессарабия – для бессарабцев!» и требования об отмене режима чрезвычайного положения и о расширении прав местного самоуправления, добилась 32,1% голосов при выборах в парламент и 40,15% – при выборах в Сенат. Бессарабский филиал НЦП Румынии включил в свою программу сходные пункты, но регионалистскую тематику особо не эксплуатировал. В итоге получил меньше голосов: 28,3% и 27,0% соответственно. Казалось, успех позволял НКП Бессарабии использовать парламентскую трибуну для расширения своей электоральной базы. Но правящие круги Румынии взяли курс на упразднение региональных партий, на что И. Инкульцу прямо указал министр внутренних дел генерал А. Вэйтояну. И бывший председатель «Сфатул цэрий» немедленно подчинился. Независимая Крестьянская партия объединилась с бессарабским филиалом Национал-либеральной партии Румынии (Sojocaru: 127,128, 130, 131). Выступать с политическими требованиями в обход руководства НЛП Румынии она уже не могла.

Один из лидеров национал-царанистов Румынии молдаванин К.Е. Стере попытался повлиять на позицию румынских партий по вопросам национальной и региональной политики. При подготовке румынской Конституции 1923 г. он составил альтернативный проект, который включал программные требования бессарабского регионализма: Румыния должна стать федеративным государством, национальным меньшинствам надлежит предоставить права на использование родных языков в образовании, администрации и суде, обеспечить их пропорциональное представительство в законодательных и исполнительных органах, религиозную автономию для всех конфессий. Руководство Национал-царанистской партии Румынии опубликовало Конституционный проект К.Стере, и НЦП обрела репутацию радетеля прав национальных меньшинств.

Однако конституционный проект Константина Стере противоречил государственной идеологии Румынии и интересам сохранения контроля

Бухареста над Бессарабией. Настаивать на обсуждении проекта парламентом национал-царанисты не стали. В 1924 г. лидер НЦП Юлиу Маниу раскрыл истинную позицию пртии по национальному вопросу, выступив против определения Румынии как полиэтничного государства, поскольку, по его мнению, только румыны являлись автохтонами, а другие этносы – пришлыми (Скворцова: 82-84). Конституция Румынии была составлена без учета интересов национальных меньшинств.

Но проект Стере получил известность в Бессарабии. Под лозунгом «Бессарабия – для бессарабцев!» в области развивалось регионалистское движение. В 1925 г. регионалисты учредили в Кишиневе «Лигу бессарабских граждан». Самим названием организации ее участники подчеркнули, что бессарабцы – отличная от «регацян» общность, с особыми «исторически-бытовыми и психологическими» чертами. В нее вошли известные общественные деятели, предприниматели, желающие сами определять направление развития Бессарабии и полагающие, что они смогут делать это лучше, чем румынские чиновники, не понимающие менталитета бессарабцев (Скворцова: 83-86, 88, 92,93, 190).

19 февраля 1927 г. при участии главы Бессарабской епархии Гурия и бывшего министра обороны Молдавской Народной Республики генерала Брэеску бывший депутат румынского парламента адвокат Алексей Опря учредил Лигу «Сыны Стефана Великого», якобы призванную объединить потомков мазылов и резешей (в XVI-XIX вв. – категории свободных молдавских крестьян). Учредительное собрание прошло под знаком молдавского, а не румынского национализма. Его участники принесли клятву: «Своей честью и сознанием человека и местного молдаванина заявляю перед Богом и членами Лиги «Сыны Стефана Великого», что буду бороться и буду верен Государству и цели, преследуемой Лигой, за национальное, моральное, материальное и культурное пробуждение тех, кто, как и я, ведут свое происхождение от земляков Стефана Великого и Святого». В Устав Лиги был включен также термин «молдавский народ». Собрание приняло программное

заявление о задачах молдавского национального движения. Оно включало «Пробуждение, культивирование и поддержание чувства солидарности рода и Страны, национальной гордости и славы, которые были свойственны молдавскому народу под властью Стефана Великого». А. Опря, избранный Генеральным директором Лиги, заявил: «Народ Бессарабии находится в состоянии нищеты с тех пор, как был объединен с Румынией, [...] крестьянин Бессарабии измучен и подавлен». Далее адвокат уважительно отозвался о Государстве Российском (НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д.585. ЛЛ.33, 27, 9, 17).

Румынские власти отказали в регистрации национальной организации молдаван, и 16 августа 1930 г. Ал. Опря легализовал Лигу под названием Бессарабская монархическая партия. В своем помещении в центре Кишинева «монархисты» еженедельно проводили открытые заседания, на которых критиковали политику, проводимую в Бессарабии Бухарестом. 8 февраля Ал. Опря на заседании с участием 60 крестьян призвал образовать из православных молдаван Христианскую лигу и добиться от короля приема делегации бессарабских резешей и мазылов. Долго терпеть эту деятельность власти не могли. Во время облавы, проведенной полицией в здании клуба 15 февраля 1931 г., его посетители были, якобы, уличены в азартных играх, и клуб закрыли (НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. Д.5650. ЛЛ. 1-21).

Попытку создать молдавскую национальную партию предприняла также группа интеллигентов и крестьян-молдаван во главе с бывшим исправником Оргеевского уезда Константином Хаджи-Коли и адвокатом Федором Кириловым. В августе 1930 г. они представили на регистрацию документы «Партии молдаван – мазылов и резешей Бессарабии». В качестве ее программного требования была указана «действенная защита бессарабских молдаван, столь обиженных и считающихся по сравнению с остальными жителями страны [Румынии] людьми 2-го сорта». «Партия» провела ряд собраний в Кишиневе и окрестных селах, критикуя румынскую политику в Бессарабии. Сигуранца (политическая полиция) взяла на учет более 50 ее активистов (НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. Д.5651. ЛЛ.13–18). В феврале 1931 г. руководство Партии молдаван, доложила полиция, приняло

решение распространить свою деятельность за пределы Бессарабии, «в уезды Молдовы и Буковины, где большинство [населения] молдаване. Таким образом, Партия Молдаван Бессарабии преобразуется в "Молдавскую Партию"». От ее имени Федор Кирилов запросил от командования 3-го Армейского корпуса разрешение проводить публичные мероприятия и получил его. Штаб партии разместился в центре Кишинева (НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. Д.5651. Л.20).

Предъявить К.Хаджи-Коли стандартное обвинение в «большевизме» было трудно. До революции исправник выслеживал и дважды, в 1906 и 1916 гг., арестовывал Г.И. Котовского. В гражданской войне участвовал на стороне белых (Новохатский: С.451). Полиция выжидала. А руководство Молдавской партии вскоре убедилось, что за Прутом идеи молдавизма и регионализма отклика не находят. В 1931 г., когда скончался идеолог бессарабского регионализма К.Е. Стере, Молдавская партия прекратила существование.

Режим чрезвычайного положения загонял бессарабскую оппозицию в подполье. Однако регионалисты пытались сохранить легальность. В 30-е гг. они учредили в Бухаресте «Кружок Бессарабцев», объединявший молодых литераторов; в их числе был и связанный с коммунистическим подпольем начинающий поэт Емилиан Буков. Почетным председателем «Кружка» стал угодный властям И.Инкулец (Raza. 1941. 27 Maiu), но практическую работу вели другие лица. В Кишиневе Пан. Халиппа и молодой писатель Николай Костенко приступили к выпуску литературного и исторического журнала регионалистской направленности «Вяца Басарабией» («Жизнь Бессарабии»). Филолог Петре Штефэнуке в 30-е годы выполнил огромный объем работы по сбору молдавского фольклора (Ștefanucă), печатно призывал румынские власти уважать этнокультурную специфику области. Требования о предоставлении Бессарабии административной и церковной автономии регионалисты выдвигали и обосновывали до королевского переворота 1938 г. и даже позднее, до последних дней оккупации. Деятельность регионалистов способствовала тому, что Румыния не стала своим государством ни для одного из классов, ни для одного из национальных сообществ Бессарабии. Прут остался

политическим и этнокультурным рубежом. Духовная и политическая сплоченность населения Бессарабии позволила коммунистическому подполью выдержать все удары румынских властей, а 28 июня 1940 года сформировать Временное правительство области и взять власть. Вступающим войскам Красной Армии народ устроил восторженную встречу (Шорников 2007: 236-253).

Движение бессарабских регионалистов было осторожной, но последовательной формой гражданского сопротивления идеологическому давлению Бухареста. От имени бессарабской региональной общности регионалисты формулировали и предъявляли Румынскому государству требования, направленные на ограждение ее интересов. Они способствовали сохранению в Бессарабии корректных межэтнических отношений, молдавской национально-культурной идентичности молдавского народа и ориентации населения на Государство Российское. Бессарабцы – молдаване, русские, украинцы, евреи, болгары, гагаузы, немцы и другие, – не вошли в состав румынской политической нации; они образовали особую политическую нацию с собственными региональным и политическим сознанием, «бессарабским» менталитетом, региональной солидарностью, традициями гражданского действия и представлениями о желаемом будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. (НА РМ) – Национальный архив Республики Молдова.
2. (Raza) – Raza, газета.
3. (Școala Basarabiei) – Școala Basarabiei. Журнал.
4. (Брысякин, Сытник) – Брысякин С.К., Сытник М.К. Торжество исторической справедливости.–Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1969.
5. (История) – История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев. 2002.
6. (Лунгу) – Лунгу В. Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918-1920 гг. – Кишинев. 1979.
7. (Новохатский) – Новохатский М. Путь в легенду. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1976.
8. (Скворцова) – Скворцова А. Ю. Русские Бессарабии: Опыт жизни в диаспоре (1918-1940 гг.). Кишинев. Pontos. 2002.

9. (Сытник) – Сытник М.К. Коллективизация сельского хозяйства и формирование класса колхозного крестьянства в Молдавии. – Кишинев. 1976.
10. (Фьодоров) – Фьодоров Г.К. Режим де репресий сынжероасе (Ку привире ла политика репресивэ дусэ де Ромыния регалэ ын Басарабия ын аний 1918-1940). – Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1973.
11. (Шорников 2007) – Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь. Изд-во Приднестровского ун-та. 2007.
12. (Шорников 2011) – Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918-1940 гг.) – 2-е изд., перераб. и доп. – Тирасполь: Полиграфист. 2011.
13. (Шорников 2012) – Шорников П. Тираспольская база офицерской организации «Спасение Бессарабии». 1918-1920.//Общественная мысль Приднестровья. 2012. №1.
14. (Шорников 2014) – Шорников П. Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны?//Русин. 2014. №4(38).
15. (Ghibu 1992) – Ghibu O. Pe baricadele vieții: In Basarabia revoluționara (1917–1918): Amintiri. – Chișinău: Universitas, 1992.
16. (Ghibu 1997) – Ghibu O. De la Basarabia rusească la Basarabia românească. București. Editura SEMNE. 1997.
17. (Ghibu 1996) – Ghibu O. Trei ani pe frontul basarabean. București. Ed. Fundației culturale române. 1996.
18. (Sadoveanu) – Sadoveanu M. Drumuri basarabene. – Chișinău. 1992.
19. (Ștefanucă) – Ștefanucă P. Folclor si tradiții populare. Vol. 1–2. – Chișinău: Știința, 1991.
20. (Stratan) – Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și “Unirea”.- Chișinău-Iași. 2003.

REFERENCES

1. (NA RM) – Natsionalnyy arkhiv Respubliki Moldova.
2. (Raza) – Raza. gazeta.
3. (Scoala Basarabiei) – Scoala Basarabiei. Zhurnal.
4. (Brysyakin. Sytnik) – Brysyakin S.K., Sytnik M.K. Torzhestvo istoricheskoy spravedlivosti.–Kishinev. Kartya Moldovenyaske. 1969.
5. (Istoriya) – Istoriya Respubliki Moldova s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kishinev. 2002.
6. (Lungu) – Lungu V. Politika terrora i grabezha v Bessarabii. 1918-1920 gg. – Kishinev. 1979.
7. (Novokhatskiy) – Novokhatskiy M. Put v legendu. Kishinev. Kartya Moldovenyaske. 1976.
8. (Skvortsova) – Skvortsova A. Yu. Russkiye Bessarabii: Opyt zhizni v diaspore (1918-1940 gg.). Kishinev. Pontos. 2002.
9. (Sytnik) – Sytnik M.K. Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva i formirovaniye klassa kolkhoznogo krestianstva v Moldavii. –Kishinev. 1976.

10. (Fodorov) – Fodorov G.K. Rezhim de repressiy synzheroase (Ku privire la politika represive duse de Romyniya regale yn Basarabiya yn aniy 1918-1940). – Kishineu. Kartya Moldovenyaske. 1973.
11. (Shornikov 2007) – Shornikov P.M. Moldavskaya samobytnost. Tiraspol. Izdvo Pridnestrovskogo un-ta. 2007.
12. (Shornikov 2011) – Shornikov P.M. Bessarabskiy front (1918-1940 gg.) – 2-e izd.. pererab. i dop. – Tiraspol: Poligrafist. 2011.
13. (Shornikov 2012) – Shornikov P. Tiraspol'skaya baza ofitser'skoy organizatsii «Spaseniye Bessarabii». 1918-1920.//Obshchestvennaya mysl Pridnestrovia. 2012. №1.
14. (Shornikov 2014) – Shornikov P. Belyye i krasnyye na Dnestre: sabotazh grazhdanskoy voyny? //Rusin. 2014. №4(38).
15. (Ghibu 1992) – Ghibu O. Pe baricadele vie?ii: In Basarabia revolu?ionara (1917–1918): Amintiri. Chishinau: Universitas. 1992.
16. (Ghibu 1997) – Ghibu O. De la Basarabia ruseasc? la Basarabia rom?neasc?. Bucure?ti. Editura SEMNE. 1997.
17. (Ghibu 1996) – Ghibu O. Trei ani pe frontul basarabean. Bucure?ti. Ed. Fundatsiei culturale rom?ne. 1996.
18. (Sadoveanu) – Sadoveanu M. Drumuri basarabene. – Chishinau. 1992.
19. (Shtefanuc) – Shtefanuc P. Folclor si tradi?ii populare. Vol. 1–2. – Chishinau: Shtiintsa. 1991.
20. (Stratan) – Stratan V., Gorun A. Mosh Ion Roata. Sigurantsa shi “Unirea”- Chishinau-Iashi. 2003.

О.А. Гарусова,

научный сотрудник отдела этнологии русского населения
Института культурного наследия АН Молдовы,
Кишинев, Молдова

О.А. Garusova,

Researcher of the Department of Ethnology of the Russian Population
Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova,
Kishinev, Moldova

ОБРАЗ БЕССАРАБИИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

Аннотация. В качестве «субъективного документа» эпохи рассматриваются известные и впервые вводимые в научный оборот произведения, посвященные межвоенной Бессарабии.

Ключевые слова: межвоенная Бессарабия, эмиграция, русское зарубежье, провинция, столица.

THE IMAGE OF BASSARABIA IN EMIGRANTS' LITERATURE OF 1920-S-1930-S.

Abstracts. There are examined, as a “subjective document”, some well known and some new for scientific circulation literary works dedicated to the interwar period of Basarabia’s history.

Keywords: interwar period of Basarabia’s history, emigration, Russian Abroad, province, capital.

Эмигрантская литература, посвященная Бессарабии периода ее нахождения в составе Королевской Румынии, малочисленна: несколько художественных произведений, с десятков очерков и фельетонов. Некоторые из них отличаются несомненными художественными достоинствами, представляя интерес для историков литературного процесса Русского Зарубежья. Специального исследовательского внимания эти тексты заслуживают в качестве «субъективных документов» эпохи. Нас интересует не произведения сами по себе, а отображенная в них бессарабская действительность в интерпретации покинувших Россию литераторов.

По отношению к описываемым явлениям эмигранты выступали в роли сторонних, но пристрастных наблюдателей. Эмигрантская оптика отмечала то, что для местных авторов было привычным и естественным; порой точки зрения «извне» и «изнутри» не совпадали. В отличие от русской зарубежной публицистики, оценивавшей жизнь края сквозь призму «бессарабского вопроса», политики румынской администрации, правового положения русского населения, в художественных текстах редко затрагивались острые социальные и национальные проблемы.

Публикации первых пореволюционных лет строятся на резком противопоставлении двух миров - бессарабского и «совдеповского». «Удивила безмятежная тишина на улицах и освещенные окна ресторанов. Как далекий сон вспомнились величавые грозные улицы Петрограда, одиночные зловещие выстрелы, темнота и угрюмый мрак повсюду» (Добронравов 1920:

3). Беженцам из охваченной Гражданской войной России по приезде в Кишинев, прежде всего, бросались в глаза внешние признаки отлаженного, не потревоженного революцией быта: неспешные извозчики, тихие ночные улицы, ярко освещенные зеркальные окна и кафе и ресторанов, толпы людей, прогуливавшиеся в саду и на бульварах, нарядные, смеющиеся девушки в экипажах...

Мирный, беззаботный Кишинев возникает на страницах романа Екатерины Черкес «Жемчуг слез» о жизни русской эмиграции. Вот первые впечатления героини: «Вся в огнях, уходила широкая улица с рядом ровных стройных тополей и каменным постаментом теперь снесенного памятника Александру Благословленному. Из увеселительных садов гремела музыка, и в светлой пыли плыла толпа людей»; «за окном серебрился под луною собор с круглым куполом, и сквозь кружевные шапки деревьев около собора струилось зыбкое серебро» (Черкес 1925: 83, 85). Описанный в конкретных и тонких деталях город интересен автору не сохранившимся прежним обликом, а в новом своем качестве прибежища эмигрантов. Праздник в городском саду с военным оркестром, джаз-бандом, ракетами, серпантином устраивается в пользу неимущих беженцев, а его искусное декоративное оформление придумано бывшим петербургским художником. Среди гуляющих мелькает потертый беженский костюм. Посетители летнего павильона Благородного собрания - сплошь беглецы. Местное общество принимает близкое участие в беженской интеллигенции. Главный герой романа, участник белого движения Николай Истомин «совершенно вошел в местную жизнь. Познакомился и стал бывать во многих русских домах. Его принимали радушно, хлопотали за него перед местными властями, подыскивали ему временную службу» (Черкес 1925: 18). В уплотнённых приезжими нанимателями квартирах, на аллеях парка, за столиками кафе ведутся бесконечные разговоры о судьбах России и эмиграции, монархии и белом движении, о новостях из-за Днестра и выборе дальнейшего жизненного пути... Маленький бессарабский город находится в одном

историческом пространстве российского рассеянья. Для одних персонажей романа он станет многолетним приютом, для последовавших в Бухарест, Мюнхен, Париж - транзитной станцией по пути в Европу.

Но была и другая Бессарабия. Студенту Филонову из неоконченного автобиографического романа Василия Федорова «Человек задумался», она мечтается вожделенным «окном в Европу» - так называется посвященная беженским мытарствам глава. Но после нелегального перехода через Днестр, пребывания в бендерской тюрьме, непосредственного знакомства с методами румынской сигуранцы, «вся вычитанная из книг, вся приукрашенная русскими барынями, Европа осыпалась как одуванчик от первого ветерка, повеявшего сквозь окошко румынской тюрьмы» (Федоров 2011: 171). Зимний Кишинев с заснеженными улицами и крышами домов, «над которыми с криком кружились галки», темным переулком, по которому телега с арестантами направляется к большому серому зданию острога, предстает незнакомым, безлюдным, непонятным. Ясно, что в этом чужом, хмуром городе герой Федорова не задержится: как и самого писателя, он его вытолкнет.

Осевшие в Бессарабии на более или менее длительный срок литераторы и журналисты стали видными сотрудниками местной прессы. В начале 1920-х гг. в кишиневской периодической печати преобладает жанр беллетризованных очерков и фельетонов. Обильной пищей по обыкновению служит обывательский Кишинев. Следуя сложившимся традициям российской журналистики по отношению к провинции, привычки и нравы горожан описываются в ироническом или нелестно-критическом свете. В беззлобных комических и сатирических фельетонах плодовитых Анатолия Вершховского и Ноя Бенони обрисован типичный южный город с его колоритными жителями, «одесским акцентом» и своеобразным лексиконом.

Совершенно иначе воспринимал и оценивал Кишинев и его обитателей известный петербургский писатель Леонид Добронравов, в литературных этюдах которого отражены чувства и переживания столичного человека,

волею судьбы занесенного в родной город. «Старая провинция умерла. Умер и старый быт. Кишинев – один из немногих уголков, где он жив еще, и не только жив, но победительно процветает. Где-то далеко изменились условия жизни, люди живут другими интересами. Думают новые мысли, а тут все по старому, по хорошему, по патриархальному. Безбурно и тихо. Блаженный город! Сколько наивной, старомодной прелести было на субботниках чиновничьего клуба! А эти провинциальные дамы, непременно в шляпках ужинавшие за столиками. Они твердо убеждены были, что этого требует лучший тон. А когда пускались в мазурку! Боже ты мой! А эти дежурные визиты в кафе! А чинные, степенные прогулки в казенный сад! А сколько типов с богатством тонов и оттенков. В Троицу был я в кладбищенской церкви. Да, только в Кишиневе могут существовать еще такие люди, похожие на старые расписные чашки, каких теперь больше нигде не выделывают» - живописует автор, заключая: « Быт интересен и привлекателен издали, но жить среди него, в его липких объятиях – очень трудно. Иногда задыхаешься» (Добронравов 1923, № 119: 2).

Добронравовская эссеистика наполнена размышлениями о провинции и провинциализме, понятиях равнозначно им толкуемых, для которых ищутся все новые и новые эпитеты (материальное, суетное, фальшивое, низкий культурный уровень, тоска, скука, духота, сплетни, пошлость, убогие интересы, узость кругозора). Чужой и чуждый писателю по духу и образу жизни Кишинев превращается под его пером в аллегория провинциальности - унылый, захолустный, душный, духовно бедный, неинтересный, бессодержательный... Даже в здешней весне он не находит красоты и поэзии.

Убеждение в том, что лишь в столичном городе можно жить подлинно культурной и духовной жизнью и что ее свет несут лишь истинные петербуржцы, было поколеблено, когда Добронравов переселился в Париж, признанную «зарубежную русскую столицу». Относительность давней российской оппозиции столица - провинция обнаружилось при близком

знакомстве с парижским эмигрантским кругом. В этом плане показательна статья «Незабвенное прошлое»: «Жизнь России заключалась в провинции. Чеховская провинция очутилась на стогнах Европы и продолжает свое несправедливое бытие, спорит о революции, о политике, о форме правления, а существо жизни осталось прежним. А ведь в этом главный ужас. Не о возвращении, не о восстановлении прежней жизни следует думать, а о создании новой, более человеческой, а потому более разумной» (Добронравов 1925: 2).

А поскитавшимся по разным странам эмигрантам интриговало именно прежнее «существо жизни» Бессарабии; незыблемый бытовой уклад пробуждал острое любопытство, ностальгические чувства. Популярный до революции писатель Александр Федоров, в эмиграции живший в Софии, опубликовал в бухарестской газете «Наша речь» большую серию очерков «Кишиневские негативы», в которых воссоздан разноликий образ города, его социальная топография, ритм, атмосфера, будничные заботы. Характерные типажи из разных социальных слоев - футбольные болельщики и графоманы, бывшие дворяне и криминальные лица, артисты и зрители - описаны, в зависимости от сюжета, в юмористической, сатирической, лирической, публицистической тональности. Возникает красочный, с резким колоритом облик города. «Нигде на земном шаре – замечает Федоров - не сохранились до такой степени бытовые особенности и своеобразные нравы». Если у Добронравова Кишинев замкнут на себе, в «Негативах» он распахнут, ясен. «Весь в зелени, весь открытый и пестрый, оживленно мирный и спокойный, ленивый и улыбающийся, он как будто все время отдыхает и развлекается, но опять-таки не так, как отдыхает и развлекается любой нынешний город». Здесь в праздники «сады гремят музыкой и пением, и музыка и пение льются из открытых домов наружу». А толпа «по-дачному толчется в садах и на главных улицах» (Федоров 1924, № 177: 3).

Столь раздражавшие Добронравова вкусы и привычки кишиневских обитателей, напоминавшие о патриархальной старине, у Федорова описаны с

мягким юмором. «Ну, скажите на милость, где на земном шаре нынче по целым часам сидят за самоваром, едят жирные кулебяки, а по вечерам поигрывают в картишки, беседуя о том, о сем, а больше, перемалывая косточки отсутствующих и раскладывая пасьянсы, или гадая на кофейной гуще, не о том, победит или не победит коммунизм, а о личных, карманных и сердечных делишках» (Федоров 1924, № 177: 3).

С особенным поэтическим чувством и проникновенной ностальгической интонацией рассказывает автор о мире старых дворянских особняков в «аристократической» части города. «Дома эти окружены садами из окон порой слышатся звуки старинной музыки, льющиеся из-под дрожащих тонких пальцев, которые меланхолично пробегают по пожелтевшим клавишам старинного пианино, вызывая воспоминания, похожие на выцветшие акварели, образы, напоминающие тонкие миниатюры, написанные на слоновой кости, целый мир видений, уходящий и невозвратный". Этот «старорежимный» мир, тающий под напором новой, «желчной, мстительной и злобной» жизни, душевно близок писателю верностью прежним культурным ценностям «благородства, чести и красоты, в которых может быть было много условного, но которые до сих пор пленяют воображение не только поэта и художника, но и всякого, кто хоть уголком души своей приобщился к этому прошлому» (Федоров 1924, № 175: 3).

В публикациях 20-х гг. преимущественное внимание уделено кишиневской повседневной жизни, быту и нравам бессарабцев. В конце десятилетия и в 30-е гг. в произведениях авторов-эмигрантов Бессарабия изображается в условно-символическом, поэтическом освещении. Ключевыми для этой литературы являются мотивы и сюжеты, связанные с Пушкиным. Заметим, что для эмиграции великий русский поэт был символом России. Другой, часто слитный с пушкинским, мотив - природа. Критик и писатель Петр Пильский в мемуарно-беллетристическом очерке, посвященному ушедшему из жизни Добронравову, вспоминает «тихие бессарабские вечера, рдяную осень, далекую бесшумную улицу, где жил,

ленивый Кишинев, в буйной зелени своих садов, хранящий и поныне святыя воспоминания о Пушкине» (Пильский 1929: 88).

В эмигрантской лирике Бессарабия непременно ассоциируется с причастностью к жизни и творчеству великого поэта, отбывавшего здесь ссылку. Магией пушкинского «благого имени» преображена природа края и воображаемый «персиковый и вишневый» город в стихотворении Игоря Северянина «Весна в Кишиневе».

Ты, Бессарабия, воспета
Кометой Пушкина и без
Сиянья русского пота
Сияние твоих небес,
Пусть очень южных, очень синих
Могло ли быть прекрасным столь? (Северянин 1990: 62)

Александр Вертинский во время турне по Бессарабии летом 1929 г. напишет ставшую необычайно популярной у эмигрантов песню «В степи молдаванской», в которой пушкинский романтический мотив цыганской кочевой свободы перекликается с эмигрантскими странствиями.

В произведениях поэтов-эмигрантов, чьи детство или юность прошли в Кишиневе, Пушкин является отличительным, вневременным знаком городского пространства. В своем известном стихотворении «Я помню тусклый кишиневский вечер» Кнут Довид проводя похоронную процессию по пыльным улочкам старого города, в первой строфе останавливается у Инзовской горки, «где жил когда-то Пушкин». Образ поэта, библейский, «простой обряд еврейских похорон / и женщина из Книги Бытия», будничные штрихи (вечер, тишь, забор, звезда) сложно переплетаются, рождая знаменитое метафорическое определение: «Особенный, еврейско-русский воздух...» (Кнут 1932: 13).

Образ Пушкина, соединявший вечное и сиюминутное, по-особому трактуется в стихотворении Эмилии Чегринцевой, которому предпослан

эпиграф «Проклятый город Кишинев». На фоне живописного городского пейзажа возникает тема одиночества поэта.

И поэт покидает свой цоколь;
не касаясь земли башмаком,
он идет, как всегда, одинокий,
горевать в губернаторский дом.

И в змеином, зеленом объятье
виноградников и садов
от бессильных и давних проклятий
задыхается Кишинев. (Чегринцева 2006: 407).

Анатолий Штейгер, лето 1939 г. проведенный в селе Непоротово, написал замечательный цикл стихотворений «Бессарабия», образ которой воссоздан в элегической тональности, как будто вне современной ему действительности. «Две барышни в высоком шарабане, верхом за ними двое панычей», «дворянский дом на склоне у реки, студент с начала самого «вакаций», фруктовый сад, покосы, мужики», «мягкий профиль русского лица»... Мир «русской Бессарабии», в поэтическом сознании объединен воспоминанием о праздновании Рождества в родовом имении с Россией, кажется хрупким, эфемерным, непрочным. Историческое время напоминает о себе разговорами «про войну», неизбывной тревогой, «что двинется сейчас / по циферблату роковая стрелка... Уж двадцать лет она щадила нас» (Штейгер 2003: 171-173). Запечатленный поэтом лирический образ Бессарабии, который критиками порой расценивается, как «чудом сохранившийся», «музейный», имел прочные бытийные основания.

«Время идет, и вместе с ним уходит из Бессарабии Россия. Это надо сказать прямо и не тешить себя какими-либо иллюзиями». – говорилось в «Письме из Бессарабии», опубликованном в 1921 г. в парижском журнале «Современные записки» (Сотов 1921: 269). Жизнь это утверждение сильно

откорректировала. Духовные, культурные, бытовые традиции продолжали связывать русскую Бессарабию с ее прошлым. Об этом свидетельствуют не только литературные, но и множество документальных источников.

По целому ряду публикаций создается впечатление, будто Бессарабия осталась, не очутилась в другом государстве и не изменилось ее социально-политическое бытие. С одной стороны, это продиктовано спецификой литературного процесса, с другой - цензурными барьерами, с третьей – менталитетом эмиграции. Емкая формула эмигрантского восприятия отразилась в названии книги путешествий по странам Балтии журналист Андрей Седых - «Там, где была Россия» (Седых 1930). Бессарабия, как и другие лимитрофы, осознанно или неволью рассматривалась в контексте общего российского прошлого. В большинстве эмигрантских публикаций показательно отсутствует дистанция между автором и изображаемой средой; все кажется знакомым, легко узнаваемым.

Бывшая российская губерния притягивала русских эмигрантов из Западной Европы по многим причинам. Чувством единого «дыма отечества»... Как утверждал в статье о Бессарабии с «грибоедовским» эпиграфом, публицист и политик, главный редактор «Современных записок» Марк Вишняк, участь области между Прутом и Днестром – «наша собственная судьба и настроения русской Бессарабии – наши настроения» (^{xxx} 1927: 437). Большое значение имела географическая близость к родине, воплощенная в строках Вертинского «И российскую горькую землю / Узнаю я на том берегу» (Вертинский 1929: 2). Федора Шаляпина тянул Кишинев, «не только потому, что это так близко от Родины». Великого певца впечатлял «тихий уют» кишиневских домиков, «настоящие щи с вареным мясом», «дуги на извожничьих упряжках». После многих лет, проведенных на чужбине, мелочи, напоминавшие о прошлой жизни, стали особенно милыми сердцу.

Литературные тексты не стоит рассматривать в качестве абсолютно достоверной и полной картины Бессарабии межвоенных лет. Эмигрантская

литература, уделявшая преимущественное внимание сохранению дореволюционных культурных и духовных традиций, отмечала и фиксировала, прежде всего, знаки российского присутствия в крае, следы «русскости» в менее всего подверженной переменам бытовой культуре. Однако, какими бы пристрастными не были суждения живших или приезжавших в разное время и по различным поводам эмигрантов, в совокупности они отражают довольно устойчивый в основных характеристиках образ русской Бессарабии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертинский 1929 – Вертинский А. В степи молдаванской // Бессарабское слово. Кишинев, 1929, 24 июля, с. 2
2. ^{xxx}(Вишняк – Вишняк М.) Из бессарабских впечатлений // Современные записки. Париж, 1927, т. XXX, с. 409-438.
3. Добронравов 1920 - Добронравов Л. Из Петрограда в Бессарабию // Бессарабия. Кишинев, 1920, № 135, 19 июля.
4. Добронравов 1923 – Добронравов Л. Быт // Бессарабия, 1923, № 119, 4 июня, с. 2.
5. Добронравов 1925 – Добронравов Л. Незабвенное прошлое // Родная земля. Париж, 1925, № 30, 7 сентября, с.4.
6. Кнут – Кнут Д. Я помню тусклый кишиневский вечер // Парижские ночи. Париж, 1932.
7. Пильский – Пильский П. Леонид Добронравов // «Затуманившийся мир». Рига, 1929, С.87-92.
8. Северянин – Северянин И. Весна в Кишиневе // Стихотворения. М. 1990.
9. Седых 1930 – Седых А. Там, где была Россия. Париж, 1930.
10. Сотов – Сотов Л. Бессарабия и Россия (Письмо из Бессарабии) // Современные записки. Париж, 1921, т. V, с. 262-270.
11. Федоров – Федоров А. Кишиневские негативы // Наша речь, Бухарест, 1924, июль-октябрь.
12. Федоров – Федоров В. Окно в Европу // В поисках минувшего. (Автор-сост. В. П. Нечаев). М., 2011, с. 150-205.
13. Черкез Е. Жемчуг слез. Берлин, 1925.
14. Чегринцева Э. Лошадям и извозчикам снится // Скит. Прага 1922-1940. М. 2006.
15. Штейгер А. Бессарабия // В Россию ветром строчки занесенные. М., 2003, с.171-173.

REFERENCES

1. Vertinskiy A. *V stepi moldavanskoj* // Bessarabskoe slovo. Kishinev, 1929, 24. 06.
2. ^{xxx} Vishneyak M. *Iz bessarabskikh vpechatleniy* //Sovremennye zapiski. Parizh, 1927, no. XXX, pp. 409-438.
3. Dobronravov L. *Iz Petrograda v Bessarabiyu* // Bessarabiya. 1920, № 135, 19. 07.
4. Dobronravov L. *Byt* // Bessarabiya. 1920, № 119, 04.06.
5. Dobronravov L. *Nezabvennoe proshloe* Rodnaya zemleya. Parizh, 1925, № 30, 07. 09.
6. Knut D. *Ya pomnju tusklyj kishinevskiy vecher* // Parizhskie nochi. Parizh, 1932.
7. Pilskiy P. *Leonid Dobronravov* // Zatumanivshiysya mir. Riga, 1929, pp. 87-92.
8. Severyanin I. *Vesna v Kishineve* Stikhotvoreniya. Moskva, 1990.
9. Sedykh A. *Tam, gde byla Rossiya*. Parizh, 1930.
10. Sotov L. *Bessarabiya i Rossiya (Pis`mo iz Bessarabii)* //Sovremennye zapiski. Parizh, 1921, no.V, pp. 262-270.
11. Fedorov A. *Kishinevskie negativy* Nasha rech. Bukharest, 1924, july – okt.
12. Fedorov V. *Okno v Evropu* // V poiskakh minuvshego (Avtor-sost. V.P/ Nechaev). Moskva, 2011, pp.150-205.
13. Cherkes E. *Zhemchug slez*. Berlin, 1925.
14. Chegrintseva E. *Loshadeyam i izvozchikam snitsya* // Skit. Praga 1922-1940. Moskva, 2006.
15. Shteiger A. *Bessarabiya* // V Rossiyu vetrom strochki zanesennye. Moskva, 2003, pp. 171-173.

И.И. Кауненко

доктор психологии, конференциар,
ст. н. с. Института культурного наследия АН Молдовы,
г. Кишинёв, Республика Молдова

I. Caunenco

Doctor of Psychology, Conference,
s. n. s. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova,
Chisinau, Republic of Moldova

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ЭТНИЧЕСКИМИ МЕНЬШИНСТВАМИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются результаты эмпирического исследования отношения ко времени у этнических меньшинств – русских, гагаузов, болгар, украинцев. У всех этнических групп доминирует позитивное восприятие времени. Однако, у группы гагаузов наибольшая выраженность нейтрального отношения ко времени, в сравнении с другими этническими группами. Анализ профилей временных установок у этнических выявил особенные и общие характеристики такие как: открытое, стремительное, важное, тяжёлое, угрожающее.

Ключевые слова: установка отношения ко времени, этническая группа, этническая идентичность, этнические меньшинства, настоящее время, временная перспектива.

TIME PERCEPTION BY ETHNIC MINORITIES OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Abstracts. The article analyses results of the empirical research of time perception among representatives of ethnic minorities – Russians, Bulgarians, Gagauz and Ukrainians. All the ethnic groups have a predominantly positive time perception. However, Gagauz have the most pronounced neutral time perception in comparison to the other ethnic groups. Profile of time attitudes has common and specific characteristics, such as open, fast moving, important, hard, and threatening.

Key words: attitude toward time, ethnic group, ethnic identity, ethnic minorities, present time, time perspective.

В период радикальных общественных изменений, проблема понимания трансформации социальных объектов, вектора направленности общества становится особенно актуальна. Осознание времени своего существования

помогает человеку ориентироваться в мире, адекватно действовать в нём, и успешно усваивать стандарты времени (Андреева 2000: 191). Исследования проблемы отношения ко времени изучаются на социетальном уровне (Образ мира как, как элемент образа мира), групповом (коллективная память), межличностном (межличностные конфликты по поводу времени), внутриличностном (роль автобиографической памяти).

Среди факторов, формирования группового отношения к времени выделяют: личностные, межличностные, групповые, межгрупповые, социальные, ситуационные (Нестик 2014: 110). Так как нами в течении ряда лет исследуется идентичность у разных этнических групп, то для нас представляет интерес влияние восприятия времени на этноидентификационные процессы, а так же влияние этнической идентичности на временной аспект.

В исследованиях Т.А. Нестика было выявлено, что этническая идентичность существенно влияет на тип групповой временной перспективы. В его исследовании было установлено, что среди русских преобладают «негативный» и «мечтательный» типы, тогда как среди татар больше представлены «позитивный», «ностальгический», «прогрессивный». Это может объясняться, по мнению Т.А. Нестика, культурным и региональными особенностями респондентов (Нестик 2014: 409).

Проблеме отношения ко времени в группах посвящены исследования Т.П. Емельяновой. Исследовательница рассматривает социальные представления как механизм объяснения исторических событий в контексте групповой жизни, поддержания групповой идентичности. В своих исследованиях она исходила из того, что коллективная память существует в форме устойчивых образов исторических событий (в стабильной общественной ситуации), в форме социальных представлений о событиях истории (в случае, если они востребованы в актуальной политической или экономической ситуации и подвергаются трансформации).

Социальные представления позволяют интерпретировать социальную информацию, и являются логичными объяснениями исторических событий в контексте групповой жизни, поддерживают групповую идентичность (Емельянова 2006: 160). Исследовательница подчёркивает значимость изучения отношения социальной группы к своему прошлому (коллективной памяти) для более глубокого понимания процессов социальных изменений.

Группой исследователей из Франции, США, России был изучен феномен временной перспективы в различных культурах. Временную перспективу данные исследователи определяют как «фундаментальный и неосознаваемый процесс, с помощью которого общественный и индивидуальный опыт соотносятся с временными категориями, что позволяет придать смысл и связность прожитому опыту» (Zimbardo P.G., Boyd J.N.цит.по Сырцова и др.2007, 20). Ф.Зимбардо разработал конструкт временной перспективы, который включает ориентацию не только на будущее, но и на прошлое, настоящее, так как чрезмерная концентрация на одном из времён определяется таким факторам, как культура, образование, религия, принадлежность к социальному классу.

Исследователи отмечают, что предпочтение определённой временной ориентации, в значительной мере определяется страной проживания (национальной идентификацией). В некоторых обществах (например, западное) поощряют ценность автономии и будущего, а в других культурах поддерживается ориентация на прошлое. Так, например, исследования выявили, что у американцев будущее «длиннее», что объясняется развитием в США современных технологий, медицины, которые позволяют увеличить продолжительность жизни (Сырцова и др, 2007. с.20). Исследователи отмечают общую тенденцию для всех стран: с возрастом снижается роль фактора «Гедонистическое настоящее». Проходит время различных опытов и экспериментов, возрастает роль ориентации на будущее – мыслей, действий в профессиональной сфере, в плане создания семьи т д. (Сырцова и др., 2007: 19-31).

Итак, в условиях непрерывных изменений личность, различные группы, общество нуждаются, нуждаются в способах овладения своим временем (Нестик 2014: 8).

Целью нашего исследования было изучение восприятия времени представителями этнических меньшинств – русских, украинцев, гагаузов, болгар. Мы стремились выявить *общее* и *отличительное* в восприятии времени у исследуемых этнических групп.

Так, например, исследование социальных аксиом у титульного этноса (молдаван) и этнических меньшинств (украинцев, русских, болгар, гагаузов) не выявило межкультурных различий в степени выраженности тех или иных аксиом (Социальный цинизм, Награда за усилия, Религиозность, Контроль над судьбой). За границы средних значений выходил показатель блока «Контроль над судьбой» у респондентов всех исследуемых этнических групп. Эти результаты позволяют предположить, что респонденты, независимо, от этнической принадлежности разделяют верования о том, что многое в жизни человека предопределено судьбой, т.е. подвержены идее фатализма.

Мы высказали предположение, что в области верований, ожиданий доминирует региональный культурный конструкт, который был выработан в течение длительного, векового совместного проживания данных этнических групп. В нашем регионе сформировался устойчивый *поликультурный системный конструкт*, который, несмотря на ситуативные влияния (например – трудовая миграция, интенсификация межкультурных контактов) остаётся устойчивым (Кауненко 2017: 224-225).

Обратимся к результатам эмпирического исследования восприятия времени респондентами этнических групп.

Под *групповым отношением* ко времени мы понимаем особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени, которые характерны для членов определённой социальной группы (Нестик 2014: 10).

Для исследования отношения ко времени нами была применена методика Шкала временных установок (ШВУ) Ж. Нюттена (Нюттен 2004:

446-456) Данной методикой исследуется субъективная установка по отношению к временным измерениям – прошлому, настоящему и будущему, их содержанию. В нашем исследовании мы изучали отношение к «настоящему» времени.

Характеристика выборки: возрастной диапазон 25-57 лет; этнические группы – русские, украинцы, гагаузы, болгары. Всего респондентов -152; период исследования - 2016 г. Период исследования *май-сентябрь 2016 г.* Регионы исследования – г. Кишинёв, АТО Гагаузия – Комрат, с.Кирсово.; г.Твардица; Рышканский район с.Малиновское; Кагульский район с.Лучешты; г.Сынжерей.

Результаты эмпирического исследования.

У группы *гагаузов* доминирует положительная установка в восприятии настоящего времени – 47%, однако она наименее выражена в сравнении с другими этническими группами - *русскими* (67%), *украинцами* (50%), *болгарами* (70%). У группы *гагаузов* (43%) украинцев более выражено нейтральное отношение ко времени – в сравнении с *русскими* (18%) и *болгарами* (19%). Наименее выражено негативное отношение ко времени у всех этнических групп - у *русских* – 15%, *болгар* – 11%; *гагаузов* – 10%; *украинцев* -8%.

Наиболее положительно воспринимают «настоящее» время группы *русских, болгар, несколько меньше – гагаузы.* Видимо, этническая группа гагаузы, как группа большинства, в силу их статуса, более критично рефлексируют социокультурные изменения в обществе. У групп – *гагаузов, украинцев* наиболее выражены нейтральные установки по восприятию «настоящего» времени.

Следующим этапом нашего исследования, был анализ содержательного аспекта временных установок восприятия «настоящего» времени у этнических групп.

У группы *гагаузов* доминируют следующие характеристики «настоящего» времени как - важное, стремительное, полное надежд,

прекрасное, знакомое; из негативных такие характеристики как: тяжёлое, угрожающее. Характеристики настоящего времени – краткое, определяемое извне, пассивное ожидание, закрытое, приятное - у группы гагаузов наиболее «расщеплены». По данным характеристикам восприятия «настоящего» времени респонденты *гагаузы* наиболее неопределенны. Восприятие настоящего времени группой *гагаузов* характеризуется как стремительное, полное надежд, прекрасное, в то же время как угрожающее, тяжелое.

Группа *русских* воспринимает настоящее время как – полное, интересное, стремительное, открытое, знакомое, постоянно меняющееся, важное, успешное (завершённое). Из негативных характеристик в восприятии времени у группы *русских* выявлены такие как – тяжёлое, краткое. Наиболее неопределёнными отношения к «настоящему» времени у группы *русских* по следующим характеристикам – привлекательно-угрожающее, моё личное-определяемое извне, тёплое –холодное, отдалённое–близкое, приятное-неприятное. Таким образом, группа *русских* воспринимает «настоящее» время как полное, интересное, стремительное, открытое, знакомое, постоянно меняющееся, важное, успешное (завершённое), но в то же время как - тяжёлое, краткое.

Группа *болгар* воспринимает «настоящее» время как – постоянно меняющееся, приятное, полное, прекрасное, моё личное, важное, стремительное, полное надежд, приятное, интересное. Из отрицательных характеристик – тяжёлое. По следующим характеристикам восприятия «настоящего» времени группа болгар распадается на подгруппы – лёгкое-тяжёлое, тёплое-холодное, завершённое-разочаровывающее, долгое-краткое, привлекательное-угрожающее.

Итак, у группы *болгар* «настоящее» время воспринимается как постоянно меняющееся, приятное, полное, важное, прекрасное, моё личное, стремительное, полное надежд, приятное, интересное, но и тяжёлое.

Украинцы воспринимают «настоящее» время как – открытое, важное, стремительное, прекрасное, полное, постоянно меняющееся, полное надежд.

Из негативных характеристик – тяжёлое, холодное. Относительно следующих характеристик респонденты украинцы распадаются на подгруппы – теплое-холодное, привлекательное- угрожающее, долгое – краткое, завершённое-разочаровывающее, успешное-неудачное, личное-определяемое извне. Как можно видеть, группа украинцев в целом воспринимает время положительно, однако так же разделено относительно успешности-неуспешности во времени, личного-определяемого извне.

В нашем эмпирическом исследовании было выявлено, что у всех этнических групп доминирует в целом позитивное восприятие «настоящего» времени, либо нейтральное. У гагаузов, в силу их статуса, группы большинства в АТО Гагаузия, возможно, более высокие ожидания от социальных изменений, происходящих в обществе, и в силу противоречивости данных процессов, порождает нейтральное отношение к «настоящему» времени. Для групп этнических меньшинств «настоящее» время воспринимается как постоянно меняющееся, открытое, стремительное, важное, и в то же время тяжёлое, угрожающее.

Переживаемое сегодня время «обостряет внимание личности к временным аспектам своей групповой идентичности, заставляет задуматься о прошлом и будущем», а мы добавим и настоящим, «тех социальных групп, к которым мы себя относим» (Нестик 2014: .7).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000
2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2006.
3. Кауненко И. Особенности восприятия этническими группами этнокультурных изменений в трансформирующемся обществе. // "Știință, educație, cultură", conferința științifico-practică internațională [în 2 vol.] / Комрат: Комратский государственный университет, 2017, pp. 224 -225

4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего //Под ред. Д.А.Леонтьева. М: Смысл, 2004
5. Сырцова А., Митина О.В., Бойд Дж., Давыдова И.С., Зимбардо Ф., Непряхо Т.Л., Никитина Е.А., Семенова Н.С., Фьелен Н., Ясная В.А. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ЗТПИ) // Культурно-историческая психология №4 2007, с.19-31

REFERENSES

1. Andreeva G.M. Psihologiya social'nogo poznaniya. M.: Aspekt Press, 2000
2. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye social'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. M.: Izd-vo «Instituta psihologii RAN», 2006.
3. Kaunenko I. Osobennosti vospriyatiya etnicheskimi gruppami etnokul'turnykh izmenenii v transformiruyushemsya obshchestve. // "Psihologiya, obrazovanie, kul'tura", konferentsiya "Psihologiya i praktika" [2 vol.] / Komrat: Komratskii gosudarstvennyi universitet, 2017, pp. 224 -225
4. Nyutten Zh. Motivatsiya, deistvie i perspektivy budushego //Pod red. D.A. Leont'eva. M: Smysl, 2004
5. Syrcova A., Mitina O.V., Boid Dzh., Davydova I.S., Zimbardo F., Nepryaho T.L., Nikitina E.A., Semenova N.S., F'elen N., Yasnaya V.A. Fenomen vremennoi perspektivy v raznykh kul'turah (po materialam issledovaniy s pomosh'yu metodiki ZTPI) // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya 4 2007, s.19-31

С.С. Рябцева,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института
культурного наследия АН Молдовы, Кишинев
S.S. Ryabceva,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Cultural Nation of
the Academy of Sciences of Moldova, Chisinau

«ПЛЕМЕННЫЕ» ИЛИ «ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ» УБОРЫ? К ВОПРОСУ О ЮВЕЛИРНЫХ «ПРОВИНЦИЯХ» ДРЕВНЕЙ РУСИ

Резюме. В статье рассматривается терминологическая ситуация, возникшая с определением характера ювелирных уборов, характерных для рядовых сельских некрополей Древней Руси. На основе анализа письменных и археологических источников, автор приходит к выводу, что наиболее адекватно отражает ситуацию, сложившуюся на период X–XIII вв. наименование «территориальные» уборы.

Ключевые слова: Древняя Русь, племена, клады, города, некрополи, ювелирные уборы.

«BREED» OR «TERRITORIAL» CROPS? TO THE QUESTION OF JEWELRY "PROVINCES" OF ANCIENT RUSSIA

Summary. The article deals with the terminological situation that arose with the definition of the specific of jewelry dresses, characteristic for the ordinary rural necropolis of Old Rus'. Based on the analysis of written and archaeological sources, the author comes to the conclusion that the term "territorial" dresses the most adequately reflects the situation of X–XIII centuries.

Key words: Old Rus', tribes, treasures, cities, necropolises, jewelry dresses.

О сложении древнерусского ювелирного убора мы можем говорить применительно к концу IX века. Необходимо отметить достаточно значительное отличие в составе наборов ювелирных украшений, которое нам демонстрируют разные типы археологических памятников.

Так **клады** вводят в нас в мир элитарных древностей, убора знати. Традиционно выделяется четыре основные типологические группы кладов.

- 1) IX – рубеж IX-X вв.;
- 2) вторая половина X – рубеж X-XI вв.;
- 3) XI – начало XII вв.;

4) 70-е годы XII в. - 1240 гг. (Корзухина 1954, с. 29-150).

В основном в кладах представлены украшения, выполненные из драгоценных металлов, декорированных в высоких ювелирных техниках. Так для второй группы, характерны изделия украшенные сканью и зернью. Среди них многие образцы находят аналоги и прототипы в западнославянских древностях, в том числе в памятниках Великой Моравии. Характерны для этого периода и находки скандинавских по происхождению украшений, а также изделий, выполненных на Руси под непосредственным скандинавским влиянием. В кладах конца XI – XIII вв. представлены уже совсем другие типы изделий. Этот убор возникает под непосредственным византийским влиянием и характеризуется обильным использованием в декоре таких трудоемких техник, перегородчатая эмаль и чернь. Очень быстро, древнерусские мастера налаживают свое производство подобных украшений, при этом они вырабатывают как свои технологические решения, так и излюбленные особенности декора. Клады демонстрируют в основном элитарную городскую культуру княжеско-боярской элиты (Рыбаков 1948; Корзухина 1954: 29-150; Рябцева 2005: 75-271; Макарова, Жилина 2008; Жилина 2010). Украшения, характерные для сельских некрополей определенных территорий Древней Руси в кладах встречаются редко, но при этом, вещи, типичные для кладов иногда попадают и в сельские погребения.

Следующий пласт древностей – **материалы городищенских и городских слоев**. Здесь встречаются, как типы украшения, уже знакомые по кладам, но, зачастую изготовленные в более простых техниках и из менее дорогостоящих металлов, так и целые серии специфических «городских» украшений, не нашедших столь яркого отражения в кладах. Кроме того представлены и вещи, характерные для сельских памятников (причем, некоторые из них, по всей видимости, как и изготавливались в городах для сельской округи) (Рыбаков 1948, Седова 1981, Рындина 1963, Лесман 1998).

Основное же внимание мы уделим в данной работе третьей группе древностей - **региональным местным уборам** (известным нам в основном

по материалам **сельских некрополей и рядовых поселений**), за которыми исторически закрепилось название «**племенные**», при рассмотрении которых нельзя не коснуться проблемы географической и культурной идентификации летописных восточнославянских племен. Ведь до сих пор «жив» и активно эксплуатируется историографический «старожил» — идея о специфических племенных украшениях этнографических групп славян Восточной Европы.

Существует ли подобная проблема? Безусловно, да. В какой-то степени ее возникновением мы обязаны и самому редактору-составителю «Повести временных лет», который попытался ответить на вопрос, где проживали в древнейший период славянские племена, составившие ядро древнерусской народности. Можно как угодно объяснять противоречивость информации в отношении описания расселения некоторых упомянутых Нестором племен, однако сама по себе она является фактом, с которым необходимо считаться всем исследователям.

Можно привести пример. В отношении улочей, исходя из данных, представляемых недатированной частью ПВЛ по разным летописным спискам, можно полагать, что они жили: а) по Днестру и до Дуная; б) по Днестру и по Бугу; в) по Бугу и Днепру. Возникает следующая ситуация. Каждому фрагменту информации, предоставляемой тем или иным летописным сообщением, исследователями вольно или невольно придается смысл «законченной» полной информации. И когда вроде бы «законченные» и «самодостаточные» фрагменты информации противоречили друг другу, исследователь вольно или невольно становился в защиту того или иного фрагмента и идеи, которая из этого фрагмента вытекала. Если сообщение одной летописи говорило, что улочы жили по Днестру, а другой, предположим по Бугу и Днепру, то исследователи, как правило, считали данные одного из этих сообщений ошибочным (Шахматов 1919: 30; Седов 1982: 129).

Возникает далеко не риторический вопрос: если достоверно только одно из двух противоречивых сведений о племени «А», то насколько мы

можем быть уверены в достоверности единственного сообщения о племени «Б»? Мы же допускаем, что до нас дошли не все существовавшие летописные списки. Авторы склонны скорее говорить, что сведения источников противоречат друг другу, а не дополняют друг друга. А ведь тот или иной фрагмент информации, предоставляемый источником, несмотря на противоречивость и несовпадение с данными другого, может отражать реально существовавшие представления и знания. Точно так же зачастую противоречивы описания двух свидетелей подробностей одного и того же происшествия. В поисках одной, «единственно правильной», исторической достоверности легче было отнестись с недоверием к источнику, чем объяснить кажущиеся или реальные противоречия в его информации. Ведь не во всех же случаях мы имеем дело с явными описками переписчиков. К счастью, в исследованиях последних лет наметился процесс преодоления издержек подобного подхода к анализу сведений письменных источников, в том числе и летописей.

Для нас очень важно выявить реальные географические представления летописцев о расселении славянских племен Восточной Европы, тем более, если они со временем претерпевали изменение. Тот или иной стиль или своеобразный специфический узор украшений жестко привязан территориально и хронологически, как это выходит из гипотезы их племенной принадлежности Спицыну (Спицын 1899: 301-340), и, выписывая ему «этнический паспорт» одного и только одного из летописных племен, мы должны четко осознавать неполноту, а то и противоречивость летописных сведений о географическом размещении упомянутых народов и племен.

С проблемой географической идентификации летописных племен связана и проблема их культурной идентификации. Какие древности какому племени принадлежали? Это тот вопрос, который задавали археологи еще во второй половине XIX в., когда на восточнославянской территории стали активно вестись раскопки курганов — погребальных памятников X–XIV вв. Со временем исследователям, в частности А.А. Спицыну (Спицын 1899: 301-

340), удалось выявить локальные особенности погребальной обрядности и специфические наборы женских украшений, среди которых наиболее показательными являются так называемые височные кольца. «В собственно русских древностях (главным образом XI в.) намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древнерусских племен. Географическое положение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен» (Спицын 1899: 338). Работа А.А. Спицына дала толчок к изучению этнических и археологических особенностей «племенных» культур. В русле этого направления появляются в 30-40-х гг. первые археологические монографии, посвященные отдельным восточнославянским племенам (Арциховский 1930; Третьяков 1941).

Практически одновременно с эйфорией от возможности археологического выделения древностей тех или иных племен, а вместе с ними и «племенных уборов» в историографии стали возникать и сомнения по этому поводу. Например, уже в 1938 г. П.Н. Третьяков выразил недоверие к возможности использовать древнерусские курганные материалы для идентификации летописных племен. В качестве примера он приводит ситуацию с древностями вятичей, где специфические «вятичские» украшения появляются в XII в., в период распада племен. Территориальные различия женских украшений в курганах XI–XIV вв. автор объяснял тяготением населения к определенным экономическим феодальным центрам Руси (Третьяков 1937: 34-51). Основным оппонентом П.Н. Третьякова — А.В. Арциховский, выступивший в «защиту летописей и курганов» (Арциховский 1937: 53-61), считал, что «племенные типы украшений оказались более живучими, чем племенное имя» (Арциховский 1930, с. 151). Иной взгляд на эту проблему высказывал М.И. Артамонов: «Географические обозначения племен свидетельствуют, очевидно, о том, что летописные племена не были, конечно, племенами в собственном смысле этого слова. Это были,

безусловно, территориальные объединения» (Артамонов 1990: 275). Под территориальными объединениями автор понимал княжения.

В настоящее время наиболее распространенной все же является точка зрения, опирающаяся на построения А.А. Спицына. Вот что пишет В.В. Седов в 1982 г.: «теперь представляется несомненным, что женские височные украшения восточных славян могут служить надежным этноплеменным признаком...» (Седов 1982: 6). Однако, такой традиционный подход при его абсолютизации не учитывает факта родственности многих славянских племен раннего средневековья, их совместного «дунайского прошлого», миграций славянских народов, в том числе и непосредственно уже на территории Восточной Европы.

Многие ли летописные племена из известных Нестору (он упоминает 13) «владеют» специфическими, наглядными для современных археологов украшениями? При самых оптимистических подсчетах их гораздо меньше половины. То же самое касается и локальных особенностей погребального обряда и другого вещевого материала в погребениях. С большими сложностями в вопросе о территориальных границах и этнической принадлежности встречаются исследователи при попытке разделить и расписать по «национальным квартирам» погребальные памятники древлян, волынян, уличей, тиверцев и т.д. (Тимофеев 1961).

И такие проблемы возникают не только в атрибуции погребальных памятников, но и в целом восточнославянских древностей. Например, огромный культурный мир древностей Лука-Райковецкой культуры (конец VII – середина X вв.) предстает достаточно единообразным, хотя мы точно знаем целый ряд летописных племен (волыняне, древляне, дреговичи, поляне), живших в ее ареале. О каком этноспецифическом ювелирном уборе для юго-западных и западных племен может идти речь, когда мы не знаем, ни исходя из сообщений летописей, ни из данных археологии, где территориально проходила граница между тиверцами и уличами, между уличами и волынянами, между волынянами и древлянами, где вообще могли

разместиться (вернее, поместиться) поляне, исходя из сведений Нестора и Константина Багрянородного?

Возможно, несколько проще обстоит дело с древностями Днепровского Левобережья, если рассматривать как «племенные» северянские древности роменской культуры. Распространившиеся же с XI в. древности «носителей спиралевидных колец» уже являются древнерусскими, территориально совпадающими с землей северян (Григорьев 2000: 139). В это же время складываются «этноопределяющие» украшения радимичей, еще позже — вятичей, значит, это тоже не племенные, а древнерусские уборы.

О том, что височные кольца не были жестко привязаны к определенному племени, свидетельствуют и материалы комбинированных уборов. Если считать височные кольца своеобразной племенной «визитной карточкой», то как тогда объяснить сочетание в составе одного погребального убора (например, кург. у с. Бочарова в бас. р. Угры) лопастных («радимичи»), браслетообразных завязанных («кривичи») и ромбоштитковых колец (словене») (Левашова 1967, рис. 6, б). Еще осторожнее надо подходить к определению этнической принадлежности украшений, находимых в городских слоях.

Таким образом, термин «**племенной убор**» корректнее соотносить с культурами раннего времени — роменская, лука-райковецкая, длинные курганы (конец VII – середина X вв.). Уборы же X–XIII вв., выявляемые по материалам захоронений, определять как **территориальные**, характерные для отдельных княжений, а затем — областей древнерусского государства, не всегда совпадающих с границами расселения летописных племен. В то же время соотношение определенных типов украшений из погребальных комплексов с летописными племенами в литературе стало уже общим местом. Поэтому, для избежания терминологической путаницы, можно говорить об украшениях, характерных для **ареала расселения летописных племен**. Таким образом, «этническое» наименование убора может характеризовать не этническую его принадлежность, а территориальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский 1930 – Арциховский А.В. Курганы вятичей. Москва, 1930.
2. Арциховский 1937 – Арциховский А.В.. В защиту летописей и курганов // СА. IV. 1937, С. 54-61.
3. Артамонов 1990 – Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. №3. 1990, С. 271-290.
4. Григорьев 2000 – Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений Роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50-56.
5. Жилина 2010 – Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. Москва, 2010.
6. Корзухина 1954 – Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. Москва-Ленинград, 1954.
7. Лесман 1998 – Лесман Ю.М. Эволюция ювелирных изделий Древнего Новгорода // Своя и чужая культура. СПб., 1998, С. 106-115.
8. Макарова, Жилина 2008 – Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. Москва, 2008.
9. Рыбаков 1948 – Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. Москва, 1948.
10. Рындина 1963 – Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА 117, Москва, 1963, С. 200-268.
11. Рябцева 2005 – Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб, 2005.
12. Седов 1982 – Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. Москва, 1982.
13. Седова 1981 – Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва, 1981.
14. Спицын 1899 – Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб., 1899, С. 301-340.
15. Тимофеев 1961 – Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточнославянских племен по материалам могильников X–XIII вв. // СА. №3. 1961, С. 56-75.
16. Третьяков 1937 – Третьяков П.Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. . IV. 1937. С. 33-51.
17. Третьяков 1941 – Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тыс. н.э. МИА V. Москва, 1941.
18. Шахматов 1919 – Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919.

REFERENCES

1. Arcihovskij 1930 – Arcihovskij A.V. Kurgany vyatichej. Moskva, 1930.
2. Arcihovskij 1937 – Arcihovskij A.V.. V zashchitu letopisej i kurganov // SA. IV. 1937, S. 54-61.
3. Artamonov 1990 – Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshchenii // SA. №3. 1990, S. 271-290.
4. Grigor'ev 2000 – Grigor'ev A.V. Nekotorye zamechaniya po povodu ukrashenij Romenskoj kul'tury // Problemy arheologii Yuzhnoj Rusi. Kiev, 1990. S. 50-56.
5. Zhilina 2010 – Zhilina N.V. Zern' i skan' Drevnej Rusi. Moskva, 2010.
6. Korzuhina 1954 – Korzuhina G.F. Russkie klady IX–XIII vv. Moskva-Leningrad, 1954.
7. Lesman 1998 – Lesman YU.M. EHvolyuciya yuvelirnyh izdelij Drevnego Novgoroda // Svoya i chuzhaya kul'tura. SPb., 1998, S. 106-115.
8. Makarova, Zhilina 2008 – Zhilina N.V., Makarova T.I. Drevnerusskij dragocennyj ubor – splav vliyanij i tradicij IX–XIII vv. Hudozhestvennye stili i remeslennye shkoly. Moskva, 2008.
9. Rybakov 1948 – Rybakov B.A. Remeslo Drevnej Rusi. Moskva, 1948.
10. Ryndina 1963 – Ryndina N.V. Tekhnologiya proizvodstva novgorodskih yuvelirov X–XV vv. // MIA 117, Moskva, 1963, S. 200-268.
11. Ryabceva 2005 – Ryabceva S.S. Drevnerusskij yuvelirnyj ubor. Osnovnye tendencii formirovaniya. SPb, 2005.
12. Sedov 1982 – Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. Arheologiya SSSR. Moskva, 1982.
13. Sedova 1981 – Sedova M.V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.). Moskva, 1981.
14. Spicyn 1899 – Spicyn A.A. Rasselenie drevnerusskikh plemen po arheologicheskim dannym // ZHMNP. SPb., 1899, S. 301-340.
15. Timofeev 1961 – Timofeev E.I. Rasselenie yugo-zapadnoj gruppy vostochnoslavyanskikh plemen po materialam mogil'nikov X–XIII vv. // SA. №3. 1961, S. 56-75.
16. Tret'yakov 1937 – Tret'yakov P.N. Rasselenie drevnerusskikh plemen po arheologicheskim dannym // SA. . IV. 1937. S. 33-51.
17. Tret'yakov 1941 – Tret'yakov P.N. K istorii plemen Verhnego Povolzh'ya v pervom tys. n.eh. MIA V. Moskva, 1941.
18. Shahmatov 1919 – Shahmatov A.A. Drevnejshie sud'by russkogo plemeni. Petrograd, 1919.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения, СПб.
МИА – Материалы и Исследования по Археологии, Москва.
СА – Советская археология, Москва.

С.Я. Романова,
научный сотрудник Центра науки и культуры им. М.В. Маруневич АТО
Гагаузия «Гагауз-Ери» г. Комрат, Республика Молдова

S.Ya. Romanova,
scientific employee of the Center for Science and Culture. M.V. Marunevich
ATU Gagauzia «Gagauz-Yeri», Comrat, Republic of Moldova

Сегодня в современном мире невозможно представить себе человека и без гражданской, этнической, этнонациональной или гражданско-национальной идентичности.

ПРОВИНЦИАЛИЗМ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОХРАНЕНИЯ САМОБЫТНОСТИ ГАГАУЗОВ

Аннотация: В условиях глобализации велика угроза утраты идентичности у малых народов, их этнической культуры. Зачастую именно провинциализм как самобытность, этичность и культурность позволяют сохранить и передать новому поколению язык, обычаи, традиции, нормы и составляющие этнической культуры.

Ключевые слова: провинциализм, идентичность, самобытность, гагаузы.

PROVINCIALISM AS ONE OF THE FACTORS OF PRESERVATION OF THE GAGAINS 'SELF-

Abstract: In the context of globalization is a great threat of loss of identity of small peoples, of their ethnic culture. Often provincialism as identity, ethics and culture allow you to save and give the new generation the language, customs, traditions, norms and components of ethnic culture.

keywords: Provincialism, identity, identity, gagauz.

В современном обществе усиливаются процессы глобализации, стимулирующие региональную интеграцию. Происходят преобразования как естественноисторические, возникающие и развивающиеся независимо от замыслов и желаний индивидуально или коллективно действующих лиц, так

и под воздействием сознательных усилий и через проявление политической воли.

Процессы глобализации и региональной интеграции развиваются неравномерно по странам и отраслям. В бедных странах и регионах – перифериях медленнее протекают процессы глобализации, но значительно острее протекает как межнациональное, так и межрегиональное соперничество, так как в глобальной конкуренции им не пробиться через монополистические мотивы.

Мы знаем, что глобализация процесс естественный, изначально неравномерна и нерациональна, поэтому некоторые государства и социальные группы из этих процессов выпадают полностью или полностью поглощаются более сильными и развитыми.

На протяжении многих лет гагаузы, проживающие на стыке культурных провинций, прилагали немало усилий, чтоб сохранить самобытность и идти в ногу со временем.

Так в рамках русской революции 1905-1907 гг. в селе Комрат сформировалась группа революционеров под руководством П. Николаева, А. Галацана, И. Болфосова, которые проводили агитацию, призывая гагаузских крестьян сплотиться в борьбе за свои права. Печатали и распространяли прокламации с воззваниями к захвату земли. На проводимых в Комрате митингах призывали к свержению самодержавия. Власти арестовали Галацана. Его арест стал последней каплей, переполнившей терпение комратских крестьян. Собравшись 6 января 1906 года на митинг, комратчане решили арестовать представителей местной власти. Крестьяне прогнали помещика, связали и посадили под замок местного урядника, судью и пристава.

В монографии «Комратская республика 1906» доктор истории Н.Х. Туфар писал: «Восставшие жители Комрата вооружились кремневыми ружьями и вилами, и провозгласили Комратскую республику. Для управления селом был избран Совет во главе с Галацаном, освобожденным восставшими.

Газета «Русское слово» тогда писала: «Десятитысячное селение Комрат... в руках восставших. Объявлена автономия, власти низложены. Драгуны бессильны». Восставшие комратские крестьяне уже начали было делить помещичью землю, но драгуны оказались сильнее. Они разбили сооруженные комратчанами баррикады, согнали восставших на площадь, и избili их нагайками. Десятки крестьян погибли под пулями драгун, сотни, в том числе и руководитель восстания Андрей Галацан, были заключены в тюрьмы и отправлены на каторгу» (Туфар 2016).

Несмотря на то, что очагом восстания был Комрат, участие в создании Комратской Республики приняли не только комратчане, но и многие жители мест с компактным проживанием гагаузов, болгар и не только. Фамилии руководителей подполья говорят сами за себя: Галацан, Болфосов, Николаев и т.д.

Гагаузский народ шёл к этому событию, закаливая себя и вырабатывая силу воли, и мужество в своём характере, и когда произвол царского режима возмутил народ до крайности, он противостоял этому режиму. Лучше умереть стоя, чем всю жизнь на коленях - таким был один из девизов наших предков-гагаузов. Ради свободы своих идей: веры, обычаев, традиций, сохранения языка и культуры, православия, гагаузский народ оставил райские места Добруджи и переселился в знойные рискованные места земледелия – Буджакские степи.

Комратская Республика просуществовала по одним источникам шесть дней, по другим - восемь и, несмотря на то, что Комратское восстание было подавлено, оно имеет огромное значение для народа Гагаузии, как символ свободолюбия и непримиримости к несправедливости (Туфар 2016).

После вхождения Бессарабии в состав Румынского королевства жители региона Буджак: гагаузы, болгары и другие народы воспротивились установленному режиму. В условиях жесточайшей националистической дискриминации местного населения, и, прежде всего, гагаузов, румынскими властями в эти тяжелейшие годы, разумеется не могло быть и речи о

восстановлении гагаузами своего права называться самобытным народом, уже не говоря о возможности реализовать свое право на самоопределение, на развитие своей письменности и своей национальной культуры (Mitiglo 2010).

В крае разворачивается партизанская борьба. В 1921-1924 гг. вооруженные отряды выводили из строя телеграфные и телефонные линии, нападали на жандармские посты и местные органы власти. Они действовали под руководством Бессарабского обкома, который подчинялся РКП(б), а с 1922 г. временно был объединен с Коммунистической партией Румынии.

Руководители подпольных коммунистических организаций Л. Ключников, П. Ткаченко, М. Шишман и др. начали готовить масштабное вооруженное выступление, чтобы показать миру, что население Бессарабии не мирится с оккупационным режимом. Центром восстания были избраны Татарбунары. После нескольких месяцев подготовки, в ночь на 16 сентября 1924 г. коммунисты создали ревком в составе Л. Ключникова, И. Батишева, М. Лисового, Л. Цуркана и Г. Черненка. Власть в Татарбунарах после уничтожения жандармского поста перешла в руки ревкома. Во все окрестные села пошли приказы подниматься на борьбу. Повстанцы двинулись с Татарбунар и вскоре захватили Акмантит (Белолесье), Нерушай, Чичма, Фурманка, Китай (Червоный Яр), Карамахмеда (Шевченково) и десятки более мелких населенных пунктов Аккерманского, Измаильского частично Бендерского и Кагульского уездов. Недовольные грабительской аграрной реформой 1921 г. и политикой румынизации, встревоженные засухой 1924 г., которая угрожала голоданием, крестьяне без уговоров поднимались на борьбу с местной властью.

Общее количество восставших оценивалась цифрой от 4 до 6 тыс. человек. Национальный состав повстанцев был довольно пестрый - украинцы, молдаване, болгары, гагаузы. Власть поддерживали только немцы-колонисты.

Румынское правительство направило против восставших регулярную армию - 10 пехотных полков, артиллерию, даже Дунайскую военную флотилию. 18 сентября силы повстанцев были рассеяны. В некоторых населенных пунктах повстанцы сопротивлялись до 22 сентября, напрасно надеясь на помощь из-за Днестра. В ходе боев погибли или попали в плен и были немедленно расстреляны без суда и следствия сотни восставших. После подавления восстания полтысячи его участников были заключенные (Джумыга 2013).

В 1925 г. за стенами Кишиневской тюрьмы начался "процесс 500". Коминтерн поднял на защиту участников восстания представителей мировой общественности, которые придерживались левых взглядов - Л.Арагона, А. Барбюса, Т. Драйзера, Т. Манна, З. Неэдли, Е. Синклера, Б. Шоу, даже Л. Ейнштейна. Однако большинство обжалованных (386 человек) была осуждена, некоторые - к каторжным работам. Судебные процессы над татарбунарцами продолжались до 1929 г. (Татарбунарское восстание 2011). Таким образом, татарбунарское восстание всколыхнуло весь мир.

1940 год, когда 2 августа была образована Молдавская ССР стал еще одной страницей в истории гагаузского народа, когда одним росчерком пера власти, без выявления на то воли гагаузов и болгар, разделили их этнические территории на две части. В результате около 80 процентов гагаузов оказалось в составе Молдавской ССР, 20 % - на территории сопредельной по Буджаку Украины. Это привело к регионализации и выразилось в том, что на многие десятилетия компактно расселенный гагаузский народ оказался разделенным границей двух национальных республик по административно-территориальным весям. Гагаузский народ прилагал немало усилий для решения проблем своего выживания и национального возрождения.

Не остались в стороне гагаузы и от глобального события – 2 мировая война. Участие гагаузов выразилось в разных формах: участие в военных действиях в рядах Красной армии, румынской армии, трудовой армии, партизанской и подпольной борьбе против румынско-фашистского

оккупационного режима. Об этом свидетельствуют работы С. Булгара «Антон Буюклы - Герой Советского Союза» в журнале «Трибуна» (Кишинёв, 1987) в книге «Жан пазары» (на гагаузском языке, в переводе - «Пламенные сердца», Кишинев, 1988) в главах из книги «История и культура гагаузов» (Комрат-Кишинев-2006, под ред. С.С. Булгара, с. 195-201, с. 202-208, с.209-211.) «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.», «Освобождение Комрата в ходе Ясско-Кишиневской операции. 29 августа 1944 года» и «Мобилизация комратчан в Советскую Армию 25.08.1944 г. Материалы Особого отдела 3-го Украинского фронта 25.08.1944 г.», в книге «История города Комрата» (Chişinău, 2007, автор С. Булгар); в брошюре «Гагаузы - участники Великой Отечественной войны» (к 65-летию Победы) (Кишинев, 2010, автор Булгар С.С.); в главах книги «Страницы истории города Вулканешты» (Кишинев-2010, автор С. Булгар) «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» [с. 514-533]; и «Период румынской оккупации и участие жителей Вулканештского района в антифашистском сопротивлении 1941-1944 гг.» [с. 534-550] в; в статьях «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» [с. 166-169], «История семьи Онищенко-Молла» [с. 170-174] и «Трудовая армия 1944-1953 гг.» [с. 175-180] в книге «История села Виноградовка (Курчи) 1811-2011 гг.» (Одесса, 2011, автор С. Булгар) в главе «Участие конгазцев в войнах» автора Булгара С.С. в книге «Конгаз» (Кишинев, 2012, авторы: Ф. Франгу, П. Фуртунэ, А. Фуртунэ) [с. 299-321]; в статье С. Булгара «Казаклийцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» в книге «История села Казаклия. Kazayak. 1812-2012» (Кишинев-2013, авторы: С. Булгар, Ф. Кылчик) [с. 204-226]; в книге «Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Кишинев-2014, автор С. Булгар); в книге «Гагаузский народ в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Кишинев-2015, автор С. Булгар); в брошюре «Гагаузы - участники обороны Ленинграда 1941-1944 гг.» (Комрат-2016, автор С. Булгар); в книге «Гагаузские женщины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Кишинев-2016, автор С. Булгар).

Начавшиеся в СССР процессы создания письменности малых народов в 1957 году предоставили возможность гагаузам в получения своего алфавита и письменности, что в свою очередь способствовало созданию гагаузской интеллигенции, развитию гагаузской литературы.

Как писал С. Булгар в сборнике «Гагаузские судьбы»/ <http://www.gagauzy.com/> на смену священникам-подвижникам пришли подвижники-учителя. Николай Танасоглу - поэт и сказочник, один из первопроходцев обучения на гагаузском языке в 60-е годы, Николай Арабаджи, Василий Арабаджи, Константин Василиоглу, Филипп Попаз. На смену учителям пришли литераторы. Быстро закончилась хрущёвская оттепель, но всё же лидеры гагаузской интеллигенции успели многое сделать, да и останавливаться не собирались. Вышел в свет знаменитый «Буджактан сесляр», первый сборник поэзии на гагаузском языке, составленный и отредактированный Дионисом Танасоглу; на небосклоне гагаузской литературы взошли имена Дмитрия Карачобана, Мины Кёся, Николая Бабоглу, Степана Курогло, Тодора Мариногло и др.

Весь мир узнал имена гагаузских ученых: Мирию Маруневич - историк, этнограф, основатель Центра научных исследователей Гагаузии, Дмитрия Недеогло – доктор хабилитат физико-математических наук, Михаила Губогло - историк-этнограф, этносоциолог и др. Композиторов Василия Екюзю, Михаила Колса, Дмитрия Гагауз; художников Дмитрия Савостина, Петра Влаха, Дмитрия Айогло, скульптора Афанасия Кара Чобан, певца Степана Курудимова, ансамбль Дюз Ава и др.

Начавшаяся перестройка затронула и гагаузов. И они вернулись к Концепции предоставления гагаузам административной автономии, которая была сформулирована кишиневским доцентом И.И. Мещерюком в письмах партийно-государственному руководству СССР еще в 1957 г., но она не была закреплена в программных документах и не стала известна общественности. В гагаузский национальный проект эта идея вошла только в период кризиса Союза, в конце 80-х годов, как реакция на попытку титульных национал-

радикалов установить в Молдавии дискриминационный для национальных меньшинств языковой режим.

Национальное самосознание и процессы возрождения, теплящиеся в среде гагаузской интеллигенции, получили распространения в конце 80-х годов, у гагаузов появилась возможность заявить о культурных и экономических проблемах гагаузов. Активисты из числа гагаузской интеллигенции стали инициаторами появления дискуссионных клубов «Ватан», «Бирлик», «Гагауз Халкы», «Милет санжисы», на заседания которых обсуждались вопросы сохранения обычаев, традиций и культуры, создания этно-культурной автономии.

В 1989 году «Гагауз Халкы» провели свой первый съезд, где были объединены все патриотические организации и было принято решение о создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики со столицей в г. Комрат в составе МССР. Но правительство Молдовии аннулировало Декларацию 1 съезда «Гагауз Халкы» и в августе 1990 года в Комрате был проведен Съезд депутатов всех уровней, на котором декларировано создание Гагаузской Республики. В результате всенародных выборов был избран Первый и единственный Президент непризнанной Гагаузской Республики Степан Топал (1991-1995гг.), сформировано правительство.

В период Гагаузской Республики национальное движение получило всенародный характер и обострившиеся языковые, культурные и экономические проблемы подтолкнули население региона не повиноваться кишиневским властям. Весь мир узнал о гагаузах благодаря выступлению М. Маруневич на международных форумах в Брюсселе, Нью-Йорке, Анкаре «Когда гагаузский народ говорит о своей автономии, — заявила 12 ноября 1989 г. на Чрезвычайном съезде гагаузского народа историк М.В. Маруневич, — хочется, чтобы понимали: в этом нет ничего националистического, лишь только желание выжить и дружить на равных со всеми народами...» и

мировая общественность поддержала стремление гагаузского народа к независимости.

Важно отметить, что и автономизация и создание Гагаузской Республики рассматривались не как отделение от Молдовы в целом, а как гарантия сохранения национального равноправия в районах компактного проживания гагаузов.

Ни поход волонтеров, ни запрет на митинги, ни Указ Горбачева не остановили гагаузов. Под давлением мировой общественности в республике была создана совместная комиссия по мирному урегулированию гагаузской проблемы. Результатом ее работы стал Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери), принятый в 1994 году 23 декабря Парламентом Республики Молдова. В наши этот день празднуется как День образования Гагаузии и является национальным праздником.

Многие европейские правозащитные организации признали Гагаузию как удачный пример дипломатического разрешения локальных национальных конфликтов для других стран. В результате референдума 3 города и 27 сел изъявили желание войти в состав АТО Гагаузия и тем самым определились границы Гагаузии.

В 1995 году в результате демократических выборов был избран первый Глава (Башкан) Гагаузии - Георгий Табунщик, депутаты Народного Собрания (Халк Топлушу) и его Председатель Петр Пашалы.

Вековые традиции трудолюбия, ответственность за благополучие семьи, характерные черты добродетели и порядочности, формируемые семьей и другими институтами соционормативной культуры гагаузов обусловили их приспособления к меняющимся условиям жизни.

За более чем 20 лет в сфере культурного развития гагаузский народ приобрёл не только автономный статус, собственные флаг и герб, органы власти, но и надёжную перспективу развития своей культурной, языковой и этнической самобытности. В Гагаузии учреждены и работают Комратский государственный университет, колледж им. М. Чакира м. Комрат,

Светловский аграрно-технический колледж, лицеи и гимназии. В доуниверситетских учебно-воспитательных учреждениях практически все дети изучают родной язык как предмет. Но при этом основным языком обучения в школах Гагаузии по-прежнему остаётся русский язык.

В соответствии со стандартами международной и государственной языковой политики и согласно действующему законодательству, в автономии действуют три официальных языка: гагаузский, молдавский и русский. Наряду с этим созданы все условия для интеграции изучения и сохранения языковых национальных традиций всех народов, проживающих в Гагаузии.

Важным событием в истории культуры Гагаузии стало открытие Гагаузского театра имени М. Чакира в г. Чадыр-Лунга через театральные постановки по произведениям молдавских, гагаузских и других авторов идет популяризация мировой и этнической культуры.

В 1997 г. Гагаузия стала членом международной культурно-просветительской организацией «Тюркской», в состав которой входят 35 тюркоязычных государств. Благодаря поддержке этой организации было издано полное собрание сочинений классика гагаузской литературы Д. Карачобана, сказки для детей, некоторые учебные пособия по гагаузскому языку и литературе. Весь издаваемый тираж был передан в дар библиотекам региона.

Гагаузский провинциализм привел к работе творческой лаборатории художников, приезжающих из России, Франции, Турции, Украины, Молдовы осенью на пленер, когда в течение 10 дней они работают над созданием новых картин, которые передаются в фонд картинной галереи Гагаузии.

Впервые был организован фестиваль оперного искусства, в котором приняли участие примадонна Молдавской оперы – М. Биешу, гагаузский оперный певец – С. Курудимов, а также солисты Анкарской оперы. В конце 2004 г. в Санкт-Петербурге на сцене Мариинского театра лауреатом международных конкурсов оперных певцов стала уроженка Гагаузии Г. Влад.

Сегодня в Гагаузии прилагаются усилия по возрождению самобытности гагаузского народа.

В селе Гайдары с 2013 года проводится фестиваль ковров, что способствует возрождению гагаузского традиционного ковроделия, вошедшего в сокровищницу мировых народных ремесел. В городе Чадыр – Лунга в день Св. Георгия проводятся традиционные празднования народного праздника Хедерлез с конными скачками, что дало возможность восстановить одно из традиционных занятий гагаузов – коневодство. Путем основания конефермы АТ-Пролин под руководством Константина Келеша. В ноябре месяце с 2012 года в муниципии Комрат накануне праздника Касым проводится Фестиваль вина «GAGAUZ ŞARABIN YORTUSU», что дало возможность возродить традиции народного виноделия. Изюминкой фестиваля стала Хора Дружбы. В городе Вулканешты с 2017 года начата традиция проведения Фестиваля народного костюма (Gagauzinfo.md 2015).

В 2017 году молодежь и студенты Комратского государственного университета благодаря поддержке фонда Русский мир стали участниками Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи, на котором продемонстрировали элементы этнической самобытной культуры гагаузов.

Таким образом, именно провинциализм способствует сохранению этнической культуры гагаузов, так как сохраняется самобытный мир визуально и вербально, фиксируются границы культурного пространства гагаузов в рамках АТО Гагаузия. В самом общем виде можно констатировать, что генетический и природно-географический фактор, обособившие гагаузский этнос, обуславливают восприятие именно данной, а не иной системы культурных ценностей.

Культура гагаузского народа сконцентрировала в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных на протяжении многих лет. Таким образом, в этнической культуре гагаузов, как и у всех народов, закреплены принципы обособления этноса. Провинциализм позволил реализовать главную функцию этнической

культуры – сохранение и передача самоидентичности сообщества, так как она обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью, фиксируя границы этноса как целостности, своего рода культурный код, хранящий информацию об истории, этапах формирования, условиях жизни и деятельности и т.д. Свидетельством служит уникальность Гагаузии и ее жителей в том, что гагаузы — один из немногих тюркских народов, принявших православие. Возможно, именно православная вера и помогла гагаузам сохранить вплоть до наших дней свою этническую идентичность, неповторимый национальный колорит, любовь не только к своей малой родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dmitri_Mitioglo. История Гагаузов. <http://dmitri-mitioglo.livejournal.com/1674.html>-10.11.2017- Процесс 500
2. Джумыга Е. Татарбунарское восстание 1924 года – бунт, который всколыхнул мир // Интернет-газета «Топор», 2013. <http://topor.od.ua/tatarbunarskoe-vosstanie-1924-goda-v-bunt-kotory-vskolhnul-mir>
3. Жители Гагаузии и делегации 12 стран мира станцевали «хору дружбы» на фестивале вина в Комрате // Gagauzinfo.md, 2015. <http://gagauzinfo.md//index.php?newsid=21484>
4. Татарбунарское восстание // Естественные и социально-гуманитарные науки, 2011. <http://estnauki.ru/istoriya/24-istorija-ukrainy/1770-tatarbunarskoe-vosstanie.html/>- 11.11.2017
5. Туфар Н.Х., Туфар Н.Н. Комратское восстание 1906. Комрат, 2016

REFERENCES

1. Dmitri_Mitioglo. Istoriya Gagauzov. <http://dmitri-mitioglo.livejournal.com/1674.html>-10.11.2017- Process 500
2. Dzhumyga E. Tatarbunarskoe vosstanie 1924 goda – bunt, kotoryj vskolyhnul mir // Internet-gazeta «Topor», 2013. <http://topor.od.ua/tatarbunarskoe-vosstanie-1924-goda-v-bunt-kotory-vskolhnul-mir>
3. ZHiteli Gagauzii i delegacii 12 stran mira stancevali «horu druzhby» na festivale vina v Komrate // Gagauzinfo.md, 2015. <http://gagauzinfo.md//index.php?newsid=21484>

4. Tatarbunarskoe vosstanie // Estestvennye i social'no-gumanitarnye nauki, 2011. <http://estnauki.ru/istoriya/24-istorija-ukrainy/1770-tatarbunarskoe-vosstanie.html/>- 11.11.2017
5. Tufar N.H., Tufar N.N. Komratskoe vosstanie 1906. Komrat, 2016

Т.В. Зайковская,
доктор филологии, конференциар,
зав. сектором этнологии русского населения
Республики Молдова Института культурного наследия АН Молдовы
Кишинев, Республика Молдова
T.V. Zaikovskaya
doctor of philology, conference,
head. sector of the ethnology of the Russian population
Republic of Moldova of the Institute of Cultural Heritage of the Academy of
Sciences of Moldova
Chisinau, Republic of Moldova

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В РУССКИХ СЕЛАХ РОМАНО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается ряд особенностей бытования песенного фольклора в старообрядческих селах Республики Молдова (Кунича, Покровка, Старая Добруджа, Егоровка и др.). Среди них – фольклорные взаимовлияния (народные переводы); переход ряда песен в разряд народных. Провинция в данном случае, если исходить из темы нашей конференции, не только выступает как хранительница фольклорных произведений на протяжении веков, но и приумножает культурное наследие.

Ключевые слова: провинция, Республика Молдова, старообрядческие села, песенный фольклор, иноэтнические соседствующие традиции, культурные взаимодействия.

SOME FEATURES OF THE SPRING FOLKLORE IN RUSSIAN VILLAGES OF ROMAN-SLAVIC BORDER CONTROLS

The article considers a number of features of the existence of song folklore in the Old Believers' villages of the Republic of Moldova (Kunicha, Pokrovka, Staraya Dobrudja, Egorovka, etc.). There are folklore mutual influences (folk translations), the transition of a number of songs into the category of folk songs among them. The province in this case, if we proceed from the theme of our conference, is not only the keeper of folklore works for centuries, but also multiplies the cultural heritage.

Key-words: province, Republic of Moldova, Old Believers' villages, song folklore, ethnic neighboring traditions, cultural intercontacts.

Результаты межфольклорных заимствований и взаимовлияний

Глубокий научный интерес вызывает сохранение фольклора в местности, которая находится в отрыве от метрополии, и при этом фольклор переселенцев, связавших некогда свою судьбу с данным краем, находится в тесном взаимодействии с языком соседних народов. В этой связи представляется актуальным рассматривать результаты такого взаимодействия, которое отражается в произведениях фольклора разнокультурных традиций.

В этнологии и фольклористике, как и в других отраслях гуманитарного знания, стало общепризнанным положение о том, что любая культура во всех своих формах, в том числе и народно-поэтической, развиваясь на основе своих собственных, исконных корней, унаследованных этнических черт и эстетического опыта, проявляется и в восприятии и творческой переработке воздействия иноэтнических соседствующих традиций, которые с течением времени становятся неотъемлемой частью национальной духовной культуры. Слова А.Н. Веселовского о том, что «нет ни одного народа, фантазия которого развивалась бы самостоятельно, не подвергаясь влиянию со стороны» (Веселовский 1889: 220) следует понимать именно в этом уточненном смысле – не случайно ученый постоянно акцентировал преобразующую роль «встречной среды». Взаимодействие способно привносить новые произведения (посредством фольклорных переводов и различных контаминации), лексемы, позволяющие по-иному прочувствовать собственные фольклорные тексты: оно подчас дает дополнительные импульсы развития и сближения в идейном и художественном плане. Одним из важнейших результатов взаимодействия фольклорных традиций разных народов является также более полное и углубленное осознание взаимодействующими сторонами собственной культуры.

Формы и пути взаимодействия и взаимовлияния русского фольклора с молдавским и украинским чрезвычайно многообразны. Соприкосновение различных культур, в том числе в области фольклорных взаимовлияний, является чрезвычайно продуктивным, открывая пути для взаимопонимания. Это очень тонко и точно подметил в свое время М.М. Бахтин: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которых она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин 1979: 334-335).

Диалог культур, таким образом, предполагает «вопрошание другой культуры и получение от нее ответов, позволяющих выявить как в чужой культуре, так и в своей новые смысловые глубины, – рассуждает А.В. Грешникова, автор публикации «Свое и чужое» в народной лирике» (Грешникова 2007: 133). – Ставя свои вопросы, каждая культура находит при ответе на них в смысловых глубинах другой культуры нечто важное и необходимое для нее самой и в то же время обогащает и другую культуру, находит в ней новые стороны, которые, возможно, в этой культуре были недостаточно раскрытыми». Текст, выступающий как своеобразное «чужое слово», «результат иного понимания мира и опыта», играет роль не только сообщения, посылы, но и побудителя собственной мысли, опирающейся на собственное мировосприятие.

При анализе взаимосвязей культур и понимания чужой культуры М.М. Бахтин предостерегает от неправильного и одностороннего представления: нельзя, для лучшего понимания другой культуры, переселиться в нее и смотреть на мир глазами этой чужой культуры. Исследователь допускает вживание (до известной степени) в чужую культуру как необходимый момент в процессе ее понимания, однако это, по его

мнению, не несет ничего нового и обогащающего. Он подчеркивает, что необходимо только творческое понимание, когда нет отмежевания от себя, от своей культуры, от своего места во времени и т. д.

Главным подходом к изучению текста М.М. Бахтин считает такой, который исходит из понимания. Он подчеркивает существующий в методике объяснения текста недостаток, когда толкование и анализ текста сводятся к «узнаванию уже знакомого, а новое, если и улавливается, то только в крайне обедненной и абстрактной форме». В результате утрачивается ряд значимых моментов.

Идеи М.М. Бахтина о диалогизме и его методологические принципы открывают пути для попытки рассмотрения новых граней в сложном процессе развития фольклорных взаимосвязей.

В своем исследовании мы попытались показать некоторые из специфических черт таких взаимовлияний. Следует подчеркнуть, что связи и взаимовлияния между русским и румынским/молдавским фольклором детально рассмотрены Л. Друмя в монографии «Фольклорные переводы и лексико-стилевые интерференции (взаимосвязи восточнороманской и восточнославянской народной поэзии)» (Друмя 2008: 5-175). Поэтому в данном случае рассмотрены в основном русско-украинские фольклорные взаимосвязи.

Длительное совместное проживание русских и украинцев на территории Молдовы, их тесные хозяйственно-экономические связи привели к значительному этнокультурному сближению. Развивающиеся процессы этнокультурной интеграции между двумя родственными восточнославянскими народами – характерная черта их этнического развития. И сами по себе русские и украинские группы населения не были однородными в этнокультурном аспекте, поскольку их состав в результате постоянных миграций непрерывно пополнялся переселенцами различного сословного происхождения из разных мест России и Украины. Следствием сложных историко-социальных процессов явилось многообразие местных

локальных вариантов бытовой культуры, формировавшихся в разное время под влиянием комплекса фактов.

Одним из необходимых аспектов изучения, вытекающим из специфики материала, является вопрос о взаимодействии русских и украинских песенных традиций. Прослеживание на определенной территории русско-украинских связей свидетельствует о том, что русская песня в русских селах и украинская песня в украинских селах развивались параллельно, оказывая друг на друга влияние. Этот факт требует постановки вопроса о сходстве и различии в бытовании русской и украинской песни.

Одной из форм взаимодействия является наличие фольклорных произведений с общими сюжетами. В русских селах Молдовы зафиксировано бытование одних и тех же сюжетов на русском и украинском языках («Ой селезень, селезень, что ж ты невесел», «Ты лети, стрела, да вдоль села», «Бежит реченька» / «Тече річенька», «Овечушки-косматушки», «Ой да ты, калинушка-размалинушка», «Как берут братца во солдаты и др.). У русских и молдаван есть также общие предания (предания о Суворове, Полищуке).

Бытование фольклорных текстов в иноязычной среде на языке оригинала – также одна из распространенных форм взаимодействия различных народных традиций. Ярким примером взаимовлияния молдавского и русского фольклора является бытование в молдавских селах русской народной драмы «Царь Максимилиан». В русских селах Молдовы бытуют адаптированные украинские народные песни разнообразной тематики: исторические, чумацкие, бурлацкие, солдатские, семейно-бытовые («За Сибіром сонце сходит», «Ой горе тій чайці», «Ой, дівчино, шумить гай», «Тече вода каламутна», «Ой піду я лугом, лугом» и др.). Во многих случаях можно говорить о местных, русифицированных, вариантах украинских песен.

В русских песнях встречаются образы и символы, заимствованные из украинской («туман» – символ вражеской силы, «рутомяточка» – символ девушки, «с рожи ветка» – символ беззаботного девичества и др.) и

молдавской народной лирики («зеленый лист черешни» – «frunzã verde de ciureş» – символ девушки; «с винограда веточка» – «frunzã verde, frunzã de vie» – символ жениха; «лист зеленый, три пруточка» – «foaie verde, trei puele» и др.). Отмечены и «русско-украинские» образы («шлях-дорожка» вместо «путь-дорожка»).

Можно было бы утверждать, например, что, поскольку украинское село Пояна и русское старообрядческое село Кунича практически слились (хотя символическая граница сохраняется), явление фольклорных взаимовлияний здесь особенно развито. Возможно, отчасти это и так. Однако наблюдения показывают, что данный феномен наблюдается и в других селах с компактным проживанием русского населения, например, в с. Покровка, с. Старая Добруджа, также старообрядческих, и в других населенных пунктах.

Приведем ряд примеров:

Цветёт тѐрен

Цветёт тѐрен,
Цветёт тѐрен.
Листья опадают.
Кто с любовью не знает,
Тот горя не знает.
А молода дивчина
Горюшка зазнала.
Вечерами недоела,
Ночки недоспала.
– Ох, возьму я то стулечко,
Сяду под оконце.
Еще очи не дремали,
А уж восходит солнце.
Ой, вы очи, мои очи,
Ой, дремайте, не дремайте,
Вы не будете спать.
Здесь проехал мой милёнок,
Кращую шукати.
Нехай едет, нехай едет,
Пускай не вертится.
Не даст Господь ему счастья,
Где он повернется.
Ой, вы очи, мои очи.
Шо вы натворили.

Цвіте терен,
цвіте терен,
листя опадає.
Хто з любов'ю не знається,
той горя не знає.
Хто з любов'ю не знається,
той горя не знає.
А я ж, молода дівчина,
та й горя зазнала.
З вечорочку не доїла,
нічку не доспала.
Ой, візьму я креселечко,
сяду в край віконця.
І ще очі не дримали,
а вже сходить сонце.
І ще очі не дримали,
а вже сходить сонце.
Ой, дримайте, не дримайте,
не будете спати.
Десь поїхав мій миленький
іншої шукати.
Цвіте терен, цвіте терен,
листя опадає.
Хто з любов'ю не знається,

Из приведенных текстов видно, что в русских вариантах сохраняется множество украинизмов. Можно отметить целый ряд смысловых отличий, наличие которых не всегда поддается объяснению.

Рассмотрим песню «Бежит реченька». По словам информаторов, ее поют на девичнике, следовательно, она должна относиться к свадебным обрядовым песням. В сборнике Р.А. Богомольной она записана под № 52 и отнесена к семейным. Представленный в указанном сборнике вариант значительно отличается от записанного нами в с. Покровка в 2011 г., кроме того, в сборнике есть затемненные места, которые в зафиксированном нами варианте прояснены: например, «семь ? не бывала» (Богомольная 1968, № 52), в нашем варианте – «семь лет не бывала». Ниже приводится записанный нами русский вариант и украинский, зафиксированный В.Д. Панько в с. Дану:

Бежит реченька, бежит быстрая
Скóчу-перескóчу. (2 раза)
Отдай, маменька, отдай, рóдная,
За кого я схочу. (2 раза)

За кого я схочу.
Взяла маменька,
Взяла рóдная,
Взяла дый отдала (2 раза).

– Чтоб ты, доченька,
Чтоб ты, рóдная,
Семь лет не бывала. (2 раза)

Терпела годок,
Терпела другой,
Третий не стерпела. (2 раза)

Перекинулась
В ту зозуленьку,
Взяла й полетела. (2 раза)

Лесом летела,
Ветки ломала
Правою рукою. (2 раза)

Полям летела,

– Тече річенька й невеликая,
Я їй перескочу,
Та й віддай ня, мати, та й віддай ня,
мати,
За кого я схочу.

Мати віддавала та й наповідала:
– Не йди до домочку.
Мати віддавала та й наповідала:
– Не йди до домочку.

Ой терпіла год, ой терпіла два,
Третий не стерпіла –
Перекинулася в сиву зозульочку,
До роду злетіла.

Куди я летіла, гилячку ломала,
На камені стала.
Зачала й кувати, жалю додавати
Усій своїй родині.

Старшая й сестра сидит край стола,
Рушник вишиває,
А найменчій брат на порозі став,
Ружо заряжає.

– Позволь мені, мати,

Поле кропила
Горькою слезою. (2 раза)
Летела-летела и в сад залетела,
На калину села, (2 раза)
Стала куковати.
Села на калину,
На саму вершину,
Стала куковати,
Стала куковати,
Жалю задавати (2 раза)
Своей рóдной матери. (2 раза)
Мать уже стара,
сидит у окна,
Рушник вышивает. (2 раза)
Самый меньший брат
Сидит на пороге,
Ружье заряжает. (2 раза)
– Позволь, маменька,
Позволь, рóдная,
Ту зозулю вбити. (2 раза)
– Ту зозулю вбити
Не позволю, сыну,
Не позволю, рóдный,
Ту зозулю вбити. (2 раза)
Той зозулечкí,
Как моей дочкí,
На чужбине жити. (2 раза) ¹
(Инна Бельченкова, 1978 г.р., с.
Покровка, 2011)

Позволь мені, мати,
Цу зозулю вбити.
Бо вона кує, жалю додає,
Горе мені жити.
Не позволю, синку,
Не позволю, синку.
Цу зозулю вбити,
Бо цій зозульці, як нашій дочці,
На чужині жити.
Тече річенька й невеликая,
Я їй перескочу.
Та й віддай ня, мати,
Та й віддай ня, мати,
За кого я схочу.
(Записано Виктором Панько у
Руснака В. Н. в с. Дану в 1972 году.
См.: Панько В.)³

Как можно видеть, в русском варианте песни представлено множество украинизмов в лексике (*зозуля*, *рушник*), особые формы глаголов (*куковати*, *вбити*, *жити* и др.), особые фонетические чередования (на пороге вм. на пороге) и т. п. Сюжет сходен даже в деталях.

В с. Старая Добруджа нами была записана песня «Была в матери одна дочь» (справа приводится украинский вариант):

Была в мати одна дочь, (2 раза)
Была в мати одна дочь, (2 раза)
Она ж ее кохала. (2 раза)

Она ж ее кохала, (2 раза)
Она ж ее кохала, (2 раза)
Для буржуя берегла. (2 раза)

Для буржуя берегла, (2 раза)
Для буржуя берегла, (2 раза)
За пьяницу отдала. (2 раза)

Пьет пьяница неделю, (2 раза)
Пьет пьяница неделю, (2 раза)
Пьет пьяница другую. (2 раза)

А на третью неделю, (2 раза)
А на третью неделю, (2 раза)
Йдёт пьяница до дому. (2 раза)

Щей до дому не дошел, (2 раза)
Щей до дому не дошел, (2 раза)
Вже причинушку нашёл. (2 раза)

Не велика причина, (2 раза)
Не велика причина, (2 раза)
Не готова вечерá. (2 раза)

Как ударил по личкú, (2 раза)
Как ударил по личкú, (2 раза)
По румяном яблочкú. (2 раза)

Полилася ала кровь, (2 раза)
Полилася ала кровь, (2 раза)
По вышиванном рукаву. (2 раза)

Не так жалко рукава, (2 раза)
Не так жалко рукава, (2 раза)
Жалко белого лица. (2 раза)

Как пойду ж я на Дунай, (2 раза)
Как пойду ж я на Дунай, (2 раза)
Сполоскаю свой рукав. ((2 раза)

Туда-сúда рукавом, (2 раза)
Туда-сúда рукавом, (2 раза)

Мала мати одну дочку
Та й купала у медочку.

Та й купала-поливала,
Щастя-долі не вгадала.

Щастя-долі не вгадала,
За п'яниченьку віддала.

П'є п'яниця, п'є-гуляє,
Йде додому – б'є та лає.

«Ой я буду мандрувати,
Лиху долю покидати!»

«Ой не роби ти сваволі,
Не покидай свої долі.

Як в калини білі квіти,
Так у тебе дрібні діти».

(См.: Мала мати одну дочку)⁴

Тяжко жити с дураком. (2 раза)

Туда-сюда по воде, (2 раза)

Туда-сюда по воде, (2 раза)

Тяжко жити в чужине. (2 раза)

(Серёжникова Улита Харитоновна,
1956 г.р., Старая Добруджа, 2012)

С первого же взгляда видно, что русская версия значительно длиннее, чем украинская. Кроме того, что данный вариант является более развернутым и подробным, с большим количеством ярких, зримых и впечатляющих деталей, он в конечном итоге также более эмоционален, по нашему мнению, и, несомненно, обладает большей логической завершенностью, поскольку в нем присутствует психологическая последовательность. Возможно, было бы слишком смело предположить, что в русском варианте это удачная, логически оправданная контаминация, слияние (с дальнейшей обработкой) двух различных песен. Во всяком случае, расхождение приведенных версий является совершенно очевидным, а причины этого затемнены и их выявление требует дальнейших исследований.

Приведем еще один пример – песня, зафиксированная нами в с. Старая Добруджа и существующий украинский вариант:

{Чего не пришёл,
Как месяц зашёл,
Я ж тебя чекала.} 2 раза

Я ж тебя чекала.
{Чи коня не мав,
Чи стёжку не знав,
Чи мать не пускала?} 2 раза

Чи мать не пускала?
{И коника мав,
И стёжечку знав,
И мать позволяла.} 2 раза

И мать позволяла.
{Лишь меньша сестра

Чом ти не прийшов,
як місяць зійшов,
Я тебе чекала.

Чи коня не мав,
чи стежки не знав,
Мати не пускала?

І коня я мав,
і стежку я знав,
І мати пускала.

Найменша сестра
бодай не зросла,

Годом не вросла,
Седельце сховала. } 2 рази

Седельце сховала.
{А старша сестра
Седельце нашла,
Коника седлала. } 2 рази

Коника седлала.
{«Езжай, братец мой,
До своей милой,
Чтоб не буновала». } 2 рази

Чтоб не буновала. [не
печалилась]
{Течёт реченька-
Невеличенька,
Скочу-перескочу, } 2 рази

Скочу-перескочу,
{Отдай меня, мать,
Маменька родная,
За кого я схочу. } 2 рази

За кого я схочу,
{Она отдавала
И мне говорила –
Семь лет не ходити. } 2 рази

Семь лет не ходити.
{Не ходила год,
Не ходила два,
На третий взлетела. } 2 рази

На третий взлетела.
{На третий взлетела,
На калину села,
Стала куковати. } 2 рази

Стала куковати.
{Стала куковати,
Печаль задавати
Всей своей родіне. } 2 рази

(Серёжникова Улита
Харитоновна, 1956 г.р., Старая
Добруджа, 2011)

Сідельце сховала.

А старша сестра
сідельце знайшла,
Коня осідлала,

Поїдь братику до дівчиноньки,
Що тебе чекала.
Поїдь братику до дівчиноньки,
Що тебе чекала.

Тече річенька невеличенька,
Скочу-перескочу,
Віддайте мене, моя матінко,
За кого я схочу.
Віддайте мене, моя матінко,
За кого я схочу.

(Чом ти не прийшов?)⁵

Совершенно очевидно, что и в русской, и в украинской версии данная песня переплетается с вышеприведенной «Бежит реченька» / «Тече реченька», накладываясь на нее. Но не это привлекает внимание в первую очередь, а то, что русский вариант опять, как и в предыдущих рассмотренных случаях, изобилует украинскими лексемами и формами, хотя, в основном, осуществлена замена украинизмов и произведена обработка (так называемый народный перевод).

Сказанное касается и предшествующих примеров песен (см. выше). И это с трудом поддается объяснению. Казалось бы, зачем оставлять ряд украинизмов, если весь остальной текст переведен? Возможно, разгадка кроется в близости этих двух языков – русского и украинского (оба они принадлежат к одной восточнославянской ветви), а возможно, и в том, что южнорусские диалекты также включают в себя множество лексем, сходных с украинизмами. Эти же причины, скорее всего, облегчают народный перевод песен в рамках указанных двух языков, что находит свое яркое подтверждение в немалом ряде песен.

Различные по своему назначению, содержанию и художественным средствам народные произведения складывались и жили веками, подвергаясь на своем пути тем изменениям, которые были неизбежны в ходе исторического процесса. Однако изменения, вносимые временем, не исказили общего облика каждого отдельного жанра. Есть множество свидетельств исследователей, которые утверждают, что в иноэтничной/ смешанной среде фольклорные произведения сохраняются лучше, чем в однородной. Например:

«Нередко в русско-украинской среде песни оказались в лучшей сохранности, чем в русской, где они или полузабыты, или совсем перестали исполняться, или уцелели в отрывках. Однако чаще продолжали свою жизнь и сохранились одни и те же песни» (Грешникова 2007).

Русские народные песни, бытующие в русско-украинской среде, наряду с сохранением общерусских традиций, обладают специфическими идейно-

тематическими и сюжетными особенностями, присущими песенному репертуару тех мест, откуда сюда шло переселение. Кроме того, для них характерны и местные черты, обусловленные особенностями быта. Нередко песни модернизируются в содержании, в языке.

На современном этапе далеко не всегда можно с легкостью выявить в том или ином национальном народно-поэтическом творчестве отпечатки инонационального влияния. При сравнительном изучении в таких случаях на первый план выступают две тенденции: с одной стороны, взаимовлияние культур (в том числе фольклора) соответствующих народов и, с другой стороны, – стремление сохранить и обогатить новыми нюансами свой фольклор.

Сами носители фольклорной традиции, как показывают опросы информаторов, не всегда осознают иноэтническое происхождение своей песенной поэзии (а если и осознают, то зачастую в ограниченной степени, подчеркивая, что это их исконные песни – «Это наша старая куническая песня» и т. д.). Чужое словно растворяется в национальном фольклорном процессе и материале, что свидетельствует об активном и последовательном процессе ассимиляции (см.: Грешникова 2007: 137).

Таким образом, при проникновении в фольклорный репертуар национального материала, заимствованное произведение, отдельный эпизод или образ подчиняется воспринимаемой системе. Русская песня, воспринимая элементы украинской, остается русской, приобретая лишь новую локальную окраску. Так же изменялась и русская песня, переходя в инонациональный и иноязычный репертуар. При этом каждый раз осуществляется этническая функция, сказывающаяся во взаимопоглощении, в приспособлении фольклорного текста к иной национальной традиции. В результате этого воспринимающая национальная традиция обновляется, обогащается.

Особенности перехода некоторых песен в разряд народных

В процессе сбора фольклорного материала было обнаружено одно интересное явление. Носители фольклора в разных селах, помимо исконно народных песен, пели и те, авторы которых известны, утверждая, что это произведения устнопоэтического народного творчества. Приведем ряд примеров.

Так, в с. Кунича в 2011 г. нами зафиксирована песня «Я – акация», которую исполнительницы называли не иначе как «наша, куничская», добавляя, что представленный в ней женский образ чрезвычайно соответствует характеру жительниц Куничи. Они подчеркивали созвучность, близость лирической героини песни к куничанкам, считая, что в этом произведении говорится именно о них. В действительности это произведение написал композитор Александр Биладш, автор текста – Леонид Татаренко. В свое время ее пела Тамара Миансарова. Но в Куниче нам ее спели со своими вариациями, в полном соответствии с законами распространения фольклора. Со словами: «Сейчас споём вам нашу. Это наша (сказано с ударением – Т. З.) песня». Вопрос «Из Куничи?» был оставлен без внимания. Затем на вопрос «Кто написал?» – был дан ответ: «Не знаем, но здесь написана, здешняя». При сравнении оригинала песни и записанного в Куниче варианта обнаруживается, что различия минимальны:

Песня, записанная в с. Кунича, 2011,

Подлеснова Анна, 1948 г.р., и др.

Я акация, я над кручею
Расцвела на краю села.
Только тронь меня – я колючая,
Хоть пахуча я и бела. (2 раза)
Улыбнись тебе, больно смелому,
Хороша ли я – посмотри!
Хороши мои гроздья белые,
Светом солнца их озари. (2 раза)
Я акация, всех ли лучше я?
Это тайна весенних дней.

«Я – акация».

Музыка – А. Биладш, слова –
Л. Татаренко

Я акация, я над кручею
Расцвела посреди села.
Только тронь меня – я с колючками,
Хоть пахуча я и бела. (2 раза)
Улыбнись тебе, больно смелому,
Хороша собой – посмотри!
Хороши мои гроздья белые,
Светом сердца их озари. (2 раза)
Я акация, всех ли лучше я?

Уколю разок, да помучаю,
Вот и стану я всех милей.
Уколю разок, да помучаю,
Вот и стану я всех милей. (2 раза)
Я акация, я над кручею
Расцвела на краю села.
Только тронь меня – я колючая,
Хоть пахуча я и бела. (2 раза)

Это тайна весенних дней.
Уколю разок, да помучаю,
Вот и стану я всех родней.
Исколю тебя, да помучаю,
Вот и стану я всех родней.
Я акация, я над кручею
Расцвела посреди села.
Только тронь меня – я с колючками,
Хоть пахуча я и бела. (2 раза)
(Я – акация)⁶

В с. Егоровка нами была записана песня, которую исполнительницы называют «Занавесочка» и считают ее «своей, егоровской», одной из самых излюбленных. В действительности же это положенное на музыку стихотворение «Затворница» русского поэта XIX в. Якова Полонского (1820–1898). Эти стихи в свое время были общеизвестны и пользовались большой популярностью, о чем косвенно свидетельствует и тот факт, что история любви, изложенная в данном произведении, послужила отправной точкой для написания рассказа И. Бунина «В одной знакомой улице». Очевидно, в этих стихах содержится нечто, очень созвучное русскому человеку, затрагивающее тончайшие струны его души. Ниже приводится песня, записанная в с. Егоровка, и стихотворение Я. Полонского «Затворница», с указанием вариаций (вплоть до опускания целых строк), присутствующих в тексте:

Песня, записанная в с. Егоровка,
2011, Шереметьева Татьяна
Георгиевна, 1956 г.р.
На той знакомой улице –
Я помню старый дом,
С высокой, тёмной лестницей,
С завешенным окном.
А там огонёк, как звёздочка,
До полночи горит,
А ветер занавесочку
Тихонько шевелит.

Яков Полонский,
«Затворница»
В одной знакомой улице –
Я помню старый дом,
С высокой, тёмной лестницей,
С завешенным окном.
Там *огонёк*, как звёздочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные –
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слёзы капали –
И поцелуй звучал –
А ветер занавесочку
Тревожно колыхал.

Какая сила тайная
Меня туда влекла,
*И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.*
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные –
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слёзы капали –
И поцелуй звучал –
*И ветер занавескою
Тревожно колыхал.*

20 июля 1846, Тифлис
(См.: Полонский Я. Затворница)⁷

Между прочим, отметим, что перу Якова Полонского принадлежат и слова еще одной песни, положенной на музыку неизвестным автором и ставшей популярной в народе – «Мой костер в тумане светит» (1853).

Целесообразно привести небольшой фрагмент записи беседы с жительницами с. Егоровка, из которого становится ясно их объяснение событий, описываемых в исполняемой ими песне – их собственная трактовка. Они подчеркивали, что она очень старая и пытались приблизить ее содержание к своей реальности, что обычно является важным моментом для носителей фольклора:

Т.З.: А почему вы считаете эту песню своей, песней села?

Шереметьева Татьяна Георгиевна (1951 г.р.): Да в селе у нас ее пели еще наши дядьки, она очень старая. Вот мой дядя, ему девяносто лет было, а он пел эту песню.

Орчакова Зиновия Титовна (1946 г.р.): Она популярная очень.

Т.З.: Немного странные слова: «Давай убежим». Непонятно, почему...

Орчакова Зиновия Титовна: А я вам скажу почему. Это, видимо, еще при румынах пели. Как частная собственность тогда была. И вот моя мама говорила, например, она любила одного человека, но родители не выдавали за него, не хотели, а решили выдать за другого. И вот он ей говорит: «Давай убежим». Но она не решилась: это значит, она лишается приданого, земли, а вдруг он ее там бросит? Так что это очень старинная песня.

Подобное стремление приблизить содержание произведения устного народного творчества к собственному быту и обычаям, объяснить это содержание по-своему наблюдается и в отношении еще одной песни (тоже «старой-старой», по утверждениям информаторов), зафиксированной нами в том же селе (переданы некоторые диалектные ее особенности):

Спрятался месяц за тучи,
Не хочет по небу гулять,
Ишёл милый лугом зелёным,
А я шла крутым бережком.
Махнул ко мне правой рукою,
А я ему белым платком.
Было б наше сердце согрето
Щой жаром залита любовь.

Кульпекина Виктория Даниловна (1943) пояснила некоторые моменты следующим образом: «Тут тоже вот интересно – почему он шел одной дорогой, а она – другой? Потому что не разрешалось. Поэтому всё надо было [делать] скрытно, чтоб никто не догадался».

Интереснее всего, на наш взгляд (в связи с рассматриваемым аспектом бытования народных песен и причисления той или иной песни к разряду народных), проследить за перипетиями песни «Ты прощай, моя милáя», за тем, какие изменения претерпел ее текст, вплоть до смещения основных акцентов, до трансформации общей направленности содержания. В с. Старая Добруджа в 2012 г. нами была записана песня «Небылица-пустырица» от

информатора Серёжниковой Улиты Харитоновны, 1956 г.р., которая подчеркнула, что это застольная песня: «У нас ее на гулянках поют».

Эта песня сразу вызвала целый ряд вопросов. Во-первых, тем, что она поначалу с трудом поддавалась расшифровке (исполнительница не вполне четко, как казалось, выговаривала некоторые слова, являвшиеся в произведении опорными), а во-вторых, своей определенной алогичностью. Пришлось провести отдельное исследование, специально по поводу данной песни. И вот что удалось выяснить.

Прежде всего, у информатора произошло наложение одной песни на другую, вернее, песни – на часть баллады. Произошло это, думается, в связи с тем, что сработала чисто ассоциативная связь (это нередко бывает в процессе записи произведений устного народного творчества у информантов): *Разлучаемся с тобой – Разлучила нас с тобой / Чужа-дальня сторона/, Чужа-дальняя сторона/, Макарницка ярмарка* (см. ниже – этот момент, послуживший своеобразной границей между фрагментами текстов двух различных произведений, в тексте отмечен курсивом; баллада – для наглядности и для того, чтобы было ясно, о каком содержании идет речь, – приведена полностью). Таким образом, вопрос относительно алогичности был, в общих чертах, разрешен.

А я вчора извечора
Был я в гостеньки в тебя,
Был я в гостеньки в тебя,
Не вгостила ты меня.
Не вгостила, ты словами
Небылицу пронесла.
Небылица-пустырица,
Пустырячая трава (?)
Что немало люди скажут,
Не поверю никогда.
Поверь, поверь, люди скажут,
Поверь совести всегда.
Хоть я тебя разорву,

Под яблынкoй яблонoй,
Да под кудрявой веселoй,
Под кудрявой веселoй,
Сидел молодец такой.
<...>
Да держит гусли под полoй.
Держит гусли под полoй:
«<...>
Я вам песенку спою
Да про женитьбу про свою,
Как женила молодца
Да чужа-дальна сторона.
Как женила да молодца
Чужа-дальна сторона,
Ну, чужа-дальная сторона,

Я тебя, шельма, люблю.
Я любила, любить буду,
Вовек тебя не забуду.
Вовек тебя не забуду
Свою прежнюю любовь.
Как мы жили, веселились,
Забавлялись с тобой,
А теперь, моя милая,
Разлучаемся с тобой.
Разлучила, развела
Чужа-дальня сторона,
Чужа-дальняя сторонка,
Макарница ярмарка.
Как с-под речки, с-под реки
С Макарницкой ярмарки
Солучалась беда,
Ой, беда, беда, беда.
Ой, беда, беда, беда.
Ещё й не маленькая.
Не на сто рублей пропажа,
Не на тысячу пятьсот,
Пропадала у него
Дочь любимая его.
Как нашли эту пропажу
И в Мошкова на дворе,
И в Мошкова на дворе,
В новой бане на полке.
Золота ее цепочка
Всё на гвоздике висит,
А лакей, ее муж,
Под окошечком стоит.
Он стоит, стоит, стоит,
С нею речи говорит.
(Серёжникова Улита Харитоновна,
1956 г.р., Старая Добруджа, 2012)

Макаръевска ярманка.
Чужа-дальная сторонка,
Макаръевска ярманка.
У Макара в ярманке
Да солучилася беда.
У Макара в ярманке
Да солучилася беда,
Во така беда случилась
Всё не маленькая.
Ну как беда случилась?
Всё не маленькая,
Да не сто рублей пропало
И не тыща у него.
И не сто рублей пропало
И не тыща у него,
Пропадала у него
Да дочь любимая его.
Пропадала у него
Да дочь любимая его,
<...>
Ах да вот нашли эту пропажу
У Мошкова на дворе,
Но у Мошкова на дворе,
Да в новой бане на полке.
<...>
Но ее буйная головушка
Проломленная.
Но черепахова гребеночка
На окошечке лежит.
<...>
Да вор мучитель-погубитель
Под окошечком сидит.
<...>
Да таки речи говорит.
Да под окошечком сидит
Да таки речи говорит:
«Да не за мной ли тройка едет,
Не меня ли в гости звать?
<...>
Не меня ли в гости звать
Да в тюрьму каменну сажать?
<...>».

(Баллады, 2001, с. 139)⁸

Что касается тех нескольких слов, которые вначале никак не поддавались расшифровке, следует сказать, что в конечном итоге они привели нас к очень неожиданным наблюдениям и помогли, в известной степени, приподнять завесу над теми трансформациями, которым порой подвергаются произведения на своем пути к категории народных.

Оказывается, существовала песня «Ты прощай, моя милая» 1-го эскадрона Кавалергардского полка, которую нам удалось обнаружить в издании «Песенная летопись Кавказской войны» (Песенная летопись Кавказской войны 2002). Вот ее текст:

Ты прощай, прощай, милая,
Прощай, радость, жизнь моя!
Ты прощай, прощай, милая,
Прощай, радость, жизнь моя!
Как вечер, моя милая,
В гостях был я у тебя.
Ты неласково приняла,
Огорчила ты меня.
Что нимало люди скажут,
Ты не верь им никогда.
Поверь, поверь, любезная,
Поверь совести всегда.
Поверь совести всегда,
Не совру я никогда.
Хоть один я раз совру,
Я тебя, жена, люблю!

Любил, люблю, любить буду,
Никогда я не забуду.
Никогда я не забуду
Свою первую любовь.
А теперь, моя милая,
Разлучают нас с тобой.
Разлучила, развела
Чужедальняя страна.
Чужедальняя сторонка,
Распогибельный Кавказ.
Я надеюсь порой –
Еще свижуся с тобой.
Как увижу, друг, тебя,
Вся печаль сойдет с меня.
Все утехи предо мной –
Цел пришел к тебе домой.

Судя по свидетельствам исследователей, песня была написана не позднее 1840 г. Кавалергарды – и гвардейские части вообще – в Кавказской войне не участвовали. Но, видимо, и для них песни о Кавказе были актуальны. Попасть на Кавказ гвардеец мог только в качестве наказания, будучи разжалованным из гвардии. Лишь позднее на Кавказ перевели нижегородских драгун (letras-de-cancion.com/.../letras-y-traducciones-de-cancion-ty-proshhaj-m).

У песни много вариантов, как связанных с разными историческими событиями, так и не связанных (например, в эпоху туркестанских походов

вместо «распогибельный Кавказ» пели про «распроклятый Самарканд»). Впоследствии эта песня довольно широко распространилась. Вот еще один ее вариант, более близкий к тому, который записан нами в с. Старая Добруджа:

Я вечер, моя милая,
Во гостях был у тебя.
Что не ласково приняла?
Огорчила ты меня.
Огорчила ты словами,
Небылицу принесла.
Небылицу-пустырицу,
Пусты речи и слова.
Что ни мало люди скажут,
Ты не верь им никогда.
Поверь, поверь, любезная,
Поверь совести всегда.

Поверь совести всегда,
Не совру я никогда.
Хоть один я раз совру,
Я тебя, шельма, люблю.
Люблю, люблю, любить буду,
Никогда я не забуду.
Никогда я не забуду
Свою прежнюю любовь.
Как мы жили, веселились,
Забавлялись с тобой.
А теперь, моя милая,
Разлучают нас с тобой.
(Каждые две строки
повторяются два раза) (Бирюков,
2004).⁹

Таким образом, проведенное исследование показало, что маловразумительная, на наш взгляд, синтагма «пустырячая трава» (Что это? Трава, растущая на пустыре? При чем здесь этот образ, как он вписывается в общий текст песни?) восходит к словосочетанию «пусты речи и слова» и обязана ему своим происхождением. Выражение «пустырячая трава», как теперь нам видится, призвано обозначить в рамках текста песни нечто, ничего не стоящее, не заслуживающее никакого внимания.

В заключение еще раз подчеркнем, что песни переходят в категорию народных различными, порой такими весьма запутанными и извилистыми путями, что отыскать их первоначальные корни и проследить их дальнейшее развитие можно с большим трудом. Тем более, что при этом носители фольклорных традиций единодушно уверяют, что это исконная песня их села, поистине народная, которую пели еще их предки, а затем передали и им. Однако, признаемся, такие загадочные истории, связанные с бытованием той или иной подобной песни, очень привлекательны для исследователя.

В целом, необходимо отметить, что явление, связанное с переходом так называемых «книжных» песен в разряд народных, было не редкостью и для XIX в., и для первой половины XX в. Исследователь А.М. Новикова пытается вникнуть в механизм такого перехода и дает свои объяснения тому, почему одни песни становятся народными, а другие не принимаются. Вот что она пишет: «В 20-40-е годы продолжает свое развитие русская песенная лирика. Среди поэтов-песенников в 20-е годы большой популярностью пользовались песни А.А. Дельвига „Соловей мой, соловей”, „Ах ты, ночь ли, ноченька”, „Пела, пела пташечка” и другие. Но в народные песни они не перешли, так как слишком сильны были в них ноты „сентиментального уныния” и „сердечной тоски”. Всеобщее народное признание получила песня „Вверх по Волге-реке, с Нижня Новгорода” из пьесы А. А. Шаховского „Двумужница”.

К числу наиболее распространенных русских песен на любовные темы относилась и песня С.И. Строилова „То не ветер ветку клонит”. Ее замечательной особенностью было то, что глубокую печаль „доброго молодца” автор сумел поэтически передать при помощи выразительной народной образности: „кручина” молодца – „*подколодная змея*”, жизнь его сравнивается с „*догорающей лучиной*”, его сердце стонет „*как осенний лист*” и т. д. Поэтому в народных вариантах содержание этой песни было принято целиком, за исключением некоторых мелких изменений текста» (Новикова 1982).

Примеров можно было бы привести еще множество. Таким образом, процесс перехода песен, автор которых известен, в разряд народных, является довольно распространенным, специально исследуется учеными, представляя для них определенный интерес. Кстати сказать, наблюдается и обратный процесс – когда тексты устной традиции становятся частью литературной традиции (подр. см.: Неклюдов 2009).

Для нас же в контексте данного исследования важно подчеркнуть следующее: среди носителей фольклора бытует ряд песен, авторы которых (или, по меньшей мере, один из них, чаще всего тот, который писал текст), в

принципе, известны, но сами носители считают эти песни народными, своими, даже рожденными в их селе. Надо полагать, что такие песни соответствовали психологическому складу носителей фольклора, были близки им в отношении формы (определенная лексика, словесные обороты, символика и т. д.) и содержания (тематика), и именно поэтому они получают народное признание – происходит их фольклоризация.

* * *

Проблемы сохранения и возрождения русского фольклора в современной Молдове с особой остротой актуализируют необходимость определения ее основополагающих черт, того, что является существенным в русской культуре, выявления тех базовых признаков, которые придают ей жизненность и устойчивость, обуславливают ее самобытность и качественное своеобразие. Важно не только выявлять черты русского национального сознания в Молдове, но и представлять формы их воплощения, существования в культуре, поскольку именно сохранение, развитие и трансляция данных форм способствуют их жизнеспособности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСЕННЫМ ТЕКСТАМ

1. Цвіте терен. <http://textbase.ru/song/song/752337> (дата обращения – 21.10.2017).
2. Песня моей бабушки. <http://playcast.ru/.../88174229cd4804185f51b87029baee115e8ef223pl> (дата обращения – 7.06.2017).
3. Панько – Панько В. Д. Песенный фольклор украинцев – 2. www.proza.ru/2013/08/23/1798 (дата обращения – 15.03.2016).
4. Мала мати одну дочку. <http://nashe.com.ua/song/6329> (дата обращения – 17.08.2017).
5. Чом ти не прийшов? <http://nashe.com.ua/song/3832> (дата обращения – 20.09.2017).

6. Я – акация. Тексты песен. www.jooov.net/text/1002180/tamara_miansarova-ya_-_akatsiya.htmls (дата обращения – 21.10.2017).
7. Полонский Я. Затворница. <http://rustih.ru/yakov-polonskij/> (дата обращения – 20.09.2017).
8. Баллады 2001 – Баллады. Библиотека русского фольклора. М., 2001.
9. Бирюков 2004 – Бирюков Ю. Е. Казачьи песни. М.: Современная музыка, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин 1979 – Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Богомольная 1968 – Богомольная Р. А. Русская народная песня в Молдавии. Кишинев, 1968.
3. Бунин 1966 – Бунин И. А. «В одной знакомой улице» / Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966.
4. Веселовский 1989 – Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
5. Грешникова 2007 – Грешникова А. В. Русско-украинские фольклорные связи в необрядовой песенной лирике: на фольклорном материале Курской области. Орел, 2007. www.dissercat.com (дата обращения – 12.03.2016).
6. Друмя 2008 – Друмя Л. Х. Фольклорные переводы и лексико-стилевые интерференции (взаимосвязи восточнороманской и восточнославянской народной поэзии) // Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. IV. Chișinău, 2008. С. 5-175.
7. Неклюдов 2009 – Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. М., 2009. www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm (дата обращения – 12.08.2017).
8. Новикова 1982 – Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX вв. и народная песня. М.: Просвещение, 1982. www.a-resni.org/popular20/novikova7.htm (дата обращения – 12.08.2017).
9. Песенная летопись Кавказской войны 2002 – Песенная летопись Кавказской войны. СПб.: Русская Лирика, 2002.
10. Словарь русских народных говоров 2000 – Словарь русских народных говоров. Вып. 34. СПб.: Наука, 2000.

PRIMECHANIYA K PESENNYM TEKSTAM

1. Tsvite teren. <http://textbase.ru/song/song/752337> (accessed October 21, 2017).
2. Pesnya moi babushki. <http://playcast.ru/.../88174229cd4804185f51b87029baee115e8ef223pl> (accessed June 7, 2017).

3. Paniko – Paniko V. D. Pesennyi fol'klor ukraintsev – 2. www.proza.ru/2013/08/23/1798 (accessed March 15, 2016).
4. Mala maty odnu dochku. <http://nashe.com.ua/song/6329> (accessed August 17, 2017).
5. Chom ty ne priishov? <http://nashe.com.ua/song/3832> (accessed September 20, 2017).
6. Ia – akatsiya. Teksty pesen. www.jooov.net/text/1002180/tamara_miansarova-ya_-_akatsiya.htmls (accessed October 21, 2017).
7. Polonskii Ia. Zatvornitsa. <http://rustih.ru/yakov-polonskij/> (accessed September 20, 2017).
8. Ballady 2001 – Ballady. Biblioteka russkogo fol'klora. M., 2001.
9. Birjukov 2004 – Birjukov Ju. E. Kazach'i pesni. M.: Sovremennaja muzyka, 2004.

REFERENCES

1. Bahtin 1979 – Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 2001.
2. Bogomol'naja 1968 – Bogomol'naja R. A. Russkaja narodnaja pesnya v Moldavii. Kishinev, 1968.
3. Bunin 1966 – Bunin I. A. „V odnoi znakomoi ulitse”. Sobr. soch. v 9-ti tt. T. 7. M.: Hudojestvennaya literatura, 1966.
4. Veselovskii 1989 – Veselovskii A. N. Istoricheskaia poetika. M.: Vysshaya shkola, 1989.
5. Greshnicova 2007 – Greshnicova A. V. Russko-ukrainskie fol'klornye svyazi v neobryadovoi pesennoi lirike: na fol'klornom materiale Kurskoi oblasti. Oryol, 2007. www.dissercat.com (дата обращения – 12.03.2016). (accessed March 12, 2016).
6. Drumya 2008 – Drumya L. H. Fol'klornye perevody i leksiko-stilevye interferentsii (vzaimosvyazi vostochnoromanskoi i vostochnoslavyanskoi narodnoi poezii). Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. IV. Chișinău, 2008. S. 5-175.
7. Neklyudov 2009 – Neklyudov S. Yu. Traditsii ustnoi i knijnoi kul'tury. Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologia, semiotika. M., 2009. www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm (accessed August 12, 2017).
8. Novicova 1982 – Novicova A. M. Russkaya poeziya XVIII – pervoi poloviny XIX vv. I narodnaya pesnya. M.: Prosveshchenie, 1982. www.a-pesni.org/popular20/novikova7.htm (accessed August 12, 2017).
9. Pesennaya letopis' Kavkazskoi voiny 2002 – Pesennaya letopis' Kavkazskoi voiny. SPb.: Puskaya Lira, 2002.
10. Slovar' russkikh narodnykh govorov 2000 – Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 34. SPb.: Nauka, 2000.

И.А. Рябцев,
научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы,
Кишинев
I.A. Reabtsev,
Researcher Institute of Cultural Nation of the Academy of Sciences of Moldova,
Chisinau

«ДРУГИЕ РУССКИЕ»: СТАРООБРЯДЦЫ И СЕКТАНТЫ БЕССАРАБИИ

Аннотация. Наличие свободных земель и относительно либеральная политика, проводимая властями, привели к тому, что на территорию Бессарабии в XIX в. переселялись как старообрядцы (известные здесь как липоване), так и сектанты различных направлений. Среди старообрядцев наиболее многочисленными были поповцы, связанные с Белокрыницкой митрополией, а среди сектантов – молокане. В целом наиболее крупные группы старообрядцев отмечаются на севере и на юге, а сектантов – на юге Бессарабии. Старообрядцы принимали участие в экономической жизни края, участвовали в формировании местной культуры.

Ключевые слова: Карпато-Дунайский регион, переселения, старообрядцы, некрасовцы, липоване, молокане, раскольники, поповцы, беспоповцы.

«OTHER RUSSIANS»: OLD BROADCASTS AND SECTORS OF BESSARABIA

Summary. The availability of unoccupied lands, and the relatively liberal policy of the authorities led to the fact that of resetting on the territory of Bessarabia in the XIX century of Old Believers (known here as Lipovans), and various types of sectarians. Among the Old Believers the most numerous were the Old Believers with priests, associated with the Belokrinitzkaya metropolis, and among the sectarians the Molokans. In general, the largest groups of Old Believers are observed in the north and in the south, and sectarians in the south of Bessarabia. Old Believers took part in the economic life of the region, participated in the formation of local culture.

Keywords: of Carpathian-Danube region, Resettlement, Old Believers, Nekrasovci, Lipovans, Molokans, Dissenters, Popovites, Non-Popovites.

После падения Константинополя Россия начала постепенно воспринимать себя как Третий Рим и «Последний бастион православия». В связи с этим, достаточно длительный период времени слово «русский» для населения Российской империи фактически использовалось как синоним слова «православный». Это приводило к тому, что люди, имевшие разногласия с официальной церковью и воспринимаемые как «отступники», подвергались серьезному давлению. Зачастую, чтобы избавиться от этого давления они бежали на границу государства или за нее.

Карпато-Дунайский регион – территория, где сходились границы многих государств, с XVIII в. привлекал старообрядцев. Возможность в случае необходимости быстро пересечь границу много значила для людей, находившихся в перманентном конфликте с официальной церковью и властью.

До 1905 года официальные российские власти именовали старообрядцев раскольниками. Сами же старообрядцы четко различают свои три крупнейших согласия. Первое - поповцев, у которых после раскола сохранилась собственная, отдельная от официальной православной церкви иерархия священников. Второе - не имеющих священников беспоповцев. Третье – единоверцев, которые признавали официальную иерархию Московского Патриархата и не считались раскольниками, но сохраняли старую обрядность. Сами эти группы внутри себя также подразделяются на более узкие течения (Булгаков 1994). К 1917 г. в Южной Бессарабии отмечалось несколько групп старообрядцев-поповцев: окружники, неокружники-иовцы, неокружники-иосифовцы и другие. Кроме старообрядцев поповского согласия, прибывали в Бессарабию и старообрядцы беспоповцы (федосеевцы, странники, нетовцы и др.), но их число было незначительным по сравнению с поповцами (Зеленчук 1979: 175).

Что касается хронологии расселения, то, по-видимому, самыми первыми в регионе появляются поселения бывших донских казаков - старообрядцев, известных под именем «некрасовцы». После поражения

восстания под руководством Кондратия Булавина (1707-1709 гг.), часть его участников бежала в османские владения. С именем их атамана Игната Некрасова и связано происхождение их самоназвания – некрасовцы (Смирнов 1986,: 97). Что касается Бессарабии, то казаки-старообрядцы начинают осваивать этот регион во второй половине XVIII века. Не позднее середины столетия возникают их станицы на правом и левом берегах дельты Дуная. И в наши дни в Килийском районе Одесской области Украины существуют основанные некрасовцами населенные пункты – Вилково (другие названия: Филиппонское, Липованское), а также Жебрияны (ныне - с. Приморское), являющиеся местами компактного проживания старообрядцев (Галкина, Пригарин 2014: 556). Абакумова-Забунова высказала предположение, что именно некрасовцы исказили название своих соседей (старообрядцев, не являвшихся казаками) с филиповцы, на пилипоны, что позднее преобразилось в ставший общеупотребительным термин липоване (Абакумова-Забунова 2007: 87). Она также приводит еще одну теорию, согласно которой, слово липоване произошло от термина «липамки», означавшего лапти и употреблявшегося бродячими торговцами офенями (Абакумова-Забунова 200: 93). Однако в литературе существуют и другие мнения по вопросу о происхождения термина липоване³

Взаимоотношения между некрасовцами и липованами были достаточно сложными. Если первоначально, в условиях постоянных военных конфликтов переселявшиеся в район Дуная старообрядцы активно перенимали быт и обычаи некрасовцев, то после превращения данной территории в Бессарабскую область России происходит уже ассимиляция оставшихся в регионе казаков-некрасовцев в среде более многочисленных липован (Смирнов 1986: 105; Пригарин 2010: 74-78).

Помимо старообрядцев переселялись в Бессарабию и Запрутскую Молдову и представители разнообразных сект. Среди сектантов наиболее

³ Например, есть предположение, что он произошел от одного из старейших поселений старообрядцев, которое носит название «Липовень» (Галкина, Пригарин 2014, с. 578-579).

многочисленными были молокане; это религиозное течение (духовного христианства). Его происхождение не вполне ясно, но многие из ранних молоканских лидеров и проповедников до перехода в эту веру были представителями более древнего течения – духоборчества. Само молоканство впервые отмечается только в XVIII веке.⁴

Также, в Запрутской Молдове отмечено наличие лиц, принадлежавших к сектам скопцов и хлыстов (Табак 1990: 33). В 1826 г. бендерский полицмейстер сообщал о проживающих в городе сектантах-субботниках (русских, принявших иудаизм). Их дальнейшая судьба осталась неизвестной (Абакумова-Забунова 2006: 69-70). Называются и другие, присутствовавшие на территории Бессарабии секты: духоборы, штундисты, немоляки (Зеленчук 1979: 175).

Почему же территория Пруто-Днестровских земель была столь привлекательна для разнообразных видов старообрядцев и сектантов? Один из ответов заключается в особенностях политической ситуации в регионе.

После распространения влияния Российской империи на территорию Бессарабии ее власти должны были выстроить систему взаимоотношений с местным населением, в том числе, придерживающимся старообрядческой версии православия.

Император Александр Первый уделил особое внимание вопросу возвращения некрасовцев в подданство Российской империи. Главнокомандующий российскими войсками, сражавшимися с турками на территории Молдавского княжества М.И. Голенищев-Кутузов, 25 июля 1811 г. обнародовал указ императора Александра I в отношении некрасовцев: "кои пожелали и кои пожелают переселиться под власть Его Императорского Величества, вечное прощение в прежних их винах против государя и

4 [□] Единой общепринятой версии о происхождении названия «*молокане*» не существует. Среди версий можно выделить три наиболее распространенные: от реки Молочной – места их компактного проживания в первой трети XIX столетия, от религиозной концепции «духовного молока» и от того, что они употребляли молоко в пост (Галкина, Пригарин 2014, с. 583).

отечества Российского". Также в указе Александра I говорилось, что "старообрядческие церкви будут по желанию вашему в приличных местах воздвигнуты, и отправление веры христианской по правилам старообрядческим не будет воспрещено или притесняемо никем" (ССРСЕ 1894: 254).

Политика Николая I в вопросе отношения к старообрядцам на вновь присоединенных территориях не расходилась с политикой его предшественника, что определило массовый приток новых беглецов с Дона, а также других областей России. И.В. Табак отмечает, что многие старообрядцы намеренно приписывались к некрасовцам, чтобы воспользоваться причитающимся им привилегиями (Табак 1990: 33). Практически одновременно с казаками в районе Дуная появляются и старообрядцы из северорусских губерний. Именно ими были основаны поселения Кунича и Сырково на севере Бессарабии, Грубно и Белоусовка – в Хотине, Липованы и Белая Криница на Северной Буковине (Табак 1990: 18-19).

Необходимо отметить, что вопрос о поддержке старообрядцев носил и внешнеполитический характер. В борьбе с усилением позиций России в регионе, турки также поддерживали оказавшихся на их территории старообрядцев, видя в них противовес русскому правительству и официальной православной церкви. После образования Румынии⁵, ее власти придерживались похожей политики по аналогичным причинам (Батюшков 1894: 172; Таранец 2000: 103-112).

Одной из важных причин, по которым старообрядцы переселялись на данную территорию, была возможность относительно свободно пересекать границу и попадать на территорию соседних государств и наличие целой сети исторически сложившихся «каналов», по которым происходили такие миграции и просто общение старообрядцев по разные стороны границы. Так

⁵ Несмотря на то, что официальной религией в Румынском королевстве являлось православие.

переходы старообрядцев в принадлежавшую в XIX в. Австро-Венгрии Буковину традиционно происходили через местечко Новоселица Хотинского уезда (Табак 1990: 33).

Важно отметить, что в Северной Буковине располагалась Белокриницкая Митрополия, которая была религиозным центром для всех старообрядцев поповского согласия за пределами России. Это тоже должно было способствовать притяжению тех, кто признавал старообрядческую церковную иерархию в данном регионе (Болученкова 2010: 80). Белокриницкая Митрополия была основана последним атаманом турецких некрасовцев на Дунае О. П. Гончаровым (Смирнов 1986: 101-103).

Необходимо напомнить и тот факт, что в XIX в., в виду наличия большого количества свободной земли, оставшейся после выселения ногайских татар, территория Бессарабии становится весьма привлекательным местом для переселенцев – крестьян. Особенностью этого региона было и то, что на его территории не было распространено действие крепостного права, а так же отсутствовала рекрутская повинность (ССРСЕ 1894: 251). При этом относительная мягкость законов приграничной провинции привлекала тех, кто не очень уживался с властями центральных районов Российской империи. В особенности это касалось имевших разногласия с православной церковью разнообразных раскольников и сектантов. Уже во второй половине XVIII века старообрядцы массово расселяются в селах и городах Северного Причерноморья, в то время еще остававшегося под владычеством Османской империи. Переезды, как правило, совершали целой общиной, иногда всем селом. Во множестве действовали и предприимчивые одиночки, без труда находившие "своих" на чужбине - легенды об узнавании одноверцев по особым липовым иконам донине в ходу у дунайских староверов-липован (Таранец 2000, с. 111). Эти легенды стали основой для еще одного «народного» объяснения происхождения термина липоване (Абакумова-Забунова 2007: 86)

Официальная статистика Российской империи особенно тщательно вела учет той части населения, которая в конфессиональном плане отличалась от основной массы представителей ортодоксального православия. Благодаря этому имеются точные данные о численности старообрядцев на всем протяжении XIX века. (Зеленчук 1979: 175).

Сравнительно крупные сообщества старообрядцев различных толков быстро сформировались в Ананьеве, Балте, Брацлаве, Дубоссарах, Тирасполе, Бендерах, Килие, Вилково, Жебриянах. Поселялись старообрядцы и в Одессе и других городах Причерноморья. Фиксируются переселения старообрядцев из Полесья, Подольской, Херсонской, Курской, Калужской, Ярославской, Орловской, Тульской и других губерний (Галкина, Пригарин 2014: 579-580). Интересно, что старообрядцы, до приезда в Бессарабию жившие в Белоруссии и Литве, в переписи 1897 года записывали себя как белорусов (Берг 199: 108-109).

Переселение в район Дуная русских староверов из разных губерний России продолжалось вплоть до конца XIX – начала XX столетий. Но с середины XIX века оно уже не носило массового характера. Наиболее интенсивно освоение Южной Бессарабии старообрядцами происходило в 1810-1830-е гг. Тогда старообрядцы полулегально, зачастую под видом государственных крестьян и мещан, приписывались в сельские и городские общества Бессарабии. Кроме того, отмечаются и переселения липован в пределах самой территории Карпато-Балканского региона (Галкина, Пригарин 2014: 580).

Расселяясь в разных государствах (Россия, Молдавское княжество, позже Румыния, Австрийская империя), в основном на их пограничных территориях, липоване часто перемещались в поисках лучших религиозных и социально-политических условий. Переселения, как правило, происходили между важнейшими центрами расселения регионального старообрядчества, которыми в XIX веке были Буковина, северная и южная Бессарабия, Добруджа. В 1812 и 1829 гг. на левый берег Дуная переходили некрасовцы и

были основаны их поселения – Старая и Новая Некрасовка. (Галкина, Пригарин 2014: 580). По официальным сведениям численность русского населения Бессарабии в конце 60-х годов XIX в. составляла 19850 человек из них 9800 – старообрядцы. При этом численность старообрядцев, возможно, была еще выше, поскольку многие из них могли скрывать свое вероисповедание (Анцупов 1996: 32). Что касается их доли в общем населении Бессарабии, то статистические исследования оценивают ее как примерно (0,9%) для 60-х и 70-х годов (Gumenai 2015: 17-18).

Первыми десятилетиями XIX в. датируется возникновение отдельных городских кварталов старообрядцев в Измаиле, Килие, Тулче, Галаце, Яссах, Браиле, Сучаве, а также формирование их крупных общин в Кишиневе, Бендерах и т.д. (Галкина, Пригарин 2014: 580). Старообрядцы были первым русским населением Кишинева, составляли большую часть русского населения Оргеева (Абакумова-Забунова 2006: 67, 95). Берг указывает на то, что больше всего старообрядцев жило в северной Бессарабии - в Хотинском и Сорокском уездах (Берг 1993: 106). На юге Бессарабии, в районе Измаила также был целый ряд населенных пунктов, в которых жили в первую очередь старообрядцы. На начало XX в. численность старообрядцев составляла в следующих селах: в уже упоминавшихся Старой и Новой Некрасовках 1204 и 1344 человек соответственно, в Муравлевке 1124 человека, в Косе 100, в Чичме 310, в Подковке 600, в Жербиянах 1700, в Крачкове 1240 (Анцупов 1996: 32).

При этом наиболее многочисленными в Бессарабии были старообрядцы поповского согласия, которые жили в основном на юге Бессарабской губернии – в Измаильском и Бендерском уездах. К середине XIX в. количество поповцев в Молдавском и Валашском княжествах можно оценить приблизительно в 20 тыс. человек. Примерно столько же жило в это время и в Бессарабской губернии. (Зеленчук 1979: 175).

Старообрядцы активно участвовали в экономической жизни Бессарабии. Наиболее традиционным их занятием была рыбная ловля. По

описаниям первой половины XIX века, в Бессарабии «русские старообрядцы занимались, большей частью, плотничеством, ремеслом каменщиков и извозом по городам». Широко было распространено среди липован и плетение различных вещей. Особо отмечались успехи липован в разносной торговле. Множество «офеней», «коробейников» бродило по селам и городам, продавая мануфактуру, посуду и фрукты, мед, скупая шерсть, металлолом для перепродажи в города (Галкина, Пригарин 2014: 566-569). Процесс конвергенции между конструкциями жилища у молдаван и старообрядцев привел к тому, что старообрядцы заслужили среди молдаван славу «наиболее искусных печников» (Душакова 2011: 245).

Первые официальные запросы молокан на переселение в Бессарабию и получение земли там относят уже к 1811 году, то есть еще до официального присоединения Бессарабии (Галкина, Пригарин 2014: 561)! Процесс переселения молокан в Бессарабию не был однонаправленным. В 20-е и особенно 30-е годы XIX в. российское правительство проводило акции по добровольному переселению молокан в другие части Империи – преимущественно в Кавказский регион (Абакумова-Забунова 2006: 57).

В расселении сектантов в Бессарабии можно заметить определенную закономерность. Это были, по большей части (кроме молокан и субботников), поздние переселенцы (вторая половина XIX в.). Они обосновывались преимущественно в южных уездах, поскольку в северных уже не осталось свободных земель. Наибольшее количество сектантов (513 человек, по данным на 1901 год) отмечалось в Бендерском уезде. В Кишиневском, Аккерманском и Измаильском уездах чиновники насчитывали от 200 до 300 представителей различных сект (Зеленчук 1979: 175).

Согласно данным 8-й ревизии в 1835 году в Бессарабии жило 3454 сектанта, но реальные цифры, по-видимому, были значительно выше (Зеленчук 1979: 174).

В целом, можно отметить следующие особенности миграций старообрядцев и сектантов: высокую мобильность, стремление приходить на

уже «обжитые» родственным в духовном плане населением территории, каковой для старообрядцев являлась Бессарабия в виду наличия устойчивого населения, состоявшего в основном из некрасовцев. При этом явственно прослеживается стремление к поселению на малозаселенных территориях (хотя старообрядцы и сектанты не избегали и городов). Больше всего старообрядцев проживало на юге и на севере Бессарабии. Очевидно влияние на миграционные процессы политики, как русского правительства, так и правительств сопредельных государств. Старообрядцы были русским, достаточно многочисленным для начала XIX века населением, а некрасовцы еще и военизированным. Это определило тот факт, что они воспринимались как важный ресурс и российской властью. Интересны они были и для официальных властей соседних государств. Это побуждало местные приграничные власти, при поддержке российских императоров Александра I и Николая I, вести в их отношении достаточно либеральную политику. С течением времени, важность старообрядцев нивелировалась ростом численности русского населения края и продолжавшейся адаптацией местного населения. Это привело к нескольким волнам обратной миграции старообрядцев вглубь России и уже упоминавшейся программе переселения молокан. Тем не менее, старообрядцы и сектанты продолжали оставаться важным культурным компонентом Бессарабии, а их численность здесь была выше, чем в среднем по Империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов 1996 – Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVII-XIX в.: социально-экономический очерк. Кишинев, 1996.
2. Абакумова-Забунова 2007 – Абакумова-Забунова. Н. В. О названии и самоназвании русских старообрядцев Молдовы// Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. 5. Одесса. 2007.
3. Абакумова-Забунова 2006 – Абакумова-Забунова. Н. В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006.

4. Батюшков 1892 – Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. Санкт-Петербург, 1892.
5. Берг 1993 – Берг Л. С. Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство. Кишинев, 1993.
6. Болученкова 2011 – Болученкова А. Латышев Д. Вера и жизнь. Кишинев, 2011.
7. Булгаков 1994 – Булгаков по Справочник по ересям, сектантам и расколам. Москва 1994, accessed <http://profi-rus.narod.ru/pravoslavie/text/k-bulg.htm>
8. Галкина, Пригарин 2014 – Галкина А. В. Пригарин А. А. Русские. // Буджак, историко-этнографические очерки народов юго-западных народов Одесщины. Одесса, 2014.
9. Душакова 2011 – Душакова Н. Жилище старообрядцев и молдаван: общее и особенное. Кишинев, 2011. с. 243-247
10. Защук 1862 – Защук А. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Санкт-Петербург, 1862.
11. Зеленчук 1979 – Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Кишинев, 1979.
12. Крушеван 1903 – Крушеван П. А. Бессарабия. Москва, 1903.
13. Пригарин 2010 – Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. Одесса. 2010
14. Свиньин 1867 – Свиньин П. П. Описание бессарабской области. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867.
15. Смирнов 1986 – Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. - 1986. - № 8. - с. 97-107.
16. ССРСЕ 1894 – Статистические сведения о расколе и сектантстве в епархии. // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1894. №16. с. 1-5
17. Табак 1990 – Табак И. В. Русское население Молдавии. Кишинев, 1990.
18. Таранец 2000 – Таранец С. В. Состояние веры у старообрядцев Южной Бессарабии (XIX, начало XX вв.). // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. Москва, 2000.
19. Gumenai 2015 – Gumenai I. Minoritățile confesionale din Basarabia (1812 – anii '70 ai secolului al XIX-lea). Cișinau, 2015.

REFERENCES

1. Antsupov 1996 – Antsupov I.A. Russkoye naseleniye Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrovia v kontse XVII-XIX v.: sotsialno-ekonomicheskiy ocherk. - Kishinev. 1996.

2. Abakumova-Zabunova 2007 – Abakumova-Zabunova. N. V. O nazvanii i samonazvanii russkikh starobryadtsev Moldovy// Lipovane: istoriya i kultura russkikh starobryadtsev. T. 5. Odessa. 2007.
3. Abakumova-Zabunova 2006 – Abakumova-Zabunova. N. V. Russkoye naseleniye gorodov Bessarabii XIX v. Kishinev. 2006.
4. Batyushkov 1892 – Batyushkov P. N. Bessarabiya. Istoricheskoye opisaniye. Sankt-Peterburg. 1892.
5. Berg 1993 – Berg L. S. Bessarabiya. Strana – Lyudi – Hozyaystvo. Kishinev, 1993.
6. Boluchenkova 2011 – Boluchenkova A. Latyishev D. Vera i zhizn. Kishinev, 2011.
7. Bulgakov 1994 – Bulgakov po Spravochnik po eresyam, sektantam i raskolam. Moskva 1994, accesed <http://profi-rus.narod.ru/pravoslavie/text/k-bulg.htm>
8. Galkina, Prigarin 2014 – Galkina A. V. Prigarin A. A. Russkie. // Budzhak, istoriko-etnograficheskie ocherki narodov yugo-zapadnyih narodov Odesschinyi. Odessa, 2014.
9. Dushakova 2011 – Dushakova N. Zhilische starobryadtsev i moldavan: obschee i osobennoe. Kishinev, 2011. s. 243-247
10. Zashuk 1862 – Zashuk A. Materialyi geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami generalnogo shtaba. Bessarabskaya oblast. Sankt-Peterburg, 1862.
11. Zelenchuk 1979 – Zelenchuk V. S. Naselenie Bessarabii i Podnestrovyia v XIX v. Kishinev, 1979.
12. Krushevan 1903 – Krushevan P. A. Bessarabiya. Moskva, 1903.
13. Prigarin 2010 – Prigarin A.A. Russkie starobryadtsy na Dunae: formirovanie etnokonfessionalnoy obschnosti v kontse XVIII — pervoy polovine XIX vv. Odessa. 2010
14. Svinin 1867 – Svinin P. P. Opisanie bessarabskoy oblasti. // Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey. Odessa, 1867.
15. Smirnov 1986 – Smirnov I.V. Nekrasovtsy // Voprosyi istorii. - 1986. - № 8. - s. 97-107.
16. SSRSE 1894 – Statisticheskie svedeniya o raskole i sektantstve v eparhii. // Kishinevskie eparhialnyie vedomosti. Kishinev, 1894. №16. s. 1-5
17. Tabak 1990 – Tabak I. V. Russkoe naselenie Moldavii. Kishinev, 1990.
18. Taranets 2000 – Taranets S. V. Sostoyanie veryi u starobryadtsev Yuzhnoy Bessarabii (XIX, nachalo XX vv.). // Starobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost. Materialyi. Moskva, 2000.
19. Gumenai 2015 – Gumenai I. Minoritățile confesionale din Basarabia (1812 – anii '70 ai secolului al XIX-lea). Cișinău, 2015.

В.В. Букарский,
исполнительный директор Изборского клуба в Молдове,
Кишинёв, Молдавия
V.V. Bukarski ,
Executive Director of the Izborsk Club in Moldova,
Chisinau, Moldova

МОЛДАВИЯ КАК ПЕРЕКРЁСТНОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Автор рассматривает Молдавию как поле столкновения трёх цивилизаций: западной (евроатлантической), славяно-православной (евразийской) и тюркской.

Ключевые слова: перекрёстное поле, православно-византийский мир, церковь-куколка, великая письменная традиция, разорванная страна.

MOLDOVA AS A CROSS GEOPOLITICAL FIELD: HISTORICAL AND CIVILIZATIONAL ASPECTS

Summary. The author considers Moldova as a field of crash of three civilizations: Occidental (Euro-Atlantic), Slavic-Orthodox (Eurasian) and Turkic.

Keywords: cross-field, Orthodox-Byzantine world, Church-chrysalis, great written tradition, torn-country.

«Перекрёстное поле» - один из важнейших терминов геополитической теории, означающий часть пространства, на которую претендуют два и более государств. (Сирота 2006: 12). Мы знаем множество примеров совместного оспаривания территории того или иного государства. В нашем же случае речь идёт о нахождении определённой страны под перекрестным влиянием различных цивилизаций.

Одним из частных примеров перекрестного поля является Молдавия. На протяжении всей своей истории Молдавия находилась на пересечении трёх цивилизационных зон влияния: западноевропейской, славяно-православной и тюркской.

Несмотря на романское языковое происхождение, молдавская государственность и самобытность сформировалась в орбите влияния

православно-византийского мира. Как утверждают современные историки, в этногенезе молдавского народа, совместно с волохами – романизированным населением Дуная и Карпат, сыграло роль древнерусское население Северо-Западного Причерноморья. По словам молдавского историка С.Г. Суляка, Молдавское княжество вполне обоснованно можно было назвать волошко-русским (русинским). Русский историк Георгий Вернадский называл средневековую Молдавию «Молдавской Русью». (Суляк 2010: 15).

Молдавский народ принял Православие от Византии посредством русских и болгарских миссионеров. В 1401 году Молдавия попала под окормление Вселенского Патриархата в Константинополе. Приняв Православие, молдавский народ вошёл в сферу влияния Византийской Империи, или, по словам британского историка русского происхождения Дмитрия Оболенского, обеспечил себе место в «Византийском содружестве наций». (Оболенский 1998, с. 276). Молдавская государственность, правовая система, культура развивались на основе книг, написанных в Византии.

Используя терминологию одного из родоначальников цивилизационного подхода Арнольда Тойнби, Православная Церковь стала той «куколкой», из которой вышла молдавская культура. (Тойнби 2003: 530). В результате молдавский народ был приобщён, по терминологии культурологов и религиоведов, к одной из великих письменных (суперэтнических) традиций, а именно к православно-византийской письменной традиции. По словам российского философа А.С. Панарина, единая письменная традиция, зафиксированная в Великой книге (тексте той или иной мировой религии), становится решающим интегративным фактором, предопределяющим общность исторической судьбы народов, принадлежащих к единой цивилизации. (Панарин 1997: 371).

Определяющую роль в формировании молдавской культурной идентичности сыграл тот факт, что богослужение в Молдавском княжестве вплоть до XVII века осуществлялось на церковнославянском языке. Как отмечает Дмитрий Оболенский, «язык, используемый как средство

отправления христианской литургии, тем самым становится священным языком, а говорящий на этом языке народ повышает свой статус и превращается в народ, посвященный Богу». (Оболенский 1998: 357). Церковнославянский язык стал применяться в Молдове повсеместно в литературе, богослужении и делопроизводстве. Молодое княжество, тем самым, приобщилось к высокой культуре Византии и славянского мира.

Однако XV век стал веком разрыва.

Во-первых, на Востоке появилась новая сила: тюрки-мусульмане, которые уничтожили Второй Рим – Константинополь и вскоре подчинили всю юго-восточную Европу, в том числе и Молдавию, своему сюзеренитету.

Во-вторых, православный мир не исчез, а напротив, получил ещё более интенсивное развитие. Его центр переместился на северо-восток, в Москву. Отныне мировой православный проект был персонифицирован в лице Российской державы, распространившейся на всём пространстве Евразийского континента, вплоть до Тихого океана. «Два Рима падоша, третий стоит, четвертому не быти», - пишет в своем знаменитом послании инок Псково-Елеазаровского монастыря Филофей, рождая фундаментальную концепцию «Москва – Третий Рим». Как отмечает российский философ А.М. Малер, византизм становится официальной идеологией Московской Руси, оправдывающей ее внутреннюю и внешнюю политику. При этом географически Московская Русь была в несколько раз больше византийской ойкумены, и ее масштабы продолжали расти, достигнув пределов континента на Севере и Востоке. (Малер 2005: 136).

И в-третьих, усилилось давление Запада на Молдавию, в лице Венгрии, Польши, Литвы, позднее Австрии, а также в лице Папского престола и кальвинистских миссионеров.

Показательно появление в Молдавском княжестве в XVII веке разных групп геополитического влияния – «русской», «польской» и «турецкой» партий. «Русскую» партию поддерживало, в первую очередь, влиятельное православное духовенство и часть боярства. За «польской» партией стоял ряд

крупных боярских родов, таких как Мовилэ и Костин. (Шорников 2012: 106). Наконец, «турецкую» партию представляли собой греки-фанариоты, поставленные Портой в управление страной.

Позднее, начиная с XVIII века, именно западная линия стала определяющей в политическом классе Молдавии. В то время и Россия в результате петровских реформ в значительной степени утратила свою цивилизационную самостоятельность и стала периферией европейского мира. Среди образованного класса как России, так и Молдавии, стал развиваться комплекс провинциализма в отношении западного мира. Молдавская и валашская элиты стали воспринимать себя как «передовой отряд Запада». «Мы с XIII века были бастионом Европы против азиатских вторжений», - говорил румынский общественный деятель Ион К. Брэтиану. (Voia 2011: 255-256). В основу румынского проекта было положено отмежевание от всех незападных народов, с которыми на протяжении своей истории сталкивались молдаване и валахи, в первую очередь от греков, турок и русских. (Voia 2011: 258-261). Румынское королевство в качестве своих ориентиров берёт страны Западной Европы – в первую очередь Францию, Бельгию и Германию. Конституция Румынии 1866 года была целиком списана с бельгийской конституции 1831 года. (Voia 2011: 262).

При этом «передовые» европейские веяния породили у молдавского «образованного класса» отрицание традиционных культурно-духовных форм, пренебрежительное отношение к истории собственного народа, к собственной православной вере, которой они начали стесняться как «восточное варварство» (синтагма румынского учёного и государственного деятеля Т. Майореску). (Voia 2011: 70).

Влияние тюркского мира на Молдавию, несмотря на 3 века вассальной зависимости от Османской империи, было слабым. Здесь никогда не утвердился ислам и не оставил никакого отпечатка на судьбе Молдавии. Гагаузов – тюркоязычный народ на юге Молдавии, лишь условно можно отнести к тюркскому миру – это православный народ, разделяющий ту же

систему ценностей, что и другие народы, чья система ценностей основана на Православии. Гагаузов связывает с тюркским миром только близость языка и определённые элементы культуры. Даже такой откровенно ошибочный, самоколонизационный шаг, как смена алфавита на латиницу в середине 90-х годов, не переменял цивилизационную ориентацию гагаузского народа на Россию и православно-евразийскую цивилизацию. В то же время, нельзя не замечать усиливающийся фактор влияния Турции на юге страны.

Сегодня Молдавия, по терминологии Самуэля Хантингтона – разорванная страна. Согласно данной терминологии, в отличие от расколотых стран, где большие группы принадлежат к разным цивилизациям (Хантингтон 2003: 206), в разорванной стране присутствует одна господствующая в народе культура (в нашем случае – православная), но её лидеры стремятся к другой цивилизации (чаще всего к западной, как и в нашем случае). Элиты таких стран как бы говорят: «Мы один народ и все вместе принадлежим к одному месту, но мы хотим это место изменить». Жители разорванных стран осознают свою национальную принадлежность, но расходятся в вопросе, какую цивилизацию считать своей. (Хантингтон 2003: 209).

Учёный называет три необходимых условия для переопределения страной своей цивилизационной идентичности:

Политическая и экономическая элита страны должна с энтузиазмом поддерживать данное стремление;

Преобладающие элементы в принимающей цивилизации должны, по меньшей мере, желать принять новообращённого;

Общество должно по крайней мере молча соглашаться с переопределением идентичности или стремиться к этому.

В Молдавии имеются в наличии первые два из вышеназванных условий. Курс на европеизацию, по меньшей мере в течение последних нескольких лет, вызывает в обществе непрекращающуюся дискуссию, доходящую до противостояния – упомянем в этой связи намерение правящей

элиты внести в Конституцию тезис о неизменности европейского вектора страны, что вызвало резкую реакцию сопротивления со стороны Президента страны и по меньшей мере половины ее населения.

Как отмечает Хантингтон, на данный исторический момент процесс переопределения идентичности нигде не увенчался успехом. (Хантингтон 2003: 210). Этой же точки зрения придерживается и русский философ, один из идеологов евразийства Н.С. Трубецкой в своей работе «Европа и человечество». По его мнению, «полное усвоение романо-германской культуры народами, не участвовавшими в её создании, не является безусловным благом и не имеет никакой моральной ценности». Народу, заимствующему чужую культуру, «приходится совершенно отказаться от собственного культурного творчества, жить отражённым светом Европы, обратиться в обезьяну, непрерывно подражающую романогерманцам». Такой народ, утверждает Трубецкой, всегда будет отставать от народов Запада, «усваивать и воспроизводить различные этапы их культурного развития всегда с известным опозданием, и окажется по отношению к природным «европейцам» в невыгодном, подчинённом положении, в материальной и духовной зависимости от них». (Трубецкой 1999: 88-89).

В качестве характерных примеров разорванных стран Хантингтон приводит Россию и Турцию, которые, кстати, уже даже на уровне элит преодолели свою разорванность – русская элита в 2012 году сделала выбор в пользу православной цивилизации, турецкая элита в 2016 году – в пользу тюрко-исламской цивилизации. У нас многие политические лидеры говорят применительно к Молдове про «мост между Западом и Востоком». Но, по словам Хантингтона, мост – искусственное сооружение, которое не является частью ни того, ни другого берега. Когда лидеры применяют термин «мост» к своей стране, они подтверждают, что страна разорвана. (Хантингтон 2003: 228).

Правящий класс в современной Молдавии настроен на Запад и являет собой передовой отряд западной колонизации страны. В то же время,

согласно всем опросам, большинство простого народа ориентировано на Россию. Это показал и результат президентских выборов 2016 года, на которых одержал победу Игорь Додон, не скрывающий своего курса на приоритетное стратегическое партнёрство с Российской Федерацией. В то же время, в Молдавии присутствует и территориальный раскол: Приднестровье чётко определилось со своим геополитическим выбором в сторону Русского мира. Властям Кишинёва, если они всерьёз рассчитывают интегрировать Приднестровье, придётся учитывать этот цивилизационный фактор.

Сегодня Молдавия поделена между сторонниками двух полярных геополитических проектов: западного, или евроатлантического, и славяно-православного, или евразийского проекта. Как и во многих других точках мира, либерально-западнический режим в Молдавии видит гаранта своего существования в лице США, осевой страны атлантистской цивилизации. Этому режиму противостоит православное большинство, которое видит в лице России защитницу своих традиционных ценностей. А.М. Малер определяет это противостояние как «Третий Рим против Третьего Карфагена». (Малер 2005: 177). Молдавия своей историей обречена оставаться территорией цивилизационного разрыва. Сегодня есть два пути: либо сторонники разных векторов найдут способ сосуществования и взаимодействия, либо геополитический разрыв приведёт к дезинтеграции страны и самоликвидации самобытного молдавского проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Voia 2011 – Voia L. Istorie și mit în conștiința românească. București: Humanitas, 2011.
2. Оболенский 1998 – Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с., 32 с. ил.
3. Малер 2005 – Малер А.М. Духовная миссия Третьего Рима / А.М. Малер. – М.: Вече, 2005. – 384 с.
4. Панарин 1997 – Панарин А.С. Политология. Учебник. М.: Проспект, 1997. – 408 с.

5. Сирота 2006 – Сирота Н.М. Геополитика. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
6. Суляк 2010 – Суляк С.Г. Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности) // Русин №2 (20), 2010. С. 10 – 19.
7. Тойнби 2003 – Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
8. Трубецкой 1999 – Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. – 554 с.
9. Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
10. Шорников 2012 – Шорников П.М. Геополитический выбор Молдавии: Венгрия, Польша, Россия? // Русин № 1 (27), 2012. С. 101 – 121.

REFERENSES

1. Boia 2011 – Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București: Humanitas, 2011.
2. Obolenskij 1998 – Obolenskij D. Vizantijskoe sodruzhestvo nacij. Shest' vizantijskih portretov. – М.: YAnus-K, 1998. – 655 s., 32 s. il.
3. Maler 2005 – Maler A.M. Duhovnaya missiya Tret'ego Rima / A.M. Maler. – М.: Veche, 2005. – 384 s.
4. Panarin 1997 – Panarin A.S. Politologiya. Uchebnik. М.: Prospekt, 1997. – 408 s.
5. Sirota 2006 – Sirota N.M. Geopolitika. Kratkij kurs. – SPb.: Piter, 2006. – 176 s.
6. Sulyak 2010 – Sulyak S.G. Moldavskaya Rus' (k 650-letiyu obrazovaniya moldavskoj gosudarstvennosti) // Rusin №2 (20), 2010. S. 10 – 19.
7. Toynbee 2003 – Toynbee A. Postizhenie istorii. М.: Ajris-press, 2003. – 592 s.
8. Trubeckoj 1999 – Trubeckoj N.S. Nasledie Chingiskhana. М.: Agraf, 1999. – 554 s.
9. Huntington 2003 – Huntington S. Stolknovenie civilizacij / S. Hantington; Per. s angl. T. Velimeeva. YU. Novikova. — М: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. — 603 s.
10. Shornikov 2012 – Shornikov P.M. Geopoliticheskij vybor Moldavii: Vengriya, Pol'sha, Rossiya? // Rusin № 1 (27), 2012. S. 101 – 121.

Т.Н. Сузанская,
доктор филологии,
конференциар кафедры славистики Бельцкого государственного
университета,
Бельцы, Республика Молдова
T.N. Suzanskaya
Doctor of Philology,
the conference of the Department of Slavic Studies of the Balti State University,
Balti, Republic of Moldova

«МОЛДАВСКИЙ ТЕКСТ» В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТЕНДЕНЦИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ УНИКАЛЬНОСТИ

Аннотация. Основным объектом исследования в данной статье является творчество современных молдавских авторов, пишущих на русском языке. Вводится понятие «молдавский текст» русской литературы, прослеживаются тематика и поэтика МТ и делается попытка выявить некоторые направления развития новейшей русскоязычной литературы в Молдове.

Ключевые слова: молдавский текст, художественное пространство, геокультурный локус, художественная детализация, герой, провинциальность и уникальность.

«MOLDOVAN TEXT» IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE: TRENDS OF PROVINCIAL UNIQUENESS

Summary: The main object of study in this article is the work of contemporary Moldovan authors writing in Russian. The concept of ‘Moldovan text’ in Russian literature is introduced, the themes and poetics of the ‘Moldovan text’ are traced and an attempt is made to identify some directions for the development of the current Russian-language literature in Moldova.

Key words: Moldovan text, artistic space, geocultural locus, artistic detailing, personage, provinciality and uniqueness.

1. О методологических предпосылках темы

Они касаются понятий «молдавский текст» и художественный провинциализм.

Словосочетание «*молдавский текст*» подсказано основополагающими работами выдающегося культуролога, семиотика и литературоведа Владимира Топорова, который ввёл в литературоведческий обиход такое понятие, как «петербургский текст» русской литературы. Петербургский текст ученый рассматривает как некий «сверхтекст», т.е. единство всего написанного в русской литературе о Петербурге с момента возникновения города; текст со своей структурой и идеей Петербурга как города русской культуры, идеей пророческой или, как пишет В. Топоров, профетической (Топоров 1995: 259-320). Исследование учёного оказалась весьма продуктивным в методологическом плане: появились интересные работы о «московском» тексте, «одесском», «киевском» и др. Алексей Смоленцев, филолог из Воронежа, в своей диссертации справедливо отмечает: «В настоящее время данный научный вектор – исследование «совокупности текстов» – является одной из ведущих тенденций современной науки, получившей интенсивное развитие в первом десятилетии XXI столетия в сфере "локальных текстов" ("пермский текст", "орловский текст", "воронежский текст" и другие)» (Смоленцев 2012).

На наш взгляд, употребление терминологического сочетания «молдавский текст» вполне оправдано (далее «МТ». – Т.С.) Под МТ русской литературы мы понимаем *некий «сверхтекст»*, т.е. целостный корпус текстов и совокупность того, что было написано о Молдавии русскими и молдавскими писателями в выдающихся произведениях русской литературы на протяжении определенного периода. Нас, в частности, интересует МТ последнего десятилетия. Словоупотребление «молдавский текст» шире, чем словоупотребления «тема Молдавии», «тема Бессарабии». В этом понятии содержатся разные смыслы: Молдавия как *этнический и культурный феномен*, как *особое «пространство»*, как *концепция миропонимания*,

связанная с «национальным образом мира» (Г. Гачев), возможно, как *философская идея*, как *миф*, *символ* и др. Считаем, что понятия МТ и «символическое пространство» связаны; укажем работу профессора Наталии Пращерук, которая вводит в научный оборот понятия, не ограниченные конкретными реалиями, понятия, предполагающие символический состав: «язык пространства», «пространство жизни» (Пращерук 1999: 23). Исследователь понимает «пространство жизни» не только как географическое пространство, но и как метафизическое пространство без границ.

У МТ своя структура, своя эволюция, свой язык, своя организованность по вертикали (диахронно, например, от Пушкина до Горького) и по горизонтали (синхронно, например, русская поэзия Молдавии начала XXI в.). Он может рассматриваться также как некая смысловая общность и мировоззренческая категория.

Другим источником нашего исследования являются тема и образ провинции⁶ в русской литературе. Наверное, нет писателя или поэта, который не обозначил бы в своём творчестве антитезу «провинция – столица»: Пушкин пишет «Повести Белкина» которые явились некой оппозицией столичному миру «Евгения Онегина», Гоголь – создаёт циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», предшествующие «Петербуржским повестям», Тургенев – «Записки охотника», Некрасов – стихотворение «В столицах шум...», Бродский «Письма римскому другу» и т.д.

...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далёко, и от вьюги.

Лебезить не нужно, трусить, торопиться. (И. Бродский)

Третье наше соображение, предшествующее теме, касается понятий *провинциализм художественный*, *провинциальная литература*. Хорошо известно, что национальная литература подпитывается авторами из

6 Провинция – от лат. *provincia* «провинция», далее из *pro* «вперёд, для, за, вместо» + *vincere* «побеждать; превосходить».

провинции и часто складывается и создаётся именно в провинции – без Астафьева, Распутина, Вампилова, Шукшина, Белова никак не может сложиться целостная картина русской литературы XX в.

2. Новейший «молдавский текст»: авторы, произведения, образы, комментарии, тенденции

МТ русской литературы, создаваемый сегодня русскими поэтами и прозаиками Молдавии представлен яркими и интереснейшими именами. Их творчество отличает, с одной стороны, оригинальность художественных исканий и необычность мировидения, с другой, – верность классической традиции. Среди поэтов и прозаиков, «хороших и разных», назовём имена Олеси Рудягиной, Валентины Костишар, Александра Миляха, Романа Кожухарова (автор романа «Кана», опубликованного в журнале «Знамя» в 2015), Владимира Лорченкова (лауреат премии «Дебют», написал романы «Табор уходит», «Все там будем»), Виктории Чембарцевой, Натальи Новохатней и др. Произведения этих авторов публиковались во многих изданиях не только Молдовы, но и России: в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», в «Литературной газете», «Литературной России» и др.

Выделим некоторых из них. Поэт Сергей Пагын, живёт и работает в Единцах (в *провинции провинции*, если можно так выразиться: и по отношению к России, и в собственно Молдавии), он лауреат престижных российских премий («Заблудившийся трамвай» им. Н. Гумилёва, «Молодой Петербург»). Поэт Юрий Гудумак родился и живёт в селе Яблона. Среди прозаиков назовём Михаила Поторака, редактора сборников короткой прозы «Пролетая над...», «Белый арап» и др., живущего в селе Иванча Оргеевского района.

Для весьма беглой характеристики МТ мы выбрали именно этих авторов, так как на примере их лирических и прозаических миниатюр удобнее проиллюстрировать особенности МТ. Их творчество ярко

показывает, как высоко поднята в Молдове планка словесного искусства, как дорог человеку XXI века, несмотря на великую сегодняшнюю миграцию, хрупкий мир малой родины, как трепетна душа художника.

В лирике С. Пагына и Ю. Гудумака, в прозе М. Поторака восхищает философская глубина, редкостное умение увидеть поэзию в обычном и обыденном, а также умение выразить многообразие мира через простые детали. В результате жизнь природы и обычный быт человека предстают как мощное и значительное бытие.

Поэзию **Сергея Пагына** принимаешь сразу и навсегда. В его творчестве привлекает тончайший лиризм и высокий строй души, завораживает мелодия стиха, богатство интонаций, пластичность и выразительность образов пространства и времени. Человек и мир, человек и его малая родина («моё захолустье», по выражению поэта) рисуются через прозаические, даже нарочито сниженные детали пейзажа, интерьера, ситуации.

Оттолкнувшись от живых и сиюминутных свидетельств повседневной жизни человека, поэтизируя их, автор всегда делает блестящий поворот к философскому финалу. Вдыхая «квёлый воздух» своего «захолустья», запах хлеба и горелой щетины («верно, борова палят»), прослеживая взглядом «беглый почерк ... дыма» над деревьями, герой стихотворения «Квёлый воздух моего захолустья...» идёт («прёт») по снежной колее «дрова колоть к бабе Вере», и это гораздо важнее, чем «бойня революций» или «крах великих империй». Затем поэт вновь обращается к привычному пейзажу малой родины, однако в последних строках картина внешнего мира и внутреннее состояние сливаются, и обычное природное явление, начало снегопада, передаётся как тончайшее ощущение неуловимого движения космического «маятника»:

И качнулось тихим снегом пошедшим
вертикальное, Господнее время. (Пагын 2011: 54)

Немудрёный переход через поле кукурузы («Через поле кукурузы») – для поэта такой же повод для философского обобщения:

Но лишь ветер – войдёшь в шелестенье,
где початка мелькнёт желтизна,
словно чудо, и сходятся тени
за плечами, листва, времена. (Пагын сайт автора: 2010)

Думается, что важным истоком лирики Сергея Пагына является и так называемая «тихая поэзия»⁷. Частотность лексемы с корнем *тиш* / *тих* – одно из косвенных подтверждений тому: «И будешь *тих*, как ветка за окном, / и будешь *тих*, / как первый снег» («Кончается прозрачный керосин»); «А там – за кромкой слов, / за изгородью звуков такая дышит даль, такая *тишина!*» («Пространству к ночи...»); Во сне моем *тихо-тихо*, / словно в осеннем поле...» («Во сне моём...») и др.

В художественном мире С. Пагына выделяется целый ряд ключевых словообразов: *снег, ветер, трава, вода, сон, свет и огонь, время, слово*. Они организованы в целостную художественную систему, воплощают земную и небесную сферы бытия природы и жизни человека, наполняются глубоким аксиологическим содержанием. На первый план выдвинут некий вечный биос, в котором «травы дышат, настигая, в спину», «перелесок светится золотой», «меж двух озёр боярышник горит», бабочка несёт «ворох радужных открытий», «ходит ветер в холщовой рубахе широкой» и т.п.

Надо всем царит *душа*, её переживаниями проникнут и пронизан художественный мир поэта: «Как *душа* в эту пору, светясь, холодела...» (Пагын 2008: 55); «Всё перемелет *мельничка души*: бесславие, отчаянье, юродство...» (Пагын 2008: 33); «Ах, *душа* – золотая белошвейка моя!». Душа художника стремится объять мир в его целокупности. Как правило, в лирике Сергея Пагына движение взгляда и «точка зрения» автора, по выражению Ю. Лотмана (Лотман 1998: 252), направлены вдаль, часто через распахнутое

7 Направление, родившееся в 70-е гг. XX в. в противовес громкой, эстрадной поэзии; самая яркая фигура в «тихой поэзии» – Н. Рубцов.

окно и дверной проём и всегда – вверх: «И если нам не жить – / найдет душа
насущенное тепло, / прильнув к трубе, / смотрящей с крыши ввысь...».

Творчество **Юрия Гудумака** не поддаётся первичному восприятию: его стихи надо декодировать, не один раз пройти по «лестнице смыслов» (Эткинд 2001, с. 49-52), в его лирику необходимо не одно «погружение», прежде чем открытие совершенно необычного поэта состоится. И когда оно действительно случится, читатель сможет свободно и вольно плыть по волнам этого лирического «океана». Аналогов ему не существует. Возникает ассоциация с научно-философской лирикой, родоначальником которой стал М. Ломоносов. Отделить в творческой личности Юрия Гудумака учёного от художника невозможно. Синтез науки и искусства наблюдается уже в заглавиях произведений и отдельных циклов: «Топографический синтаксис Яблонца», «Поэзия и география», «О яблонской розе ветров», «Книга-чертёж о луге, озёрной излуине и ручье» и т.п.

Герой стихотворного цикла «Топографический синтаксис Яблонца» («концептуальный персонаж», как его называет автор) путешествует во времени и пространстве Яблони, которую воспринимает и рисует в виде Рая, некоего «идиллического хронотопа» (М.М. Бахтин). В Яблоне абсолютно всё дорого сердцу Яблонца: «последняя мигрирующая бабочка», пьянеющая от «осинового мёда»; «сплошное голуботравье»; апрель в Яблоне – «разопрелый», а ветер невидим, как душа; Яблоня, как отмечает Яблонец, разрасталась «встречь ветра», а «Яблоне́вые сады Яблони, / равно как и местные легенды / о некоем полумифическом дереве, давшем ей имя, – / следствие, а не причина названия».

Путешествуя таким образом, Яблонец собирает «всякую всячину», ему дорого абсолютно всё: «прошлогодний опалый жёлудь, перезимовавший, но продырявленный червём», «семена бобовых», «скелетик коноплянки»,

«цветок репейника», брусок из голубой глины («для заживления ран, ...ибо все уязвимы») и т.п. (Гудумак 2012: 31).

Изображая Яблону и её окрестности, поэт воплощает не только райский, но и земной геокультурный локус и делает это и с помощью целого ряда топонимов и гидронимов: Стугария, Алуниш, Камбольский лес, Дождливая гора, Кирпицы, Гужуманешты, Галдаруша, Копачанка, Устья, Пуяк, Пидметы, Гыртопы, – именно они становятся основой «топографического синтаксиса» и представляют безыскусственные и милые картины малой родины.

Широкий диапазон самых разнообразных геокультурных номинаций в обрисовке мира и человека определяет композиционную структуру сборника «Разновидность солнца» (2012).

1-я его часть, дискурс которой философско-географический, посвящена, как отмечено выше, Яблоне в её исторических и пространственно-временных срезах. Лирическая рефлексия автора, связанная с образом Яблони, отражается прежде всего в пространственных образах и мотивах. В сознании читателя их система складывается на воображаемой границе реального географического пространства, которое через метафору «топографический синтаксис» (упор делается на синтагматике, т.е. мир Яблони, её холмы, перелески, речушки, овражки и т.п. разворачивается по горизонтали) становится пространством художественным.

Во 2-й части («То, о чём я сейчас говорю») воплощены проникновенные образы родного дома, детства, мамы: «Вот он, дворик наш перед домом, / лежащий в зимнем оцепенении» (Гудумак 2012: 125). Детали создают редкостный эффект присутствия дорогого и родного человека: «оставленная на штaketнике пустая крынка для молока», «прищепка на бельевой верёвке», «ржавое ведро с известью для побелки». В этой самой эмоциональной части сборника локус повествования сужается до точки, которую можно назвать лирической кульминацией всей книги: *дворик, дом, мама.*

3-я часть, давшая название сборнику («Разновидность солнца») и самая обширная, неожиданно вводит читателя в необычайно широкий (планетарный) геокультурный локус: «Отеческий логос Греции», «Граница Центральной Азии», «Осенние виды Тянь-Шаня», «Юкагирский предел лесов» и т. п. Названия материков и островов, очевидно, необходимы автору, чтобы создать, выражаясь словами поэта, «топографический синтаксис Человека мира».

Серьёзно-иронически выражая главное свойство природы Яблонца, Юрий Гудумак в одном из стихотворений использует аллюзию на И. Бродского, добиваясь тем самым философской стереоскопии, характерной для всей его поэзии:

...Такова природа
пресловутого географического инстинкта Яблонца,
его непомерного интереса, точнее, привязанности
к тем или иным местам
и, в целом, к земным просторам,
которую он пронёс через всю жизнь,
пока ему рот, по выражению поэта,
опять не забили глиной (Гудумак 2012: 28).

Михаил Поторак нашел своё призвание в жанре малой прозы. Его творчество отличают лаконичность, сочетающаяся с философской глубиной, комизм, лиричность и такое же внимание к «милым мелочам», к точной художественной детализации в обрисовке человека и мира. Характерной чертой прозаика является умение подметить смешное, высмеять пороки; делает он это крайне бережно и деликатно, с необыкновенной добротой, тёплым отношением к человеку и миру. Рассказы Михаила Поторака достоверны с этнографической точки зрения, они напоминают краткие очерки из жизни молдавского села.

Писатель на 1-2 страницах изображает всё самое важное и интересное. Например, миниатюра «Специальные вещи» повествует об одном дне из жизни рассказчика, который преподносит ему в качестве сюрприза «специальные вещи». Они-то и заставляют жить, хотя «жизнь пошла такая, что запросто можно умереть». Такими «специальными вещами» становятся перепалка «бедного влюбленного» второклассника, афромолдаванина Мартина Обамы с одноклассницей Эвелиной и картины родной Молдовы, неожиданно открывшиеся автору: «Всё это стало ужасно маленьким и незначительным после случившихся сегодня специальных вещей: парусника, облачно-туманного океана с сентиментальными холмами на дне. И да – после Мартина и Эвелины».

Случайно увиденная рассказчиком сценка заставляет его, расстроенного жизненными заботами, рассмеяться (мальчишка что-то восторженно напевает, идя в школу следом за Эвелиной, а когда рассказчик прислушался, то услышал: «Эвелина – жирная скотина!», за что мальчик в ответ получил: «Каз-зел!»). В «Специальных вещах» *вульгаризмы* («придурок», «каз-зел», «жирная скотина», «дурак», «хрень»), *молодежный сленг* («классное», «бро», «тупо ржал») художественно оправданны, рассказчику необходимо погрузить читателя в сцену словесной перепалки между детьми. В подтексте рассказа проступает глубокое, истинное и «специальное» – чувство первой любви, симпатии Мартина к Эвелине. В маршрутке его настиг сон, в котором он видит огромный корабль, плывущий под полными парусами навстречу, и «бесконечное, сдержанно-грозное море». Повседневная суэта отступает, а красота отношений, любовь человека к человеку, даже в детском наивном её воплощении, любовь к родному краю в корне меняют его настроение. Уходит внешнее и наносное: «Ни болячки мои неважны, ни накопившаяся ледяная усталость, ни глупейшие мелкие обиды».

Небольшие рассказы писателя – это своеобразные «стихотворения в прозе», отличающиеся тонкими наблюдениями за человеком, растениями, животными и насекомыми. Во всех произведениях автор следует принципу:

изображение повседневной жизни человека не может быть законченным без картины природы, без обрисовки «малых сих» – домашних питомцев, растений, насекомых. В миниатюре «Специальные вещи» пейзаж обретает символический смысл: «Совсем скоро, за ближайшим поворотом будет одно такое место. Там справа от дороги открывается вдруг глубокая и широкая лощина с виноградниками, окружённая холмами. Очень красивое там всё в любое время года. Я люблю это место. Люблю каждый раз, проезжая его, восхищаться и сентиментально размышлять о том, как отчаянно прекрасна моя маленькая, несчастная родина».

Творчество писателя проникнуто особенной витальностью и идеей торжества жизни. Его рассказы несут мысль о добре, о красоте человека и мира, они посвящены проблемам вечным, хотя внешняя их сторона касается повседневной жизни и быта. М. Поторак заставляет читателя обратиться к собственной душе и по-новому взглянуть на мир.

Вместо заключения

В стихотворении О. Рудягиной «Заговор» с посвящением «*Серёже Пагыну, Юре Гудумаку*» автор заклинает неведомые силы: «...ты не тронь блаженных моих / нежноглазых смиренных сквозных / *единецкого сверчка да / яблонского чибиса* / ты не тронь не замети пропусти / налегке в лоян отпусти / в молдаванский такой лоян / где «аз есмь» вечно мудр и пьян / над грядущим ладони греть / да закаты миров глядеть...» Думается, не случайно в этом поэтическом «обереге» сошлись имена Пагына и Гудумака, именно их творчество показывает важнейшие торные дороги русской лирики Молдовы. В контекст стихотворения органично вписался бы и М. Поторак. Как его назвать? *Соловьём из Иванчи*? Может быть...

Даже беглый очерк творчества рассмотренных авторов убеждает в том, что их произведения уникальны и, безусловно, выводят русскую литературу Молдавии за рамки провинциализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудумак 2012 – Гудумак Юрий. Разновидность солнца // Гудумак Юрий. Разновидность солнца. Кишинёв, издательство Cadran, 2012. 260 С.
Лотман 1998 – Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С.252.
Пагын 2011 – Пагын Сергей. Спасительный каштан, Знамя, 2011, № 9. С. 51-55.
2. Пагын 2008 – Пагын Сергей. Сверчок в радиоприёмнике // Пагын Сергей. Сверчок в радиоприёмнике. Кишинёв, Tipogr. Mitra-Grup SA, 2008. 59 С.
3. Пагын – Пагын Сергей. Сайт автора // [Электронный ресурс] / С. Пагын <http://www.stihi.ru/avtor/serghei69>
4. Поторак – Поторак М. Специальные вещи [Электронный ресурс] / М.Поторак // Ежемесячный литературный журнал. - 2016. - 1 сентября. - Режим доступа: http://www.text.express/issue_short-stories/39-mihail-potorak.html, свободный.
5. Пращерук 1999 – Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства // Н.В. Пращерук. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, МУМЦ «РО» : НОУ «Фонд «Созидание», 1999. 253 С.
6. Рудягина О. Заговор. // <http://www.poezia.ru/article.php?sid=85368>
7. Смоленцев 2012 – Смоленцев А.И. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Смоленцев А.И. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Воронеж, 2012 [Электронный ресурс] / <http://www.dissercat.com/content/roman-ia-bunina-zhizn-arseneva>
8. Топоров 1995 – Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259-320.
9. Эткинд 2001 – Эткинд Е.Г. Проза о стихах // Эткинд Е.Г. Проза о стихах. СПб., издательство Знание, 2001. С.49-52.

REFERENCES

1. Gudumak 2012 – Gudumak Yuriy. *Raznovidnost solnca* // Gudumak Yuriy. *Raznovidnost solnca*. Kishinyov, izdatelstvo Cadran, 2012. 260 S.
2. Lotman 1998 – Lotman Yu.M. *Struktura xudozhestvennogo teksta* // Lotman Yu.M. *Ob iskusstve*. SPb., 1998. S.252.
3. Pagyn 2011 – Pagyn Sergej. *Spasitelnyj kashtan*, *Znamya*, 2011, № 9. S. 51-55.

4. Pagyn 2008 – Pagyn Sergej. *Sverchok v radiopriyomnike* // Pagyn Sergej. *Sverchok v radiopriyomnike*. Kishinyov, Tipogr. Mitra-Grup SA, 2008. 59 S.
5. Pagyn – Pagyn Sergej. Sajt avtora // [Elektronnyj resurs] / S. Pagyn <http://www.stihi.ru/avtor/serghei69>
6. Potorak – Potorak M. *Specialnye veshhi* [Elektronnyj resurs] / M.Potorak // *Ezhemesyachnyj literaturnyj zhurnal*. - 2016. - 1 sentyabrya. - Rezhim dostupa: http://www.text.express/issue_short-stories/39-mihail-potorak.html, svobodnyj.
7. Prashheruk 1999 – Prashheruk N.V. *Xudozhestvennyj mir prozy I. A. Bunina: yazyk prostranstva* // N.V. Prashheruk. *Xudozhestvennyj mir prozy I.A. Bunina: yazyk prostranstva*. Ekaterinburg, MUMC «RO» : NOU «Fond «Sozidanie», 1999. 253 S.
8. Rudyagina O. *Zagovor*. // <http://www.poezia.ru/article.php?sid=85368>
9. Smolencev 2012 – Smolencev A.I. *Roman I.A. Bunina «Zhizn Arseneva»* // Smolencev A.I. *Roman I.A. Bunina «Zhizn Arseneva»*. Voronezh, 2012 [Elektronnyj resurs] / <http://www.dissercat.com/content/roman-ia-bunina-zhizn-arseneva>
10. Toporov 1995 – Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* // Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo*. M., 1995. S. 259-320.
11. Etkind 2001 – Etkind E.G. *Proza o stixax* // Etkind E.G. *Proza o stixax*. SPb., izdatelstvo Znanie, 2001. S.49-52.

А.В. Поздняков ,
к.филос.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия

И.Н. Минаков,
магистр 2 курса
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия

A.V. Pozdnyakov,
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic,
Philosophy and Methodology of Science
Orel State University named after IS. Turgenev,
Orel, Russia
I.N. Minakov,
Master of 2 course Orel State University named after IS. Turgenev,
Orel, Russia

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье раскрывается проблема возникновения и развития в истории религиозной нетерпимости, а также рассматривается вопрос о роли разных видов идентичности человека в формировании этого сложного психосоциального феномена.

Ключевые слова. Идентичность, самоидентификация, интолерантность, религиозная нетерпимость, тотемизм, первобытное общество, священные тексты, классовое общество.

THE PROBLEM OF THE ORIGIN AND EVOLUTION OF RELIGIOUS INTOLERANCE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL FORMS OF IDENTITY

Abstract. The article reveals the problem of the origin and development in the history of religious intolerance and also discusses the role of different types of identity in the formation of this complex psycho-social phenomenon.

Key words. Identity, self-identification, intolerance, religious intolerance, totemism, primitive society, sacred texts, class society

В научной и философской литературе религиозная нетерпимость неоднократно становилась предметом глубокого осмысления. И это не случайно. Данное явление в историческом прошлом и настоящем очень часто способствовало возникновению большинства войн, религиозных преследований и идеологических противостояний. Поэтому проблемы, связанные с изучением религиозной нетерпимости, не теряют своей актуальности. Согласно отечественным и зарубежным исследованиям интолерантность обнаруживает себя еще в глубинах психики древнего человека, проявляясь в самых разных формах и видах. Но будучи психосоциальным явлением, она имеет прямое отношение к другому свойству человеческой психики, к самоидентификации человека, его способности обозначать себя представителем какой-либо общности, отличной рядом признаков от других (чужих) общностей. Поэтому вопрос о возникновении религиозной нетерпимости и ее функционировании в обществе, по нашему мнению, напрямую связан со сменой идентичности в историческом процессе.

Согласно ученым религиозно-мифологическое освоение действительности является самым ранним в антропогенезе, предшествуя философскому и научному мировоззрению. Но всегда ли нетерпимость была религиозной даже тогда, когда в мире господствовало религиозное мировоззрение?

Обратимся к понятию «религиозная нетерпимость». Словари и энциклопедии как правило содержат определение противоположного понятия - «религиозная толерантность». Однако в некоторых из них мы все же смогли найти дефиниции. «Атеистический словарь» определяет религиозную нетерпимость как «вражду и ненависть к инаковерующим, а также действия, вытекающие из них» (Атеистический словарь 1985: 302). На наш взгляд такое определение не совсем полно, так как подразумевает нетолерантное отношение только к одному типу лиц, верующим. В итоге люди со светским мировоззрением (скептики, атеисты или просто безразличные к вере), к

которым религиозные субъекты также могут относиться нетерпимо, не включаются в определение.

Энциклопедический словарь педагога формулирует свое определение: «это духовно-нравственное состояние человека, выражающееся в признании себя избранным народом и своей веры единой истинной верой и в непризнании других вер, непощение людям своей веры слабого исполнения правил религиозной жизни» (Безрукова 2000: 22). На наш взгляд данное определение не совсем корректно. Так, из его формулировки вытекает вывод, что все верующие, считающие другие религии неистинными, должны считаться ксенофобами или экстремистами, что в свою очередь подразумевает вынужденный отказ человека от любой своей точки зрения. Но несогласие с мнением других еще не является проявлением нетерпимости. Более правильное определение дает М.С. Стецкевич: «Религиозная интолерантность (нетерпимость) — резко негативное отношение к верующим иной конфессии, людям иной мировоззренческой ориентации, выражающееся в ущемлении их прав, преследованиях, а иногда даже в отрицании права на существование» (Стецкевич 2006: 8). Учитывая все формулировки, характеристики религиозной нетерпимости можно свести к следующим моментам: 1) когда одна из сторон конфликта является религиозным субъектом (индивид, группа или общность); 2) акт нетерпимости должен быть мотивирован личными или коллективными религиозными или секулярными убеждениями и практикой; 3) неприязнь к инакомыслящим должна иметь под собой религиозную основу, даже тогда, когда религиозная нетерпимость обладает явными или скрытыми политическими, экономическими или социальными целями. В рамках обозначенных признаков мы и будем проводить данное исследование.

Первым предметом нашего рассмотрения станет первобытная идентичность. Выделяя существенные ее черты, можно отметить характерное для нее магико-мифологическое мировосприятие, которое связывается с тотемной принадлежностью к небольшому природному пространству. Как

разъясняет Леви-Брюль, первобытный человек чувствует и осознает себя не только человеком, но и частью животного мира, причастным к роду своего тотема. Человеку первобытного общества еще не свойственно приписывать себе уникальное положение в природе. В тотемном животном он не просто видит своего предка. Он живет и функционирует как физически так и социально, наполняя все свое существование магической связью с ним (Леви-Брюль 1994). Тотемные животные или растения часто подвергались табуированию: их нельзя было обижать, употреблять в пищу или убивать ради забавы. Тотему необходимо было поклоняться и совершать жертвоприношения, его прославляли, изображая всеми возможными способами. Нарушение же табу могло влечь за собой негативные последствия для нарушителя. Необходимо отметить, что тотемная идентификация не являлась единым образованием. Исследователи выделяют несколько видов тотемов: 1) родовой или клановый; 2) тотем фратрий; 3) индивидуальный; 4) половой; 5) брачный (Токарев 1990: 61). Такая классификация отражает многообразие существующих в первобытном обществе идентичностей и связанных с ними противоречий. Но остается открытым вопрос, имела ли эта нетерпимость, выстроенная на подобных противоречиях, религиозный характер?

В учебной и методической литературе под интолерантностью принято считать нетерпимое отношение к иным культурам и системам ценностей. Однако, вряд ли в основе первобытной оппозиции «свой-чужой» находится культурное или ценностное различие, ибо ореол обитания соседствующих друг с другом племен не влиял на отличие в быту и ценностях первобытнообщинных людей. Соответственно данного различия мы не сможем наблюдать и в системе верований первобытного человека. Подобные процессы обусловлены больше биологическими, естественными причинами, а не культурными – стремлением обособить место и условия своего существования, подчеркнув при этом свою уникальность в манере поведения и общения, в жилище, одежде, а также в символике, которая способна

образно выразить такие особенности. Поэтому формирование тотемной идентификации не может нами рассматриваться в качестве первопричины дихотомии «свой-чужой», скорее ее следствием. Для тотемизма важно «чувство связи» общины с занимаемой ею территорией и ее производительными силами (Токарев 1990: 58), которые нужно защищать от инородцев, и этот древнейший биологический инстинкт до сих пор присутствует в современном человеке.

Однако, разложение первобытнообщинного строя со временем приводит к развитию и усложнению культурного пространства (и религии в том числе). Языковая дифференциация и интеграция, имущественное расслоение племен, возникновение частной собственности, появление раннеклассовых и рабовладельческих государств (Хазанов 1975: 29-31) способствовали формированию новых идентичностей: лингвистических, этнокультурных, сословных, политических и национальных. Данные процессы превращают культуру из простого инструмента идентификации в самостоятельную социальную силу, способную интегрировать или наоборот дезинтегрировать людей. Возникшая в позднем первобытном этапе лингвистическая идентификация, в аграрных сообществах начинает обретать доминирующее значение. Именно с языковой дифференциацией в истории актуализируется *этнокультурная* (цивилизационная) идентичность. Со временем на ее основе будет формироваться новый вид нетерпимости, в основу которой ляжет всем известная полярность «*цивилизация-варварство*», «*эллины-варвары*», «*гражданин-варвар*» (Маринович 2006: 7-12). Идеи о природном превосходстве эллинов над варварами, которые распространялись в древнегреческом обществе, не имеют под собой религиозной основы. В истории известны обратные факты, когда завоеватели присваивали себе богов побежденных народов, отождествляли со своими. Древние греки не запрещали в своих городах совершать иностранцам ритуальные поклонения собственным богам. А римляне в результате частых контактов с другими народами включали в родную культуру чужих божеств, обряды и верования.

В период позднего политеизма с развитием логико-абстрактного мышления намечается кризис мифолого-религиозного мировоззрения. В 8-6 веках до н.э. в античной Греции начинает развиваться натурфилософия, это приводит к возникновению коллизии между рационализмом индивидуального сознания и коллективизмом религиозной системы полиса. Новое рациональное осмысление мира воспринималось часто враждебно государственной системой. Достаточно вспомнить преследования в древней Греции философов-безбожников. Так, примерно в 432 г. до н.э. народным собранием города Афин была утверждена псефизма (правовой акт, решение) Диопифа, ставшая на много лет правовой базой для преследований по обвинению в религиозном нечестии (асебейе). Это понятие включало в себя такие нарушения, как кощунство, оскорбление полисных богов и отрицание их существования (Стецкевич 2006: 13). Веками позже аналогичная ситуация возникнет в древнем Риме с христианами, которые не только критиковали политеизм, но и не желали совершать религиозные культы. В Древнем Риме в отличие от Греции оскорбление богов не являлось преступлением, а считалось исключительно делом самих богов, которые и должны были карать нечестивца. Однако какую бы личную позицию ни имел гражданин Рима, он должен был совершать обряды. В Риме было важнее не внутреннее религиозное чувство, а его внешнее проявление, что не предполагало постановки вопроса об истинности римских богов. Это связано с тем, что религиозный обычай становится необходимым звеном самоидентификации, нарушение которого политеистами, а позднее с развитием христианского самодержавия и монотеистами начинает интерпретироваться как нарушение гражданской стабильности и безопасности. Впервые в истории возникает новая поляризация: индивидуальной *«я-идентичности»* и коллективной *«мы-идентичности»*.

Параллельно у других народов складывается иная форма идентичности, *конфессиональная*, основанная на поляризации *«единоверец-иноверец»*. Именно она станет стимулом для формирования интолерантности на

вероучительной основе. Данная идентичность наблюдается, прежде всего, в зарождающемся иудейском национальном самосознании, стремящемся к обособлению от других народов и созданию собственной государственности. Схожую ситуацию можно встретить и в древнеиранском обществе. В речах пророков Моисея (XIII век до н. э.) и Заратуштры (VI-V до н.э.) впервые в истории начинают звучать отрицания божеств других народов (Соколов 1997: 9). И это отрицание способна была обретать радикальные формы. Многобожники притеснялись, истреблялись физически, а их храмы разрушались (Тора, Дварим 12: 1-2). «Если станет подговаривать тебя брат твой, ... тайно, говоря: "пойдем и будем служить богам иным", ... то не соглашайся с ним и не слушай его, и не жалеяй его, и не прикрывай его, но убей его ... И побей его камнями, чтобы умер он». (Дварим 13: 7- 11). Бог призывает карать смертью даже тех, кто нарушает шаббат, седьмой день недели: «Всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти» (Шмот 31:15).

Тексты Авесты также содержат призывы распространять веру с помощью оружия (Брагинский 1997: 35). А.Г. Периханян, анализируя Видевдат, более позднюю часть Авесты, сделал классификацию преступлений, описанных в них. Одной из групп преступлений являются так называемые преступления против религии: ересь, атеизм, брак с представителями иной религии, незаконное выполнение функций священников (Периханян, 1983: 248). «Кто смешивает семя родичей праведных с семенами нечестивых чужеродцев, семя почитателей дэвов с семенами людей, их отвергающих... об этом говорю я тебе, о Заратуштра, что их важнее убивать, чем извивающихся змей и крадущихся волков» (Видевдад 18.62, 65). Но самые главные враги по Видевдату – это *ашемаогхи*, т.е. еретики, которые искажают религию в своих представлениях (Брагинский 1997: 36). Как правило, еретиков священные предписания обрекали на смерть.

Из этих постановлений видно, как религиозная идентичность, обретая доминирующий характер над всеми остальными видами идентичности, может становиться источником проявления нетерпимости даже среди членов одного сообщества, имеющих общие характеристики: язык, происхождение, общие культурные ценности.

При феодализме мы можем наблюдать у европейских и мусульманских народов доминант конфессиональной идентичности. Связь этнокультурной и конфессиональной идентификаций обретает ситуативный характер и не стремится к их слиянию, как мы можем видеть в иудаизме или зороастризме. Преодоление этнокультурной идентичности на раннем этапе своего становления христианства и ислама позволяет им оформиться в мировые религии. Но это не приводит к исчезновению нетерпимости, скорее ее усиливает, что связано с монотеистическим максимализмом. Как замечает берлинский исследователь Крылов, идентичность человека Средних веков, - это идентичность человека традиционного общества, непосредственно связанная с религией и дополняемая его общинной, географической и сословной идентичностью. Если рассматривать ее по схеме «свой - чужой», то следует отметить, что у большинства населения средневековой Европы было мало возможностей общения с чужими, нехристианами. Особую роль в этом процессе играли крестовые походы и паломники, которые и формировали стереотипы о «чужих» (Крылов 2014: 118).

Иная картина существовала на мусульманском Востоке, где культурное пространство было плюралистичным. Буквально с момента своего возникновения ислам вступает в противоречия с другими религиозными системами региона: языческими верованиями, зороастризмом, иудаизмом и христианством разных направлений. Коран и хадисы полны противоречивых отношений к данным категориям населения. С одной стороны в Коране присутствуют призывы не принуждать к религии никого (Сура Бакара, аят 256) , а с другой - жесткие рекомендации искоренять тех, кто проповедует *ширк* (многобожие), или совершил *иртидад* (вероотступничество). С одной

стороны христиане и иудеи получают особый статус людей писания (ахль аль-китаб), а с другой приравниваются к многобожникам, творящим ширк. (Сура Ат-Тауба, 9:30).

Начиная с эпохи Ренессанса, роль и влияние религиозной идентичности претерпели определенные изменения. Наряду с «мы-идентичностью» все большее значение получает «я-идентичность». Если раньше люди пожизненно - с момента рождения либо с какого-либо другого определенного момента - принадлежали к конкретной группе, так, что их «я-идентичность» находилась в подчиненном значении к «мы-идентичности», то со временем маятник этого баланса качнулся в противоположную сторону. «Мы-идентичность», которая, конечно же, никуда не исчезла, отныне была полностью в тени и прикрыта в сознании людей их «я-идентичностью». И в последующие столетия данные изменения в идентификации начинают постепенно обретать массовый характер. Но религиозная идентичность продолжает оставаться основной причиной политической нетерпимости, порождая целую цепочку религиозных войн и геноцида. Такое положение сохраняется до тех пор, пока религия не перестает быть основой идентичности государства, выражением патриотизма и национального самосознания.

В эпоху Просвещения назревает новая поляризация при оценке чужого – «*религиозный-секулярный*», которая актуальна и по сей день. Социолог Г. Йоас отмечает, что в современной Европе наблюдается склонность к демонизации современности на фоне романтизации Средневековья (Крылов 2014: 126). Это касается, прежде всего, фундаменталистских протестантских и католических деноминаций и некоторых новых религиозных объединений, ориентированных на традиции прошлого и чистоту веры. Легализация гомосексуальных браков, аборт и эвтаназии, ориентация на мирские материальные ценности современного потребительского общества создают хорошую почву для неприятия светских ценностей современными адептами многих религий. Причем, развитие религиозного либерализма в последние

два десятилетия в рамках современного религиозного сознания создало тенденцию раскола как религиозного мира в целом, так и любой конкретной конфессии. Но более остро данная поляризация наблюдается в арабомусульманском мире, где европейские ценности и образ жизни определяется через понятие *куфр*, что означает самый страшный грех перед Аллахом – безверие. Многие экстремистские организации на ближнем Востоке характеризуют свою деятельность как борьбу именно с секулярным безбожным миром Запада и с теми мусульманскими режимами власти, которые находятся с ним в союзе. Сегодня мы являемся свидетелями события планетарного масштаба – раскола нашего мира на два больших полюса, религиозного и секулярного, консервативного и либерального, который ставит современного человека на путь поиска новых идентичностей и новых форм нетерпимости.

В постиндустриальную эпоху религиозная идентичность пока не теряет своей связи с иными формами идентичности: национальной, классовой, политической, этнокультурной, однако эта связь ситуативная. Это обусловлено обретением разными явлениями культуры и самой религией транснационального характера. Бурный рост религиозности с 70-х годов 20 века сопровождается возникновением нового религиозного сознания, следствием чего становится появление новых религиозных движений. Наряду с возрождением традиционной религиозности возрастает увлеченность экстравагантными религиозными культами.

Однако активный рост религиозной идентичности обладает своей особенностью. Как правильно заметил российский культуролог Флиер «сейчас наблюдается заметная активизация идентичности, основанной на разного рода культурных манифестациях, проявляемых в первую очередь в разных типах досуговой активности, увлечений, впечатлений» (Флиер). На наш взгляд религия тесно связана с данными процессами. Религия перестала быть просто сферой почитания гипостезированных существ. Она начинает обретать свойства манифестирующего инструмента, с помощью которого

верующий индивид или группа позиционирует себя в социально-культурном и политическом пространстве. Это касается не только новых религиозных объединений, но и традиционной религиозности. При этом средствами манифестации могут выступать как реальные предметы и явления (ритуальные атрибуты и изображения в виде тату, элементы гардероба, части тела – борода, длина волос или полное их отсутствие), так и виртуальные (статусы в социальных сетях, указывающие на принадлежность к конкретной деноминации или общине, демонстрация себя на фото или видео участником какого-либо религиозного мероприятия и т.д.). Конечно же религиозная атрибутика и форма одежды были средствами идентификации в предыдущие эпохи. Об этом основательно изложено в монографии Крылова. Однако именно в 20 веке религия становится не столько формой мировоззрения, сколько инструментом самовыражения и самоутверждения. При всем демонстративном, показном оформлении содержание данной самоидентификации чаще всего не обладает осмысленностью и глубиной. Религия становится частью молодежной субкультуры, моды и имиджа. Но имея поверхностный характер, она, тем не менее, способна привносить в общественную жизнь новые противоречия, обостряя нетерпимое отношение членов общества друг к другу. В рамках данной статьи мы не можем широко раскрыть особенности религиозной идентичности в пост-современном мире, это требует отдельного изучения. Нам остается только подытожить выше изложенный материал.

Во-первых, идентичность и нетерпимость - взаимозависимые явления в эволюции сознания человека. *Во-вторых*, нетерпимость имеет в себе биологический механизм, основанный на бинарной оппозиции «свой-чужой». Под воздействием внешних объективных (географических и социокультурных) причин она может видоизменяться, трансформироваться. *В-третьих*, границы религиозной идентичности не всегда четко определены, ибо она находится в тесной связи с другими видами идентичности: мифологической, этнокультурной, социальной, политической, гражданской,

национальной, половой, манифестационной и др., которые возникали и формировались по мере развития и усложнения общества. *В-четвертых*, несмотря на то, что религиозное мировоззрение существует с доисторических времен, исключительно религиозная интолерантность появляется сравнительно позже. По нашему мнению, ее возникновение связано с кризисом религиозно-мифологической системы политеизма и разложением традиционного типа социальных отношений прежде всего у древних греков (приблизительно 6 век до н.э.). Формирование критического рационально-логического мышления и возникновение религиозной системы нового формата – монотеизма приводит к поляризации социально-культурных и политических сил, что и становится источником интолерантности на религиозной почве. Дальнейшее соотношение религиозной нетерпимости с институтом идентичности человека продолжает иметь непосредственный характер и во многом зависит от того, какой тип идентичности в обществе играет доминантную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеистический словарь 1985 — Атеистический словарь / Под общ. ред. М. П. Новикова. - М.: Политиздат, 1985.
2. Безрукова 2000 — Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
3. Брагинский 1997 — Брагинский И.С. Авеста // Авеста в русских переводах (1861—1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ, разд. И. В. Рака.— СПб: РХГИ, 1997. с.22-68.
4. Коран 2008 — Коран. Перевод смысла аятов и их краткое толкование Абу Аделя. 2008.
5. Крылов 2014 — Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М.: Икар, 2014.
6. Леви-Брюль 1994 — Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: 1994.

7. Маринович 2006 — Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. - М.: Наука, 2006. с 5-29.
8. Периханян 1983 — Периханян А.Г. Общество и право в Иране в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
9. Соколов 1997 — Соколов С. Н. Зороастризм // Авеста в русских переводах (1861—1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ, разд. И. В. Рака.— СПб: РХГИ, 1997. с.7-21.
10. Стецкевич 2006 — Стецкевич М.С. Свобода совести: Учеб. Пособие. - СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
11. Токарев 1990 — Токарев С.А. Ранние формы религии. М: Издательство политической литературы, 1990.
12. Тора — Тора. Электрон ресурс <https://toldot.ru/limud/library/humash/bereshit/bereshit/> (дата обращения: 20.04.2017).
13. Флиер — Флиер А.Я. История культуры как смена доминантных типов идентичности // <http://pandia.ru/text/77/477/12533.php>. (дата обращения: 20.04.2017).
14. Хазанов 1975 — Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. Москва, 1975. - С. 28-35.

REFERENCES

1. Ateisticheskiy slovar. Moscow, 1985.
2. Bezrukova V.S. Osnovyi duhovnoy kulturyi (entsiklopedicheskiy slovar pedagoga). Ekaterinburg 2000.
3. Braginskij I.S. Avesta // Avesta v russkih perevodah (1861—1996). St.Peterburg. 1997. pp..22-68.
4. Koran. Perevod smysla ayatov i ih kratkoe tolkovanie Abu Adelya. 2008.
5. Krylov A.N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. Moscow. 2014.
6. Levi-Bryul' L. Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. Moscow. 1994.
7. Marinovich L.P. Vozniknovenie i ehvolyuciya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya civilizaciya i varvary. Moscow. 2006 pp. 5-29.
8. Perihanyan A.G. Obshchestvo i pravo v Irane v parfyanskij i sasanidskij periody. Moscow. 1983.
9. Sokolov S. N. Zoroastrizm // Avesta v russkih perevodah (1861—1996). St.Peterburg. 1997. pp.7-21.
10. Steckeovich M.S. Svoboda sovesti: Ucheb. Posobie. St.Peterburg. 2006.
11. Tokarev S.A. Rannie formy religii. Moscow. 1990.
12. Tora <https://toldot.ru/limud/library/humash/bereshit/bereshit/> (date accessed: 20.04.2017)

13. Flier A.YA. Istoriya kul'tury kak smena dominantnyh tipov identichnosti // <http://pandia.ru/text/77/477/12533.php>. (date accessed: 20.04.2017).
14. Hazanov 1975 — Hazanov A.M. Razlozhenie pervobytnoobshchinnogo stroya i vzniknovenie klassovogo obshchestva // Pervobytnoe obshchestvo. Osnovnye problemy razvitiya. Moscow. 1975. pp. 28-35.

В.П. Степанов,
доктор ист. наук, профессор, зав. каф. социальной
антропологии и этнонациональных процессов
Орловского государственного университета
им. И. С. Тургенева, Орёл, Российская Федерация
V.P.Stepanov ,
doctor of historical sciences, professor, head. cafe. social
anthropology and ethno-national processes
Orel state University named after I. S. Turgenev, Orel,
Russia

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОВИНЦИИ?

Аннотация. Исследуется феномен провинциализма на примере Республики Молдова в сравнении с соседней Украиной. Анализируется проблема конструирования сознания масс при формировании у них образа провинции. Рассматривается проблема романтизации истории и возможность развития крайних сторон резонирования этого явления. Автор усматривает тенденцию, складывающуюся на современном этапе в двух государствах, которые оказываются в привычном для себя состоянии несамостоятельных, манипулируемых сообществ, формально сохранивших статус государств, но при этом внутренне расколотых и готовых к привычному провинциальному статусу.

Ключевые слова: провинциализм, фронтир, романтизация истории, миф, фашизм.

DOES THE PROVINCE HAVE A FUTURE?

Abstract. The article deals with the phenomenon of provinciality on the example of the Republic of Moldova in comparison with neighboring Ukraine. The problem of building the consciousness of the masses in the process of forming their image of the province is analyzed. The author considers the problem of romanticization of history and possibility of extreme estimates of this phenomenon. The author sees the trend arising at the present stage in the two countries. These countries have found themselves in the habitual state of the non-self-sustaining, manipulated societies that have formally maintained state status but

at the same time have become internally divided and prepared for the customary status of the provinces.

Key words: provincialism, frontier, romanticizing of history, myth, fascism.

В своем выступлении я хотел бы остановиться на теме формирования образа провинции в политическом и культурологическом измерении.

Продолжая мысль, высказанную уважаемым Романом Ароновичем Рабиновичем, хотелось бы обратить внимание на места локализации провинции. Это, прежде всего, территории фронта. Тема формирования провинции в немалой степени связана с выделением в государстве влиятельного центра, который в истории, кстати, имеет свойство меняться.

Взгляд на провинцию формируется уже у легендарного полянина Нестора, высмеивающего в своем произведении примитивные нравы своих соседей древлян, которые «живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядыху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица» (Гудзий 1952: 5). Вятичи же, несмотря на подчиненность Древнему Киеву и вместе с тем отдаленность от него, сохранили свою самобытность и особый архетип, что в дальнейшем, при благоприятных обстоятельствах, позволило выдвинуться Московскому княжеству.

Провинция может возобладать над столицей, особенно если она далека от нее и самодостаточна. Наиболее ярко и показательно это проявляется в период Средневековья, когда этнические, а часто и государственные границы большинства стран не были устойчивыми. В таком случае провинция со временем способна сама стать столицей. Однако, даже если это произойдет, в ней еще долго будут ощущаться черты провинциальности.

С динамикой государственности не только изменяются и укрепляются внешние границы, но и трансформируются внутренние. Так с подчинением Сибири у Руси появляются новые провинции, аналогичная ситуация

складывается с обретением Россией левобережной Украины, Запорожской Сечи, а позже Бессарабии.

Украина и Молдавия: близость исторических судеб и участие в них России. В других работах я уже неоднократно обращал внимание на близость исторических судеб Молдовы и Украины (Степанов 2010, Степанов 2015), которые, несмотря на разницу в размерах, отличались порой общими историческими процессами, переживаемыми их населением. Обе страны на протяжении веков находились в «раскroенном» положении и под контролем внешних сил. Интересно, что свои государственные устои эти исторические территории обрели в немалой степени при участии России. Украинские земли в границах современной государственности оформились лишь к 1940 г., когда по Пакту Риббентропа–Молотова западные территории были включены в состав Советской Украины.

Часть земель Украины еще в XIX в. во многих источниках именуемой Малороссией, входила в состав России, представляя собой восемь губерний Российской империи – Черниговскую и Полтавскую, как бывшую территорию Гетманщины; Харьковскую, как бывшую Слободщину; Екатеринославскую и Херсонскую, как Новороссию; Киевскую, Волынскую и Подольскую, как истинное Поднепровье и Правобережье. Позже, по результатам Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1874 г., к России отошли земли нижнего течения Днепра, Приазовье и Крым. Были созданы новые губернии – Киевская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая, Новороссийская, Херсонская. Одновременно земли Западной Украины (Галичина) продолжали принадлежать австро-венгерской короне.

Бессарабская область (1806–1812 гг.), а затем губерния (1873 г.) вошла в состав Российской империи, запрутская Молдова влилась в состав Валахии, и не без участия России (достаточно вспомнить деятельность П. Д. Киселева) были созданы предпосылки для формирования объединенных румынских княжеств. Но дальше этого дело не пошло.

В последние два (а на Украине и более) столетия Молдове и Украине явно недостает самостоятельной истории без участия России. Вместе с тем, в силу внутренних и внешних процессов, сложившихся в годы постсоветского развития, подчеркивать связь с Россией в официальной историографии этих государств оказалось непрестижным, что привело к формированию новых исторических мифов. На Украине это идеализация дореволюционной борьбы за украинскую идею (Мазепа, Шевченко, Драгоманов и др.), в XX в. – бандеровщина, голодомор. В Республике Молдова – румынские ценности, критика советского строя, миф о великой Румынии. На протяжении периода независимости курс «История Молдовы» неоднократно заменялся курсом «Истории румын», в котором сама Молдова рассматривается как историческая румынская земля.

В этом контексте больше всего повезло Приднестровью, которое, сохранив целостное отношение к историческому прошлому, связанному с Россией и СССР, сумело с наименьшими потерями выйти из состояния перехода. Как ни страшно это констатировать, но война 1992 г. не только укрепила приднестровскую идентичность и, если можно выразиться, здоровый провинциализм. Она романтизировала ситуацию. Это оказалось то самое, здоровое чувство романтизма, замешанное на реалиях сегодняшнего дня, подпитанное эйфорией победы, которое в немалой степени способствовало историческому укреплению чувства региональной приднестровской специфичности. Причем не важно, каким статусом будет обладать Приднестровье в будущем, в любом случае оно сохранит в себе особую приднестровскую идентичность, с которой необходимо считаться.

Сильные и слабые стороны романтизации истории. Леонид Авраамович Мосионжик упомянул в своем выступлении на нашей конференции о романтизации провинции в концепции Чижевского (Чижевский Кшиштоф URL: http://abyss.su/abyss_issue/2/17). Действительно, чувство романтизма обладает огромной созидательной силой, это та самая матрица пассионарности, которая может выступить в качестве мощного

мобилизационного заряда, способного качественно изменить этносоциальное самочувствие сообщества. Одновременно существует другая противоположная опасность. Излишняя увлеченность романтизмом способствует уходу от реальности и погружает индивида и сообщества в мифологизированное пространство, как правило, направленное на ценности идеализируемого прошлого. Все это, в свою очередь, выступает серьезной угрозой в процессе гонки за современностью.

Так, собственно, и произошло с молдавским этносом, который оказался ввергнутым в поток романтизации, завязанный на ряде исторических мифов: могуществе средневекового государства Стефана Великого, где Прут протекал не на границе, а в центре страны. При этом возникли дополнительные трудности: сложно идеализировать того же Дмитрия Кантемира и Милеску Спафария. Прошлое не отпускает. Одновременно связь с Россией официально не романтизируется. Не то время. Наоборот, наблюдается постоянная тенденция отмежевания от нее.

Реалии современности продемонстрировали наличие несоответствия, идеализируемого и реального. Стефан Великий стал таким же национальным героем у румын, как и у молдаван. При формировании информационного блока романтических героев Молдова столкнулась с тем, что соседнее Румынское государство ее в этом смысле обставило. Практически все национальные герои, бюсты которых относительно недавно были представлены в центральном парке Кишинева, одновременно являются персоналиями, изображенными на денежных знаках Румынии и входящими в хрестоматии по истории и литературе соседнего государства. В этом контексте достаточно показательно-альтернативно выступает образ А.С. Пушкина, бюст которому воздвигнут «благодарными кишиневцами» (цитата из текста на монументе) в том же центральном парке. О противоречивости ситуации в Молдове свидетельствует тот факт, что как раз с имени этого поэта начинается антология приднестровской литературы в пятитомнике, выпущенном филологическим факультетом

ПГУ им. Т.Г. Шевченко в Тирасполе (История литературы Приднестровья 2008). Кто-то скажет, что это крайность. Возможно, но приведенные примеры лишний раз свидетельствуют о том, что Республика Молдова – страна контрастов.

В историческом процессе формирования румынской государственности в стране сложились определенные этнополитические мифы, способствующие мобилизационным процессам, в силу прорумынского конструкта получившие отражение и в Республике Молдова:

– давность проживания (праисторическое начало) – у румын идеализированная древняя Дакия. Отсюда идея о непрерывности проживания. Как следствие – теория Габриела Георге о том, что румынский язык был в основе индоевропейского языка. Тут опять прослеживается тонкая нить с украинской действительностью. Напомню слова украинского академика Омеляна Прицака: «У всех нас есть стремление происходить от шумеров» (Шнирельман URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php).

– идея национальной исключительности и национальной миссии румын как наследников двух великих народов древности – римлян и даков;

– идея о румынском превосходстве;

– миф о Великой Румынии. В магазинах этого государства даже сегодня можно встретить карты Великой Румынии, включающие в себя территории Республики Молдова, Приднестровья, прилегающих к ним земель современной Украины – Буковины и Одесской области.

Республика Молдова, обладая собственной древней историей, одновременно столкнулась с ее дефицитом. Благодаря части творческой интеллигенции и внешнему поощрению прорумынских настроений прорумынский романтизм, в сопоставлении с молдовенизмом оказывается ведущей идеологией.

И, наконец, еще одна сторона многогранной силы романтизма. Это ни много ни мало тонкий рубеж между романтизацией прошлого и фашизацией

сознания. Грань между героическим мифом, будящим патриотические чувства, и идеей этнической (национальной) исключительности очень тонкая. На это, в своих рассуждениях о вечном фашизме (ур-фашизм) обратил внимание итальянский писатель Умберто Эко. Кстати, первой характеристикой ур-фашизма он называет *культ традиции* (Признаки фашизма по Умберто Эко [Электронный ресурс] URL: https://snob.ru/profile/10497/blog/92074?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=blog).

Среди остальных составных ур-фашизма писатель перечисляет ряд показателей, открыто встречающихся в сообществе современной Молдовы: *«спекуляции идеями заговора»* (вспомним регулярно возникающую «руку Москвы»); *«Первейшие лозунги фашистоидного или пре-фашистоидного движения направлены против инородцев»* (знаменитый лозунг «чемодан, вокзал, Россия!» и не менее памятный – «русских за Днестр, евреев в Днестр!», звучавшие в Молдове в 1991-92 годах возымели свое действие. Развязался молдово-приднестровский конфликт, да и поуждало порядком и русских и евреев и тех же молдаван, на радость кричавшим и продолжающим так думать. Многие из кричавших, кстати тоже уехали...); *«формирование образа врагов, чересчур сильных и одновременно слабых»* (следует добавить врагов внешних и внутренних, среди внешних – Москва, которая не отпускает, а среди внутренних выделяется Приднестровье); *«качественный популизм, проявляемый в СМИ отобранной группой граждан, что подается как «суждение народа»*; следование тезису о том, что *«несогласие есть предательство»* (это особенно ощущается в гуманитарной сфере, сфере культуры и идеологии). Как следствие, вытекающее из предыдущего тезиса вырисовывается *«национализм, сформированный на факте рождения в конкретной стране как залог привилегированности»* (в Республике Молдова символом привилегированности, даже элитарности стало не столько рождение, сколько владение румынским/молдавским языком. Ведь практически треть населения им не владеет); *«подозрительность по*

отношению к интеллектуальному» (вспомним решение о закрытии Академии наук).

Наконец, *«критический подход к инакомыслящим»* (Признаки фашизма по Умберто Эко [Электронный ресурс] URL: https://snob.ru/profile/10497/blog/92074?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=blog). В комментарии к этому тезису Умберто Эко, хотелось бы отметить, что сегодня во многих докладах прозвучала мысль о героике молдавской истории, ее древнем наследии и особом молдавском самосознании.

В качестве примера можно привести информацию из соцсетей о публичной полемике министра Владимира Мединского и историка, доктора исторических наук, директора Госархива РФ Сергея Мироненко (*«Мы находимся в состоянии войн памяти»* URL: <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/>). Последний документально доказал, что не было подвига 28-ми панфиловцев, что это идеологическая инсинуация. На что министр заявил, что не позволит марать героическое прошлое, и начал преследовать историка. Ничего не напоминает? Посмотрите, что происходит с теми, кто не согласен с идейной стороной румынизации: они или растекаются в сопротивляющиеся провинции *de jure* единой Молдовы, либо вообще вынуждены покинуть республику.

Согласно точке зрения Умберто Эко, для того чтобы бить тревогу об угрозе фашизма в обществе, достаточно 6–7 признаков из 14-ти. Читатель ради интереса может вернуться к предыдущему абзацу и посчитать показатели, наличествующие в современной Республике Молдова.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно косвенное обстоятельство – на идеализацию восточнороманским сообществом римской культуры и соотношения своего прошлого с ней (выше уже говорилось о тенденциях удревнения истории своего народа). Все хорошо помнят лозунг, долгие годы висевший над центральной улицей Кишинева в районе кинотеатра «Patria»: *«Da, noi trăim în Dacia Traiană!»* (Да, мы живем в троянской Дакии). Но это не

основная сюжетная линия, а скорее ее следствие. Просто фашизм сформировался в Италии. Румыния, как хорошо известно, в первой половине Второй мировой войны активно распространяла идеи фашизма. Схеме, распространявшейся в межвоенный период, затем закреплённой политикой Антонеску, есть от чего отталкиваться сегодня. По крайней мере, все выглядит достаточно прозрачно...

Свобода – это еще и ответственность. После распада Советского Союза на титульное население республики свалилась серьезная ноша – отвечать не только за себя, но и за весь полиэтнический состав населения: украинцев, русских, болгар, гагаузов, евреев, цыган, а также представителей многих других этнических сообществ, которые, проживая в республике, считают ее своей родиной. А опыта молдавскому государству явно не хватало. Отсутствие опыта государственного строительства обусловлено историческими особенностями развития Молдовы: длительный исторический период раздробленности Молдавского княжества, фанариотский режим, периферийное положение Бессарабской губернии и, наконец, условная самостоятельность Молдавской ССР, как и других союзных республик, не могли не сказаться на развитии страны. Проекты 1924 и 1940 гг., Пакт Молотова–Риббентропа, распад СССР и, соответственно, исчезновение МССР с карты были привнесены из Москвы, равно как и идея Великой Румынии – из Бухареста. Иными словами, молдавская идентичность, кириллическая графика и даже этноним «молдаване» и глоттоним «молдавский язык», а также самоуправляемая Молдавская церковь, как часть Русской православной церкви, в немалой степени оберегались русским влиянием на подконтрольных России территориях на обоих берегах Днестра с конца XVIII в. до распада советской державы.

Важно обратить внимание на еще один феномен. Дореволюционная Россия, затем СССР и Румыния за годы своего существования относились к молдаванам и молдавскости как к региональным ценностям своих культурных окраин ¹.

Подобное отношение к населению пограничья обусловило формирование у него, особенно у региональной интеллигенции, определенного комплекса ущербности и тяги к культуре политически доминирующих центров: в разное время – Санкт-Петербурга, Москвы и Бухареста.

После событий начала 90-х гг., когда из молдовенизма быстро вычленяется активный румынизм, резко отрицающий русскокультурные ценности, которые нужно было на период перехода изолировать. Заметим, что столь же негативно по отношению к русскому языку и культуре, особенно на ранних этапах независимости, были настроены молдовенисты. Задача была проста: нужно было лишить русскокультурное пространство приоритетности, прежде всего через ограничение использования русского языка. Новая элита осуществила это в первую очередь. Далее организованная система уже румынской идеологии серьезно «придавила» оставшихся молдовенистов.

Итак, возникает риторический вопрос: насколько молдавская этничность, находящаяся под серьезным «перекрестным огнем» русских и румынских ценностей, является жизнеспособной? Сможет ли она продолжить свой, особый этнический путь?

Кризисность ситуации показательно демонстрируется нескончаемым перетягиванием каната под названием «государственный язык». Причем, как всем известно, существует масса государств, в которых государственным языком является язык другой страны. Полмира использует английский язык, в качестве государственного языка, при этом нисколько не меняя своей этнической и гражданской идентичности. Взять ту же Индию или Китай. В случае же с Молдовой вопрос стоит более чем сурово, – тут вспоминаются слова из мультфильма: «Как Вы яхту назовете, так она и поплывет». Иначе говоря, изменение названия языка – угроза не только утратить собственное самоназвание, это еще и серьезная причина этнической инкультурации в родственное румынское пространство. При этом нельзя забывать, что

территории с названием *Молдова* сегодня входят в состав трех государственных образований. При этом Румынская Молдова является одной из провинций румынского государства и в качестве таковой рассматривается исторически. Бессарабия, являющаяся основной частью современной молдавской государственности, одновременно выступает как отломленный ломоть исторически находящийся на пограничье русской и румынской культур. Родовая травма раскола ранее единого государства Молдовы нет-нет, а дает о себе знать до сих пор. Ситуация несколько смягчается теми обстоятельствами, что некогда единое пространство Молдовы пережило в XIX в. буржуазные трансформации, в ходе которых начали выстраиваться ценности, в том числе и государственные, тех государственных образований, в которых тогда оказались земли Молдавского княжества, что продолжает сохранять свою знаковость вплоть до настоящего времени. При этом (вот в чем парадокс!) и запрутская Молдова для официального Бухареста, и тем более Бессарабия выступали хоть и узнаваемой, но провинцией. Таковыми они являются и в настоящее время. Причем образ второго румынского государства нисколько не снимает его второстепенность по сравнению с румынской столицей. Ситуация в определенной степени напоминает отношение Берлина 30-х гг. по отношению к Австрии. С другой стороны, давайте признаемся честно, мы привыкли рассуждать, что за Прутом румыны, но они же сиречь – молдаване, запрутские, правда. Однако тема исторической Молдовы остается скорее фантомом, хотя определенные примордиальные черты общности и ментальной целостности налицо. Этим не принято заниматься, можно сказать – не модно, более того – не своевременно. Тут бы в своем, как говорится, разобраться...

И наконец, самопровозглашенная приднестровская государственность, носящая в своем названии понятие «молдавская» – территория-конструкт, исторически созданная как реакция страны Советов на события в Бессарабии 1918 г. и территориально реанимированная в контексте очередной угрозы формирования проекта Великой Румынии. Острый вопрос относительно ее

названия с использованием термина «молдавская» – еще одна кривая молдавской пассионарности или того же конструкта, который все равно работает на эту самую пассионарность.

На этом многоликом фоне проявился еще один очень болезненный вопрос. Вопрос, из-за которого в республике, по большому счету, произошел раскол населения на несколько составляющих – сторонников молдавского и румынского языков и приверженцев русскокультурного наследия. Понятно, что это утрированная схема, но именно по такой схеме устроены провинции, имеющиеся внутри Молдовы, в качестве прорумынского центра, борющегося с промолдавской оппозицией, и русскокультурных в своей основе Приднестровья и Гагаузии. Таким образом, тот же столичный Кишинев можно рассматривать не только как многоликую провинцию по отношению к румынскому центру в Бухаресте и русскому центру в Тирасполе, а далее по нарастающей – в Москве, но и как провинцию в провинции, где, например, та же русскокультурность приобретает особые черты в своем проявлении и трансляции, по сравнению с Приднестровьем и Гагаузией.

В политические манипуляции втягиваются народные массы. Что есть провинциальность в устах сторонников Великой Румынии? Это Бессарабия, как общерумынское пространство, прозябающее вне общекультурного румынского поля. Собственно, этому учат сегодня детей в детских садах Республики Молдова, в школах и университетах. А кто не согласен, вроде нас с вами, уважаемые собравшиеся, тот сам дурак! И история это, как бы докажет, ведь пишется она победителями, а объективность в данном случае, скорее, удел вечности, нежели здравого смысла, который оказывается более сговорчивым и управляемым. Я прекрасно понимаю, что уже в немалой степени вас раздражил своими высказываниями, уже многие готовы со мной вступить не только в спор, но и в рукопашную схватку. Однако все же предлагаю дождаться перерыва и одновременно хочу дополнить, что гуманитарное знание позволяет сосуществовать несколькими альтернативным точкам зрения на проблему. И

это реальность, отличающая право существования множественности точек зрения на социальное прошлое от безысходной формулы, действующей в любой стране мира, вне зависимости от ее идеологии, при рассмотрении, например, второго закона термодинамики...

Смешались несколько важнейших понятий – молдавскость как этническая принадлежность и этнокультурная корпоративность, которая одновременно может в себе содержать государствообразующую составляющую. При этом все эти характеристики подвергаются мощному идеологическому прорумынскому прессингу, подчеркивающему провинциальность молдавскости и то, что она является составной частью по отношению к общерумынским ценностям. А молдавская государственность выступает, скорее, в качестве исторической ошибки, нежели феномена выживания молдавской пассионарности (и действительно, ведь наиболее культурно продвинутая запрутская часть Молдовы оказалась в этом отношении наиболее пассивной). И тут у меня возникает вопрос: почему *de jure* самостоятельная Республика Молдова ни разу не выставила в качестве своей государственной программы – пусть невыполнимую, но все же – идею воссоздания Великой Молдовы? Напомню, что жидкие попытки времен раннего Воронина в запрутской Молдове натолкнулись на мощное противостояние со стороны румынских правоохранительных органов, на чем разовые инициативы сами собой рассосались. Это единичное проявление прошло практически незаметным, в отличие от Республики Молдова, в которой идея формирования молдавской провинции Румынии приобрела масштабные и, главное, многосторонние проявления в разных слоях общества, что, кстати, имеет место вплоть до времени озвучивания доклада. Более того, СМИ пестрят заголовками, предрекающими перспективу исторического объединения двух государств через сто лет после событий 1918 г.

И еще раз о провинциализме. Заметим, в России стали избегать термина «провинция» (в русском языке соответствующее понятие носит не

совсем положительную коннотацию, означая, в том числе, «захолустье», «глубинка», «местечковость» и т. п.), заменяя его понятием «регионы». Причем как на Украине, так и в Молдове и России общая увлеченность региональным фактором в последние двадцать лет работает не на укрепление государственных, а в противоположном направлении. Даже конфликты стали рассматриваться как региональные, затрагивающие проблемы отдельных частей конкретной страны (Приднестровье, Чечня, Донецкая и Луганская республики), когда в остальной географии Молдовы, России и Украины люди, не втянутые в противостояние, продолжали и продолжают ходить на работу (если она есть), в школу, сидеть за барной стойкой и т. д. Не то чтобы люди стали безразличными, просто они под влиянием времени стали другими. Государство теперь воспринимается по-иному – свобода перемещения, поиск лучшей доли (в связи с той же невозможностью стран новых демократий обеспечить своих граждан необходимым, тем, что делает жизнь стабильной) породили повышенную долю цинизма по отношению к тому понятию, что в классической литературе принято называть Родиной.

Реконструкция привычных конструкций. Несколько слов хотелось бы сказать о Буджаке – исторической территории окончательного оформления гагаузской нации. Это территория сосуществования двух этнических сообществ – болгар и гагаузов. В местном понимании – это колоритная, отличающаяся от других молдавских регионов территория. Появление на карте Молдовы гагаузской автономии продемонстрировало, как провинция может стать центром (культуры, науки, образования). Конечно, еще много необходимо сделать, но образ малой Родины десятков тысяч людей изменился, также как и образ Левобережья, прошедшего через кровавые события начала 90-х и пытающегося сохранить романтизм своего права на самоопределение.

Мы живем в быстро меняющемся мире, в котором конструирование является частью повседневности. Этноцентризм, как одна из характеристик современных государственных, сегодня тесно соседствует с меняющимся

образом государства. Традиционализм в его (государства) понимании, конечно, еще в немалой степени превалирует, но все больше растет число мигрантов, меняющих место жительства в разных государствах, пусть и по близкокультурному фактору, но далеко не всегда. Исходя из этого появляется целый класс мигрантов, который увеличивается и формирует, постепенно, конечно, новый образ провинции проживания. Этот новый образ демонстрируют как устоявшиеся системы (типа Брайтон Бич в США), так и относительно новые «провинции» арабов и турок во французских и немецких городах. Примеры можно продолжать. При этом растет число не новых этнообразований в иноэтничном окружении, а лиц без этнической идентификации, особенно немалого числа растущего высококвалифицированного сообщества специалистов, представители которого готовы работать за менее высокую плату в новых местах развития цивилизации. И в этом контексте особенно показательно то, что эти *герои современности* обычно не опираются на свои этнические принципы, а если это и происходит, то это все равно затрагивает более глобальную среду ментальности нового поколения, которое может выходить на более общую характеристику современности, отдельно отраженную в книге М. Кундера:

«Йозеф продолжал:

– Советская империя рухнула, поскольку не могла далее укрощать нации, стремящиеся к независимости. Но эти нации нынче менее независимы, чем когда-либо. Они не в состоянии определить ни свою экономику, ни внешнюю политику, ни даже собственные рекламные слоганы.

– Национальная независимость давно стала иллюзией, – сказал Н. – Но если страна не суверенна и не стремится ею стать, готов ли будет кто-нибудь умереть за нее? Я не хочу, чтобы мои дети были готовы умереть.

– Тогда я скажу иначе: любит ли еще кто-нибудь эту страну?

Н. замедлил шаг:

– Йозеф, – сказал он взволнованно. – Как ты мог эмигрировать? Ты же патриот! – Затем очень серьезно: – Умереть за свою родину, такого больше не

существует. Быть может, для тебя в года твоей эмиграции время остановилось. Но они уже не думают, как мы.

– Кто?

Н. поднял голову к верхним этажам дома, как бы указывая на свое потомство: «Они в другом мире» (Кундера 2004: 150-151).

Вместо заключения. В детстве дети часто спорят, у кого папа сильнее. Причем побеждает далеко не всегда тот, у кого отец действительно сильнее. В нашем разговоре тоже многое зависит от обстоятельств. С сожалением следует констатировать, что Россия утрачивает позиции на западном направлении, в частности в Молдове и Украине, которые отличаются зависимостью и склонностью к исторической расколоте своих территорий. Последние же, несмотря на страдания основной массы народа, оказываются для себя в привычном состоянии несамостоятельных, манипулируемых сообществ, формально сохранивших статус государств, но при этом внутренне расколотых и готовых на привычный провинциальный статус. Ситуация в определенном смысле напоминает драму с жадной невестой, которая ждет богатого и, самое главное, целеустремленного жениха, который ее скорее обаяет. При серьезном ухаживании барышня требует внимания, в том числе и финансового. В настоящее время выбор у Молдовы невелик. С Запада сыплются миллионные вливания, а Россия больше старается работать с исторической памятью, резко сузившейся в сообществе из-за серьезного прозападного переформатирования сознания молодого поколения и оттока массы пророссийски настроенных жителей.

Я ухожу с конференции, удовлетворенный разговором, но число вопросов к теме обсуждения не уменьшилось. Сколько времени потребуется Республике Молдова, для того, чтобы выйти из привычного провинциального состояния? Какой видит Россия будущее молдавской государственности? Насколько она готова идти в этом направлении? Кто хочет видеть молдавское государство самодостаточным и динамично развивающимся? Прежде всего,

насколько к этому готов сам народ Молдовы, привыкший больше выступать в качестве статиста?..

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Феномен культурного пограничья земель Пруто-Днестровского междуречья и левобережного Поднепровья сосредоточил в себе культурные пласты восточных романцев (молдаван, румын), восточных славян (украинцев, русских), южных славян (болгар) и тюрков (гагаузов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древнерусской литературе XI – XVII веков. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952.
2. История литературы Приднестровья / Министерство просвещения Приднестровской Молдавской Республики, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Институт языка и литературы, Временный творческий коллектив «Литера»; [редакционная коллегия: В. А. Панкрушев (отв. ред.) и др.]. Тирасполь: Изд-во Приднестровского ун-та, 2008.
3. Кундера М. Неведение. СПб., 2004. С. 150-151.
4. «Мы находимся в состоянии войн памяти». [Электронный ресурс] URL: <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (дата обращения: 28.09.2017).
5. Признаки фашизма по Умберто Эко [Электронный ресурс] URL: https://snob.ru/profile/10497/blog/92074?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=blog (дата обращения: 20.02.2017).
6. Степанов В. П. Грани идентичностей. Кишинев: ElanInc, 2010.
7. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва–Тирасполь, РИСИ, 2015.
8. Чижевский Кшиштоф. Время провинции. Пер. с польск. Мосионжик Л. А. // Abyss. научный электронный рецензируемый журнал / [Электронный ресурс] URL: http://abyss.su/abyss_issue/2/17 (дата обращения: 19.01.2017).
9. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php (дата обращения: 19.01.2017).

REFERENCES

1. Gudzij N. K. Hrestomatiya po drevnerusskoj literature XI XVII vekov. Moskva, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1952.
2. Istoriya literatury Pridnestrov'ya/Ministerstvo prosveshcheniya Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, Pridnestrovskij gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko, Institut yazyka i literatury, Vremennyy tvorcheskij kollektiv «Litera»; [redakcionnaya kollegiya: V. A. Pankrushev (otvetstvennyj redaktor) i dr.]. Tiraspol': Izd-vo Pridnestrovskogo un-ta, 2008.
3. Kundera M. Nevedenie. SPb., 2004. S. 150-151.
4. «My nahodimsya v sostoyanii vojn pamyati». [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (data obrashcheniya: 28.09.2017).
5. Priznaki fashizma po Umberto EHko [EHlektronnyj resurs] URL: https://snob.ru/profile/10497/blog/92074?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=snob&utm_content=blog (data obrashcheniya: 20.02.2017).
6. Stepanov V. P. Grani identichnostej. Kishinev: ElanInc, 2010.
7. Stepanov V. P. Etnopoliticheskoe konstruirovanie grazhdanskoj identichnosti na beregah Dnestra (1989 – 2014 gg.). Moskva–Tiraspol', RISI, 2015.
8. Chizhevskij Kshishtof. Vremya provincii. Per. s pol'sk. Mosionzhik L.A.// Abyss. nauchnyj ehlektronnyj recenziruemyj zhurnal. / [EHlektronnyj resurs] URL: http://abyss.su/abyss_issue/2/17 (data obrashcheniya: 19.01.2017).
9. Shnirel'man V. Nacional'nye simvoly, ehtnoistoricheskie mify i ehtnopolitika. [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php (data obrashcheniya: 19.01.2017).

Научное издание

Провинциализм: сохранение самобытности или самоизоляции?

Научно-практическая конференция

Сборник научных статей и докладов

Материалы печатаются в авторской редакции

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95, <http://oreluniver.ru>

Подписано к печати 18.07.2018 г. Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 18,75. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева»
302030, г. Орел, ул. Московская, 65